

Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX в.

Ю.И. Белоногова

Введение

Настоящая книга посвящена истории русского сельского духовенства в начале XX века. Исследование написано на основе многочисленных архивных документов, периодических изданий начала XX века и опубликованных источников. Дается описание жизни и быта духовенства, его материального обеспечения, его духовно-нравственного состояния. Показаны взаимоотношения духовенства и крестьян, их восприятие своего положения, священнического служения, отношения к храму и вере.

Для всех интересующихся русской историей.

Введение

Приходское духовенство в России на протяжении столетий было наиболее близким к крестьянству сословием, связанным с ним самим своим происхождением, общностью быта, религиозными традициями. Православие являлось нравственной опорой трона: государство нуждалось в поддержке и помощи духовенства, единственного образованного сословия, связанного с народом и обязанного на приходах являть пример высокой нравственной жизни. Кроме того, священнослужители стремились оказывать крестьянам деятельную помощь: создавали приюты, общества трезвости, просвещения, помощи бедным, преподавали, открывали в деревнях школы. Именно благодаря значительному влиянию белого духовенства практически на все стороны жизни русского народа его судьба является важной частью истории Церкви и государства. Деятельность приходского духовенства, находившегося в самом тесном и живом общении с народом, составляла живой нерв народной жизни, и неудивительно, что многие любимые народом пастыри начала XX века были позднее прославлены в лике новомучеников.

Изучение многовековой истории русского крестьянства свидетельствует о его неразрывной связи с Православием. Однако, по мнению ряда исследователей, именно его позиция – как позиция основной массы населения страны в начале XX в. – стала одним из важнейших факторов победы революции в России. Изучение духовного состояния крестьянства, а также связи его религиозности с социальными факторами может в какой-то мере раскрыть предпосылки трагедии русской деревни и Православной Церкви в 1920–30-е гг., объяснить кажущиеся противоречия в религиозных убеждениях народа.

Общеизвестно, что на рубеже веков приходское духовенство выполняло помимо собственно религиозных еще и важные государственные функции. В соответствии с законом приходские священники вели метрические книги, записи брачных обысков, регистрировали факты смерти, выдавали метрические свидетельства¹. Можно сказать, через приходское духовенство верховная власть общалась с подданными: в церквях после праздничных богослужений священнослужители были обязаны оглашать официальные документы, например царские указы и манифесты. На основании близости священнослужителей и прихожан с начала XVIII в. был законодательно установлен порядок предупреждения и пресечения возможных волнений и заговоров при непосредственном участии духовенства. Клирикам предписывалось с помощью увещаний пресекать волнения крестьян, а в случае их начала прилагать максимум усилий для прекращения беспорядков². Естественно, в таких условиях перед правительством вставал довольно остро вопрос обеспечения духовенства, выполняющего функции государственных чиновников. Государство пыталось его решить в период «великих реформ» 1860–70 гг., однако поиск средств на улучшение материального положения причтов проводился в крайне неблагоприятных условиях. Казна, опустошенная Крымской войной 1853–1856 гг. и экономическим кризисом, не могла обеспечить проведение такого рода реформы³, и решение вопроса о материальном обеспечении приходского духовенства долгое время – фактически десятилетиями – откладывалось.

В начале XX в., несмотря на то что отдельные представители русской литературы, философии, искусства обращались к Церкви, основная масса русской интеллигенции оставалась настроенной политически радикально и зачастую антицерковно. Антиклерикализм проникает и в народную среду, – естественно, что политизация народа сопровождалась его расцерковлением. С другой стороны, приходское служение священников и их взаимоотношения с сельским обществом не предоставляли им возможности активно заниматься воспитанием своих прихожан, и, как следствие, крестьяне постепенно начали прислушиваться к выступлениям различных пропагандистов с леворадикальными политическими и антихристианскими идеями. Для противостояния новой тенденции Церкви было необходимо обновить приходскую жизнь и усилить пастырскую работу священнослужителей. Но, по мнению современников, этому препятствовало отсутствие как прав юридического лица у прихода, так и прав собственности; связанность по рукам и ногам бюрократическими ограничениями, которые не позволяли на уровне прихода решать многие вопросы не только церковно-просветительского, но и социального характера. На епархиальном уровне также многое контролировалось не только консисторской, но и светской бюрократией.

Правительство, сознавая, что при существующем положении материального обеспечения духовенства пастыри плохо справляются со своими обязанностями относительно вверенных им душ пасомых, неоднократно пыталось решить этот вопрос. Можно было перевести духовенство на государственное жалованье, однако материальное положение самого государства не позволяло этого сделать из-за отсутствия необходимых денежных средств. Тем не менее, хотя и с большими сложностями, духовенство постепенно переводилось на государственное обеспечение – к началу XX в. доля приходов, получавших государственные дотации, была крайне незначительной, а доля казенных денег в структуре доходов приходских священников составляла лишь малую часть.

В свою очередь Московская губерния являлась одним из экономически развитых регионов России, поэтому для нее был характерен быстрый рост численности рабочего класса: крестьяне-отходники и рабочие, не порывавшие связи с деревней, оказали большое воздействие на изменение массового сознания сельских жителей, перенося в деревню новые формы поведения и общения, коренным образом отличавшиеся от традиционных крестьянских. Рабочие являлись в глазах крестьян носителями передового сознания, кормильцами своих семейств, поэтому имели большой авторитет, к их словам прислушивались, для деревенской молодежи их поведение было образцом для подражания.

Изучение вопроса о материальном положении приходского духовенства начинается уже с эпохи «великих реформ», когда в 1860-х гг. стали появляться публикации, посвященные данной проблеме. Классическими трудами этого времени по истории духовного сословия в России являются две монографии профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского – «Приходское духовенство на Руси» и «Приходское духовенство в России со времен реформ Петра»⁴. Данные работы и доселе остаются наиболее солидным, полным, объективным и систематическим обзором истории приходского духовенства за период XII-XIX вв. Такие проблемы, как материальное обеспечение священства, основные источники его дохода, положение клирика в приходе, назначение на место, взаимоотношения с землевладельцем были важны и в допетровский период. Эти вопросы освещены книге П.С. Стефановича «Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках»⁵.

Многие проблемы, волновавшие представителей церковных кругов в начале XX в., активно обсуждались в правление императора Александра II в связи с преобразованиями, затронувшими все области жизни. О церковных реформах 60-х гг. XIX в. повествует богатая фактами монография С.В. Римского «Российская Церковь в эпоху реформ»⁶. Теме реформы прихода в XIX в. был посвящен доклад А.В. Прокофьева,

представленный на ежегодной богословской конференции ПСТБИ 1999 г.⁷

Вопросам церковной истории начала XX в. посвящена работа И.К. Смолича «Предсоборное Присутствие 1906 г. К предыстории Московского Поместного Собора 1917/1918 гг.»⁸. Наиболее фундаментальным трудом по истории всего синодального периода является работа И.К. Смолича «История Русской православной церкви (1700 – 1917)»⁹. Автор впервые проанализировал всю систему церковного устройства в Синодальный период, однако не имел доступа к российским архивам, поэтому анализ приводимых фактов представляется неполным. Нельзя безоговорочно согласиться с суждением И.К. Смолича о том, что Церковь располагала достаточными финансовыми средствами на проведение всех реформ, но не была способна использовать их рационально. Автор считает, что суммы, потраченные в форме пожертвований на деятельность храмов, были «огромными». Ошибочно его суждение о том, что иерархи Церкви не высказывали «никаких реформаторских устремлений»¹⁰.

Фундаментальным исследованием по истории Церкви в начале XX в. является работа прот. Владимира Рожкова «Церковные вопросы в Государственной Думе»¹¹, впервые опубликованная в Риме Понтификальным Восточным институтом в 1975 г. (за нее автор был удостоен степени доктора канонического права). Проблемы, стоявшие перед Церковью в начале XX в., были столь значительны, что активно обсуждались не только на местном уровне, но и в столице. Среди актуальных для духовенства того времени вопросов, рассмотренных прот. В. Рожковым, были обсуждение Думой финансового состояния Церкви и вопрос о реформе церковного прихода. Прот. Владимир на примере обсуждения вопроса материального обеспечения духовенства показывает разногласия в восприятии этой проблемы различными слоями населения. Интересно, что за ограничение финансовой помощи клирикам выступали крестьянские депутаты – само же рассмотрение церковных вопросов в Государственной Думе позволяет увидеть один из аспектов глубоких расхождений

между Церковью и обществом уже не на местном, а общегосударственном уровне.

Если до Поместного Собора 1917–1918 гг. вопрос о приходе был жизненно важным, то в связи с внутриверительными событиями, обернувшимися трагедией для Русской Церкви, приходская тема закрывается на долгие годы. Исследования советского периода могли касаться темы православного прихода, но только в свете интереса к строю общественному, а не церковному, и рассматривали вопрос о духовенстве и религиозности крестьянства с точки зрения культуры и быта русской деревни. Впрочем, уже в 1990-е гг. рядом авторов (О. Баранова, О. Буховец, Н. Миненко и др.) были опубликованы работы, в которых рассматривалось положение крестьянства различных регионов Российской империи начала века, его экономическое положение, нравственное состояние, культура и быт¹². В конце XX в. историки стремятся переосмыслить исторический опыт России уже почти вековой давности, поэтому часто возвращаются к событиям начала минувшего столетия. Самым глобальным событием церковной истории начала XX в. был готовившийся продолжительное время Поместный Собор. Именно он, по замыслу современников, должен был решить все вопросы, тревожившие Церковь, в том числе вопросы высшего церковного управления, суда, равно как и материального положения духовенства, его образования, статуса в обществе, положения прихода и путей его возрождения.

В недавнее время, в конце XX – начале XXI в., появились обобщающие исследования по истории Русской Церкви XIX – начала XX в. Прежде всего следует отметить монографию С.Л. Фирсова, в которой освещается период, непосредственно предшествовавший революции 1917 г., и подготовка Поместного Собора 1917–1918 гг.¹³ Анализ деятельности Предсоборного присутствия посвящено исследование иерея Георгия Ореханова «На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция»¹⁴. Работа Е.В. Беяковой «Церковный суд и проблемы церковной жизни»¹⁵ рассматривает церковно-правовые вопросы на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Проблеме отношений между духовенством и мирянами русской

деревни посвящена работа А.Н. Розова «Священник в духовной жизни русской деревни»¹⁶. Основное внимание автор уделяет взаимоотношению духовенства и помещиков, приводит обзор православных обрядов, указывает на специфику их совершения в деревне XIX в., анализирует влияние пастыря на деревенскую культуру.

В последние годы стали появляться работы по изучению менталитета и мировоззрения русского народа в начале XX в. Например, О.С. Поршнева анализирует перемены, произошедшие в сознании народа в связи с изменениями условий жизни, в частности насколько Первая мировая война повлияла на ценностные и поведенческие установки крестьянства¹⁷.

Определенный интерес представляют современные исследования по этнической психологии и менталитету русского народа. В них разбираются условия формирования, содержание и специфика различных форм и проявлений традиционного сознания¹⁸. Сборники «Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков. Итоги этнографических исследований» и «Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX веках. Этнографические исследования и материалы»¹⁹ объединены единой задачей – показать влияние Православия на жизнь и быт крестьянства. В них содержится богатый материал по многим регионам России о крестьянах, их отношении к храму и кругу церковных богослужений и праздников. Авторы стремятся доказать, что Православие освящает все стороны жизни русского человека; анализируют отношение крестьян к духовенству; реконструируют моральный облик человека, жившего в деревне, но не делают различия между верой и обрядом, не стремятся объяснить, почему же народ-"богомалец» так легко отрекся от Бога. Для авторов принципиально важно понять, как вера связана с образом жизни, как она мотивирует повседневное поведение, организует бытовую культуру личности²⁰.

Источниковый материал о приходском духовенстве в России в начале XX в. необъятен – это и документы Святейшего Синода, епархиальных Духовных Консисторий, хранящиеся в

расположенных по всей России архивах, и материалы столичной и провинциальной периодической печати. Одним из главных источников по данной теме можно назвать материалы официального делопроизводства Московской Духовной Консistorии (далее – МДК), хранящиеся в архиве Московской Духовной Консistorии, теперь в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ. Ф. 203). В советское время, в 1928–1936, 1951, 1953 и 1957 гг., была произведена экспертиза ценности и обработка документов фонда МДК: часть их была выделена в макулатуру и уничтожена. Несмотря на это, консисторский фонд остается крупнейшим документальным комплексом по исследованию всех сторон церковной жизни Москвы XVIII–XX вв. Важнейшей его частью являются дела храмов Московской губернии и делопроизводство духовных правлений, подведомственных Московской консистории и осуществлявших непосредственное административное руководство церковной жизнью в уездах. Эти органы церковного управления и суда существовали в начале XX в. в 13 уездах Московской губернии.

В фонде МДК содержатся следующие материалы, важные для исследования заявленной проблемы.

1. Документы Св. Синода: указы Синода и МДК, протоколы и журналы заседаний, отчеты.

2. Документы епархиального управления: донесения духовных правлений, настоятелей монастырей, благочинных, настоятелей крупных храмов, переписка о состоянии церквей, монастырей и архиерейского дома; пожалования церквям и монастырям дворцовых земель и построек, о разрешении на постройку, надстройку, ремонт, освящение храмов и часовен, выдача разрешений на устройство домовых церквей.

3. Документы, касающиеся жизни приходского духовенства: о возведении в сан, монашеских постригах, увольнении за штат, переводе на новое место, а также многочисленные прошения клириков о материальной помощи. Большим блоком изученных материалов, впервые вводимых в научный оборот, являются расследования, заводимые на приходских священников по прошениям прихожан: они отражают характер бытовых

отношений между клиром и крестьянством, показывают способы решения конфликтов.

4. Статистические отчеты по отдельным храмам, благочиниям и епархии в целом: отчеты о состоянии Московской епархии, ведомости о церквях, белом духовенстве и лицах православного вероисповедания, клировые ведомости по отдельным храмам и благочиниям Московской епархии. К сожалению, клировые ведомости и послужные списки священнослужителей в архиве отражают жизнь духовенства очень немногих сельских церквей Московской губернии.

Указы по Ведомству Православного исповедания помещены в хронологическом порядке в «Полном собрании законов Российской Империи». В «Своде законов Российской Империи» законы и указы, касающиеся церковной жизни, помещены в 1-м томе; в 3-м томе рассмотрены вопросы о наградах, окладах и пенсиях духовенству; в 4-м томе приведен «устав о повинностях», отдельные статьи которого относятся к духовенству; в 9-м томе изложены законы о сословных правах духовенства; в 13-м – законы о епархиальных попечительствах о бедных духовного звания; в 16-м – о судопроизводстве по делам о преступлениях против Церкви и по гражданским делам церковных учреждений.

Для характеристики официальной деятельности Церкви было использовано ежегодное издание – «Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания»²¹, в котором собрана епархиальная статистика по рождаемости, смертности, заключенных браках и общей численности православного населения, количеству храмов и часовен, подводятся итоги общественной деятельности Церкви, обрисовывается нравственное состояние страны, формулируются основные проблемы, стоящие перед Церковью, публикуются сведения о деятельности и положении учебных заведений Православной Церкви, приводятся данные о состоявшихся канонизациях новых святых.

Опубликованными источниками по истории Церкви данного периода являются «Отчеты епархиальных архиереев по

вопросу церковной реформы»²², которые содержат оценки и суждения составителей. Тревога церковных иерархов и священнослужителей, вызванная положением народной религиозности в рассматриваемый период, определяла общий настрой представителей клира.

В архиерейских отчетах не скрывались негативные тенденции церковной жизни, намечались пути ее преобразования, поскольку русскому епископату, как правило, были известны нужды простых священников. К началу 1905 г. в Русской Православной Церкви было 66 епархиальных епископов, а вместе с викариями – 109. Из них 40 человек (36 %) ранее служили приходскими священниками, впоследствии овдовели и приняли монашеский постриг. Из членов Синода 40 % (11 из 25) были хиротонисаны из вдовых священников. Можно сравнить эти данные с аналогичными за 1897 г.: из 108 архиереев – епархиальных или находившихся на покое – 78 лиц (71 %) состояли ранее в браке, то есть приняли монашество овдовев и были ранее либо приходскими священниками, либо наставниками духовных учебных заведений²³. Представители высшего духовенства со знанием дела могли писать в «Отзывах» о проблемах Русской Церкви. Эти материалы богаты и интересны глубокими замечаниями именно о епархиальной и приходской жизни. Иерархи пишут о нуждах духовенства, предлагают различные способы улучшения его материального положения, укрепления авторитета пастыря, создания жизнеспособного прихода. Отчеты епархиальных архиереев о настроениях, состоянии религиозности, нравственности народа являются весьма авторитетным источником для анализа восприятия духовенством сложившихся в начале XX в. взаимоотношений прихода и пастырей.

Немаловажным источником служат стенографические отчеты заседаний III и IV Государственных Дум²⁴, обсуждавших вопрос утверждения сметы расходов Св. Синода, вопрос увеличения кредитования на церковные нужды, в частности на жалованье для священнослужителей. Стенографические отчеты выявляют глубокое расхождение во взглядах на положение

Церкви и духовенства между самим духовенством и прогрессивно-либеральной общественностью.

Следующую группу источников представляют воспоминания и дневники современников. Дневники архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого) являются одним из ярких источников по характеристике деятельности Предсоборного присутствия. Дневники хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 550. Оп. 1. Д. 507–520) и представляют собой 14 тетрадей объемом около 2000 печатных страниц, охватывающих период с 1880 по ноябрь 1916 г.²⁵ В настоящее время часть дневника, за 1800–1901 гг., опубликована Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом²⁶. Владыка рассказывает не только о жизни высшего общества и иерархов Церкви, но и делает заметки о приходской жизни, впечатлениях от посещенных им храмов, воссоздает атмосферу учебных заведений, в которых воспитывалось духовенство.

К мемуарным источникам относятся воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского) «Из моего прошлого», впервые опубликованные в 1940-х гг. в издательстве YMCA-Press²⁷. Митр. Евлогий придерживался правых взглядов, был монархистом, дважды избирался в Государственную Думу, свои воспоминания о данном периоде спустя много лет после описываемых событий надиктовывал уже за границей. В мемуарах он старался быть предельно аккуратным в оценках лиц и событий минувшего, избегал крайних характеристик. Владыка особенно подробно освещает взаимоотношения Государственной Думы и Русской Православной Церкви, дает яркое представление о состоянии духовных учебных заведений, выпускники которых в дальнейшем становились пастырями.

Ценным источником являются воспоминания митр. Вениамина (Федченкова) «На рубеже двух эпох», впервые изданные лишь в 1994 г.²⁸, а до этого хранившиеся в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре, где митрополит проживал с 1958 г. Поскольку по своему происхождению владыка был выходцем из крестьян, неудивительно, что он ярко описывает отношение крестьян к духовенству во времена

своего детства, их представления об обязанностях и достатке священнослужителей. Митр. Вениамин часть жизни провел за границей, но вернулся в СССР и против советского правительства открыто не выступал: в своем труде он стремится понять и объяснить большевистский переворот, ищет причины революции в ситуации, сложившейся к началу XX в. Воспоминания служат материалом для освещения проблемы восприятия клиром взаимоотношений духовенства и крестьянства и по отношению крестьян к священнослужителям в целом, они являют собой психологические зарисовки эпохи, в которых автору удалось рельефно воссоздать атмосферу своего времени. Перу митр. Вениамина принадлежит еще одна книга – «Божьи люди. Мои духовные встречи»²⁹ – с портретной галереей современных ему подвижников.

К немаловажным источникам данного периода относятся статьи и очерки современных публицистов и церковных деятелей по церковным вопросам, материальному обеспечению духовенства, деятельности по возрождению прихода. Авторы пытаются найти выход из сложившейся ситуации, анализируют проблемы. В частности, к источникам, характеризующим жизнь сельского духовенства, относится цикл рассказов, опубликованных в «Московских церковных ведомостях» за 1905–1907 гг. под заголовком «Из воспоминаний сельского священника». В каком-то смысле они были призваны сформировать у читателя начала XX в. представление о современном ему священнике, его жизни и быте. В литературной форме в них изложены основные, наиболее характерные события жизни сельского пастыря: приезд архиерея, написание отчетов, крестные ходы, служба в праздники, занятие хозяйством, требоисполнение, повествуется о крестьянском быте, отношении прихожан к храму, священнику; описывается бедность крестьян, то есть ярко изображена картина жизни деревни начала прошлого века³⁰.

По изучаемой проблеме важны публикации в «Новом времени» известного религиозного мыслителя В.В. Розанова³¹, который в яркой форме рассказывает о процессах нравственного разложения деревни, пьянстве, грубости нравов.

Кроме того, все его работы наполнены желчной критикой христианства и исторического православия, что вполне отражало настроения большей части российской интеллигенции начала XX в.

В период, предшествующий Поместному Собору, количество публикаций, посвященных проблемам прихода и духовенства, значительно возрастает. Каждое епархиальное издание, не говоря о столичной церковной и светской прессе, помещало на своих страницах статьи о возрождении приходской жизни. Многие из церковных периодических изданий имели постоянные рубрики, посвященные приходу, в которых публиковались как официальные документы, так и богословско-исторические работы, касавшиеся приходского вопроса. Гигантского труда потребовало бы одно только составление каталога публикаций о приходе в период с начала XX в. по 1918 г. В этом плане необходимо назвать работы А.А. Папкова (1868–1920) по истории древнерусского прихода и по вопросу о возрождении прихода в современной автору России. Его работы «Древнерусский приход»³², «Упадок православного прихода»³³ – серьезные опыты оценки приходского вопроса современниками. Автор подробно излагает историю формирования приходской жизни на Руси, называет причины ее упадка, сравнивает современное ему состояние прихода с историческими свидетельствами. Проблеме реформы прихода посвящены работы Папкова «Начало возрождения церковно-приходской жизни в России»³⁴, «Необходимость обновления православного церковно-приходского строя»³⁵. Ссылаясь на Священное Писание, используя исторический и канонический материал, автор предлагает свое видение проблемы возрождения приходской жизни в России. Труды Папкова оказали большое влияние на рассмотрение приходского вопроса, – по сути, они активизировали работу как тех, кто в дальнейшем поддержал его идеи, так и тех, кто не согласился с ним, но представил обществу свое решение приходской проблемы. Стала известной и фактически общепринятой формула А.А. Папкова, определявшая приход как «в составе

клира и мирян особую церковную, в зависимости от епископа, общину, с правами юридического лица»³⁶.

К сторонникам А.А. Папкова относился профессор церковного права МДА Н.А. Заозерский (1851–1919) – активный участник дискуссии вокруг приходского вопроса. В его работах³⁷ даны глубокие церковно-канонические комментарии по вопросу о православном приходе. Н.А. Заозерский анализирует деятельность Предсоборного присутствия и, в частности, дискуссию об определении прихода³⁸. Другим единомышленником Папкова стал известный церковно-общественный деятель Н.Д. Кузнецов (1863 – ок. 1936) – автор нескольких работ, касавшихся преобразований в Российской Церкви³⁹. В своем докладе IV отделу Предсоборного присутствия по вопросу о приходе⁴⁰ он дал характеристику церковных преобразований в России и очертил перспективу возрождения самостоятельного прихода⁴¹.

В свою очередь оппонентом А.А. Папкова выступил профессор канонического права Казанской духовной академии И.С. Бердников (1839–1915)⁴², основной целью его деятельности в отношении приходского вопроса явилась критика «обновителей прихода», изложенная в ряде печатных работ⁴³. Он считал, что кардинально изменять сущность любого общественного института можно только после того, как данный институт станет неэффективным. Признавая кризис прихода, Бердников считал его всеобщим и выступал лишь за оживление церковно-общественной жизни исключительно внутриприходскими методами (активизация пастырской деятельности, улучшение работы братств и др.). В частности, он предлагал «начать оживление пастырства... без предварительной ломки внешних порядков церковной жизни»⁴⁴ с обновления прихода снизу, путем практических малых дел, считая, что «обобщение деятельности, организация придет после как плод практики»⁴⁵. Сторонником Бердникова был известный религиозный публицист Л.А. Тихомиров (1852–1923). В докладе перед Приходской комиссией Русского монархического собрания, изданном как отдельная брошюра «Современное положение приходского вопроса»⁴⁶, автор

анализирует деятельность Предсоборного присутствия, «протестантские» тенденции в работе отдела о приходе, членом которого Тихомиров состоял во время второй сессии заседаний Присутствия. Здесь же автор анализирует определения прихода, рассматривавшиеся Присутствием. Л.А. Тихомиров разделяет точку зрения Бердникова и профессора Новороссийского университета, духовного писателя А.И. Алмазова на приход как «церковное установление»⁴⁷. К числу сторонников Бердникова принадлежал и будущий священномученик митр. Серафим (Чичагов) (1856–1937) – автор работы «О возрождении приходской жизни»⁴⁸, составленной специально для духовенства Тверской епархии в бытность его тверским архиереем (1914–1917) с целью дать архипастырское руководство в деле восстановления полноценной жизни прихода. Кроме того, владыка составил свой проект приходского устава, также вошедший в названную работу. Следует заметить, что, хотя основной его деятельностью было практическое архипастырское служение, отчет владыки о деятельности приходских советов в Орловской епархии за 1906 г.⁴⁹ явился интересным документом по истории приходского вопроса. Интерес представляют письма митр. Серафима, в которых он делится с адресатами трудностями, стоящими на пути приходского возрождения⁵⁰.

Одним из видов источников для работы над темой стали материалы столичных изданий периодической печати, издававшиеся на территории России в начале XX в. Оперативность и непосредственный характер реагирования на происходящие события, наличие обратной связи с читателями, публикация информации с мест, материалы по злободневным социальным проблемам, хроника местной жизни делают периодическую печать важнейшим источником изучения общественных настроений, взглядов, массового сознания различных слоев населения. Необходимо учитывать специфику воздействия периодической печати на психологию и общественное настроение людей, поскольку в то время периодическая печать была практически единственным средством массовой информации, формировавшим у читающей

публики представления и взгляды на основные общественные проблемы. В частности, газета «Церковные ведомости» (официальный орган Святейшего Синода) являлась еженедельным изданием с «Прибавлениями», издававшимся в 1888–1918 гг. В его основной части публиковались высочайшие повеления, определения Св. Синода, а в «Прибавлениях» – статьи на актуальные церковные темы: о церковно-религиозной жизни в России, проблемах народного досуга, освещалась просветительская деятельность духовенства различных епархий. При Санкт-Петербургской духовной академии печатался «Церковный вестник», бывший до 1888 года официальным органом Святейшего Синода. Редакторами его в 1903–1914 гг. были профессора и доценты духовных академий: проф. А.П. Рождественский, проф. Д.П. Миртов, доц. Б.В. Титлинов. В нем публиковались все постановления и распоряжения Св. Синода, а в дополнениях – рассказы духовного содержания, проповеди, статьи на актуальные церковные темы. «Московские церковные ведомости» – еженедельная газета, издававшаяся с 1871 г. и состоявшая из официальной и неофициальной частей, в которых публиковались списки всех учащихся духовных заведений, распоряжения о назначении и переводе духовенства Московской епархии, отчеты братств и попечительств о бедных, распоряжения Московской Духовной Консистоии. В «Прибавлениях» печатались статьи на различные злободневные темы: о социализме, крестьянстве, событиях епархиальной жизни, освещалась работа Государственной Думы по религиозным вопросам и деятельность в ней духовенства. Редакторами официальной части были секретари Московской Духовной Консистоии А.И. Проволочин, П.П. Беллавин, И.Н. Барилов. Редакторами неофициальной части были такие знаменитые представители духовенства, как прот. И.И. Восторгов, архимандрит Анастасий (Грибановский), епископ Арсений (Жадановский). В 1906–1910 гг. издавалась газета «Колокол», которая была выразителем мыслей и чувств крайне правой части церковной общественности. Ее издатель чиновник духовного ведомства В.М. Скворцов стремился не

противоречить взглядам верхов. На страницах «Колокола» начиная с 1907 г. постоянно публиковались статьи о необходимости созыва Поместного Собора.

В целом основные группы источников позволяют с разных сторон раскрыть тему исследования: положение приходского духовенства и взаимоотношение с крестьянством в восприятии самого клира Московской епархии и духовных властей, материальное положение духовенства и попытки решения проблемы его недостаточного финансового обеспечения, понять, в чем современники видели причины упадка приходской жизни начала XX в.

Глава I. Приходское духовенство Московской епархии

Для понимания положения сельского духовенства необходимо обратить внимание на Московскую епархию в целом, численность ее духовного сословия, правовое положение духовенства, уровень его образования. Все это достойно отдельных исследований, но без общей предварительной характеристики того, какое положение священник занимал в государстве и в сельском обществе, невозможно понять взаимоотношений, сложившихся между священнослужителями и крестьянами, причины их конфликтов и взаимонепонимания.

§ 1. Статистические сведения о духовенстве Московской епархии. Юридический статус духовенства

После секуляризации императрицей Екатериной II церковного имущества в 1764 г. Московская епархия относилась к первому классу из трех учрежденных. Московская митрополия была второй по значимости после Санкт-Петербургской и возглавлялась в начале XX в. митрополитом и викариями.

С 1898 г. митрополитом Московским и Коломенским был будущий новомученик высокопреосвященный Владимир (Богоявленский), сын священника, выпускник Тамбовской семинарии и Киевской академии. Митр. Владимир прошел традиционный для большинства епископов Русской Церкви путь: был преподавателем Тамбовской семинарии, овдовел, постригся в монахи, был настоятелем в монастыре, и уже в 41 год в 1888 г. стал викарным епископом Новгородской епархии, а в 1891 г. – епископом Самарским, в 1892 г. – экзархом Грузии. Будущий митрополит был незаурядной личностью, во всех местах своего служения стяжал любовь своей паствы. В конце своего архипастырского служения митр. Владимир занимал три первых русских кафедры: Московскую, Санкт-Петербургскую и Киевскую. В церковную историю России XX в. он вошел как первый в ряду новомучеников, пострадав в Киеве в 1918 г.

После перемещения в ноябре 1912 г. митр. Владимира в Санкт-Петербург митрополитом Московским становится Макарий (Невский), бывший епископ Томский и Алтайский, известный своей широкой миссионерской деятельностью. В 1917 г. он был низложен, а в 1920-м назначен Святейшим Патриархом Тихоном митрополитом Алтайским. В 2000 г. был причислен к лику святых.

Викариями двух московских митрополитов в начале XX в. были епископы Дмитровский (Трифон [Туркестанов], 1901–1916), Можайский (Парфений [Левицкий], 1899–1904; Серафим [Голубятников], 1905–1908; Василий [Преображенский], 1908–1914; Димитрий [Добросердов], 1914–1923), Волоколамский

(Арсений [Стадницкий], 1899–1903; Евдоким [Мещерский], 1904–1909; Феодор [Поздеевский], 1909–1923), Серпуховской (Никон [Рождественский], 1904–1906; Анастасий [Грибановский], 1906–1914; Арсений [Жадановский], 1914–1923) и с 1913 г. Верейский (Модест [Никитин], 1913–1917)⁵¹.

Московская епархия охватывала 13 уездов, каждый из которых делился на благочинные округа: Московский (7 округов), Богородский (5 округов), Бронницкий (6 округов), Верейский (3 округа), Волоколамский (3 округа), Дмитровский (7 округов), Звенигородский (6 округов), Клинский (4 округа), Коломенский (6 округов), Можайский (3 округа), Подольский (5 округов), Рузский (3 округа), Серпуховской (5 округов). Город Москва делился на 17 благочиний. В каждом округе назначался благочинным один из заслуженных священников округа. Всего в Московской епархии было 80 благочиний, при каждом по штату полагалось по 1 благочинному и 1 духовному следователю. Функции благочинных состояли в контроле за поведением духовенства, точным исполнением им своих обязанностей, за благосостоянием церквей, правильностью ведения церковного хозяйства и церковных документов, в наблюдении за взаимными отношениями между причтом и прихожанами и в доставлении отчетов и донесений епархиальному начальству о важных случаях и происшествиях. Через благочинного приводились в исполнение распоряжения епархиального начальства, благочинный имел право разрешать священникам отлучаться из прихода на расстояние не далее 25 верст (около 26,7 км)⁵². Благочинные составляли расписание крестных ходов, собирали сведения для различных отчетов, необходимых Св. Синоду и статистическим комиссиям, контролировали выполнение приказов консистории – в целом деятельность благочинных была обременена множеством делопроизводственных обязанностей. Духовные следователи, как и благочинные, назначались из среды духовенства. В их обязанности входило расследование многочисленных жалоб и доносов прихожан на своих клириков. Следователь выезжал на место, проводил допрос заинтересованных сторон, по его представлению духовная консистория выносила решение.

Духовным следователям по долгу службы часто приходилось ездить по благочинию, что отрывало их от исполнения священнического служения.

На приходах Московской епархии священники, как правило, служили без диаконов: последние в начале XX в. для сельского прихода были роскошью, их служение придавало большую торжественность и величие церковным службам, поэтому существенным достоинством диакона считался красивый голос (обычно бас; других достоинств от него, как правило, не требовалось). Псаломщик, хотя над ним и не совершалась хиротония, тем не менее являлся церковнослужителем, по закону принадлежал к духовному сословию и состоял членом клира. Псаломщик помогал при совершении церковных служб, пел на клиросе, читал, просматривал порядок предстоявшего богослужения, следил за правильностью его исполнения, готовил богослужебные книги – без такого помощника совершение богослужения было крайне затруднено, поэтому псаломщики обязательно входили в штат. При храме могли помогать вольнонаемные люди, не входившие в клир: причетники, алтарники, трапезники, но такая ситуация имела место, как правило, в богатых городских приходах. В службе они участия не принимали, наблюдали за церковным имуществом, звонили в колокола, убирали храм, во время богослужения зажигали светильники, приносили воду, просфоры, все необходимое для совершения служб⁵³. Если таких помощников не было, их обязанности выполнял псаломщик. Богослужебные же обязанности псаломщика фактически сохранились неизменными до нашего времени. Таким образом, даже при наличии диакона и псаломщика вся полнота церковнослужения ложилась на плечи священника: только он мог крестить, исповедовать, причащать, соборовать, миропомазывать, венчать своих прихожан. Все остальные члены клира и вольнонаемные работники в богослужебной жизни целиком зависели от иерея.

Каждая церковь имела штатное расписание, по которому было определено количество священно- и церковнослужителей. «Церковные причты в приходах, имеющих менее 700 душ

мужского пола, состоят из священника и псаломщика, а в приходах, имеющих более 700 душ, – из священника, диакона и псаломщика»⁵⁴. В богатых и многолюдных приходах (обычно городских) позволялось иметь нескольких священников, и, как правило, по их же числу определялось число псаломщиков. Диаконская вакансия даже в богатых приходах, как правило, была одна. Приходы по численности прихожан оказывались очень большими из-за их материальной скудости, приход в 700 душ мужского пола состоял примерно из 1300–1500 человек. В 1913 г. на 1137 церквей Московской епархии без Москвы приходилось по штату 6 протоиереев, 1123 иерея, 379 диаконов, 1190 псаломщиков. В действительности это число колебалось в большую или меньшую сторону. В указанном 1913 г. фактически на службе состояли: 41 протоиерей, 1091 священник, 410 диаконов, 1122 псаломщика. Статистику по каждому уезду благочинный подавал в Московскую консисторию, где она сводилась в таблицы. Вакансии не были тождественны сану, очень часто по недостатку средств на вакансии псаломщика служили диаконы, получавшие соответственно и доходы чтецов. Иногда рукоположенные в священники диаконы оставались на своих прежних диаконских вакансиях и даже иногда псаломщических. Вакансия в данном случае означала лишь материальный статус, данные лица участвовали в богослужении согласно их духовному званию, а не занимаемой вакансии, то есть священник на вакансии псаломщика служил как священник, но получал часть дохода как псаломщик. В архиве Московской Духовной Консистории хранится целый ряд прошений с просьбами о возведении псаломщика в сан диакона при оставлении на прежних доходах из-за бедности храма⁵⁵.

В целом процент лиц духовного звания был очень невелик: на 1129 пресвитеров приходилось 1 312 878 жителей православного вероисповедания обоего пола, то есть в среднем на каждые 1163 человека один священник. В городах священнослужителей было больше, чем в сельской местности. В сельских храмах зачастую на одноклирный причт, состоявший из священника и псаломщика, приходилось по 1500–2500 прихожан обоего пола. Всего лица духовного сословия, считая

женщин и малолетних детей, составляли 1,8 % (в 1913 г. – 23 998 человек) от числа всех жителей православного вероисповедания Московской епархии⁵⁶. Уже сама малочисленность духовенства была одной из причин возникавших проблем. Крестьяне часто, если была возможность, посещали храм, но очень редко участвовали в Таинствах: исповедовались и причащались, – в силу того что одному священнику было невозможно регулярно и часто совершать Таинства над таким большим количеством народа. Помимо обязанностей пастырских священник был обременен множеством гражданских дел, не относившихся непосредственно к его сану. Таким образом, в силу традиций и обстоятельств крестьяне выпадали из Таинственной, духовной жизни Церкви.

Священство представляло особое сословие, имевшее определенные права и привилегии. Положение духовенства складывалось постепенно и на протяжении истории претерпевало изменения: на их глазах и при их непосредственном участии разворачивалась картина народной жизни: «С незапамятного времени оно (духовенство. – Ю.Б.) успело уже сделаться плотью от плоти, кровью от крови народа – и по своему происхождению, и по своему образованию»⁵⁷. С начала XVIII в. в составе, правах, организации и материальном обеспечении белого духовенства произошли такие значительные изменения, которые сделали синодальный период совершенно особой эпохой в его истории: государственная власть оказывала возрастающее влияние на формирование новых условий жизни приходского духовенства, которое становилось все более замкнутым сословием.

Будущий клирик обычно рождался в семье священно- или церковнослужителя: священника, диакона или псаломщика. Как правило, семьи были многодетными, особенно в деревнях, имели по 5–6, а часто до 10 детей. В Московской губернии, не считая Москвы, в 1913 году числилось 2664 священно- и церковнослужителей, всего на них приходилось 4880 детей, малолетних и учащихся, не считая уже взрослых и устроенных⁵⁸. По закону от 26 мая 1869 г. «дети лиц

православного духовенства не принадлежат лично к духовному званию, показываясь только для сведения в послужных списках их отцов». Дети клириков получали особые права, «не принадлежащие к дворянству получили: дети священников и диаконов – права детей личных дворян, а дети дьячков, пономарей и псаломщиков – детей личных почетных граждан»⁵⁹. Официально с этого времени дети духовных лиц могли свободно выбирать род службы, заниматься торговлей или предпринимательством. На практике финансовое положение духовенства при недостатке средств давало только одну-единственную возможность существования его детям – не выходить за пределы духовного сословия. У клириков не было достаточного капитала, земельных владений или средств для предпринимательской деятельности, кроме деятельности на ниве духовной или образовательной. Как следствие, духовенство в начале XX в. оставалось замкнутым в силу своего сословного положения.

Духовенство с древности было освобождено от всех государственных податей. Но белое священство было тяглым относительно своей непосредственной духовной власти – архиерея, которому священник платил пошрины и повинности со дня своего посвящения до конца жизни. Такой порядок сохранился со времен допетровской Руси⁶⁰. Русское духовенство было долгое время тяглым в том смысле, что, как правило, платило подать за землю, на которой жило. С XVIII в. священники хотя сами и не служили в армии, но платили налог лошадьми; периодически избыточных людей из детей духовенства (причетников) отправляли в солдаты. В XVIII в. священнослужители из податного сословия после рукоположения не исключались из податного оклада. Дети их, рожденные до священства, также оставались приписанными к прежнему сословию своих родителей. Только при Екатерине II манифестом 26 февраля 1764 г. и высочайшим указом 18 апреля 1765 г. духовенство освободилось от своего податного состояния⁶¹.

Со времен императора Павла I духовенство в лице священников освобождалось от телесных наказаний. Свод

законов 1832 г. обеспечивал белому духовенству следующие основные права: в имущественном отношении лица духовного звания пользовались: а) свободой от всех личных податей и той привилегией, что их дома освобождались от квартирной повинности (постоя); б) личной свободой от таких общественных и государственных повинностей, которые действительно оказывались несовместимыми с обязанностями церковного звания, каковой, например, являлась воинская повинность; впоследствии духовные лица православного вероисповедания не вносились в списки присяжных заседателей.

Кодификация законов при Николае I дала ясный перечень прав и обязанностей духовенства. Свод законов 1832 г., вступивший в силу с января 1835 г., содержал в 9-м томе (Законы о состояниях) во втором его разделе изложение правового положения белого духовенства, епископов и монашества внутри государства. В 10-м томе (Законы гражданские и межевые) были собраны положения о церковной земле, в особенности приходской, и о ее использовании.

В 13, 14 и 16-й тома вошли законы о компетенции светских судов по отношению к духовенству. Последующие издания Свода законов внесли в эти нормы лишь незначительные изменения. Касавшиеся духовенства дополнительные указы 1857–1917 гг. практически не отступали от Свода законов 1832 г.⁶² Устав духовных консисторий 1841 г. окончательно разграничил сферы компетенций духовных и светских судов при различных видах правонарушений⁶³.

Свод законов 1832 г. обеспечивал белому духовенству следующие основные права: освобождение от подушного налога; освобождение от воинской службы; освобождение от телесных наказаний; право приобретения земель в городах и деревнях; освобождение от военных постоев. Духовенство в ХГХ в. получило, в случае принадлежности к дворянскому сословию, право приобретения заселенных земель в городах и деревнях (до 1861 г.)⁶⁴. В области частного права действовали запреты брать на себя судебные обязательства и поручительства при размещении подрядов и по аналогичным торговым делам, выступать ходатаями других лиц по

гражданским делам, производить винокурение на собственных землях, вести торговую деятельность в соответствии с отдельными указами и законами. Но вдовым священникам разрешались как торговля, так и промыслы. Псаломщики освобождались от военной службы лишь уставом 1874 г. по предъявлении свидетельства об окончании духовной школы, семинарии или академии. Однако они призывались на военную службу, если оставляли свою должность до истечения шестилетнего срока⁶⁵.

Некоторые изменения в отношениях духовенства с государственной властью, однако не такие радикальные, как в других областях общественной жизни, внесли реформы Александра II. Согласно положению о земских учреждениях 1864 г. на основании своего права распоряжаться церковно-приходскими землями, духовенство получило активное и пассивное избирательное право в отношении этих органов самоуправления в уездах и губерниях. Всеобщая отмена телесных наказаний в 1863 г. избавила церковнослужителей, в частности диаконов и псаломщиков, от этого унижения.

В 60-е гг. XIX в. замкнутость духовного сословия формально была разрушена. Учрежденное в 1862 г. при Святейшем Синоде «Особое присутствие для изыскания способов к обеспечению быта духовенства» имело своей задачей рассмотрение правового положения последнего. В 1867 г. отменяется наследование духовных должностей⁶⁶. Закон от 26 мая 1869 г. ликвидировал замкнутость духовного сословия: дети лиц православного духовенства, не принадлежавшие лично к духовному званию, теперь считались не относившимися к духовенству, с разными правами они отчислялись в светское звание, хотя закон сохранил для них право на льготное обучение в духовных учебных заведениях. Уставы семинарий и духовных академий от 1867 и 1869 гг., Устав гимназий 1864 г. и Устав военных училищ 1866 г. открывали сыновьям духовенства двери светских учебных заведений и освобождали их от обязательного обучения в духовных. Сыновьям священников могло присваиваться личное дворянство, а сыновьям церковнослужителей – личное почетное гражданство⁶⁷. В 1863 г.

всем желающим был открыт доступ в университеты – и началось настоящее бегство детей духовенства в светские учебные заведения: университеты, ветеринарные и историко-филологические институты, юридические лицеи⁶⁸. Однако нехватка кандидатов на церковные должности и беспорядки в университетах привели в 1879 г. к отмене этой практики.

Положение о земских учреждениях 1864 г. на основании приходского землевладения предоставляло духовенству право участвовать в сословно-куриальных выборах и быть избранным в земские органы самоуправления. По утвержденному императором Александром II мнению Государственного совета от 26 мая 1869 г. и дополнению к нему от 15 марта 1871 г. все не клирики из числа как священно-, так и церковнослужителей вместе с их потомством исключались из духовного сословия, но по-прежнему пользовались правами на воспитание в духовных учебных заведениях, правом на пособие от духовных попечительств и другие способы призрения по духовному ведомству⁶⁹. В то же время закон открывал перед названным кругом лиц добровольный доступ к церковным должностям. 21 марта 1871 г. было дозволено занимать церковные должности лицам всех сословий⁷⁰. Но все эти права остались в большинстве своем только на бумаге, поскольку в 80–90-е гг. XIX в. не произошло изменений в правовом положении приходского духовенства. Многовековая практика, условия жизни и законодательство привели к тому, что в начале XX в., как это будет показано ниже, наследование церковных должностей сохранялось, а духовенство все равно оставалось достаточно замкнутым сословием.

Манифест 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной Думы и законы о выборах предусматривали для духовенства активное и пассивное избирательное право. Избирательные права духовенство получало в качестве: 1) городских жителей, владевших недвижимостью или собственным жилищем; 2) владельцев земельных участков определенного размера; 3) государственных служащих; 4) представителей Церкви с правом распоряжаться землей⁷¹. III Государственная Дума 1 апреля 1911 г. утвердила законопроект о правоограничениях, связанных

с лишением или добровольным снятием сана⁷². Предполагалось исключить из закона ограничения прав бывших священников при поступлении на государственную службу, когда добровольно сложившие с себя сан сохраняли права по происхождению, а также приобретенные путем пожалования, однако император не утвердил законопроект⁷³.

К преимуществам, предоставленным клиру, относилась особенная привилегированная подсудность: духовенство признавалось подсудным исключительно церковной власти во всех гражданских и уголовных делах. Только в случае особенно тяжкого преступления, за которое в светских законах определялось уголовное наказание, преступник предварительно лишался духовного сана и затем передавался для совершения над ним уголовного наказания в руки светской власти. К началу XX в., как, впрочем, и ранее, полагалось предавать духовных лиц суду своей иерархии только по проступкам и преступлениям против обязанностей их звания, определяемых церковными, а не государственными законами. Почетное положение духовенства в обществе выражалось в том, что оно в различных церковных собраниях занимало перед мирянами первое место и имело право первого голоса. В обыкновенной же жизни обычай предписывал мирянам оказывать своим духовным пастырям особые внешние знаки почтения, состоявшие в принятии от них благословения и в целовании благословляющей руки.

Государственные законы предоставляли духовным лицам различные преимущества чести в сфере государственного права. В России представители духовной иерархии по статусу приравнивались к высшим государственным чиновникам. Духовным лицам всех степеней в России со времен императора Павла I жаловались государственные ордена. В том случае, когда орден предполагал получение личного или потомственного дворянства, эта норма распространялась и на духовенство. В 1872 г. вышло распоряжение, по которому за 12 лет безупречной службы священникам полагался орден Святой Анны III степени. Дяконы получали этот орден за 25 лет служения, но после десятилетней службы они, так же, как и

псаломщики, могли награждаться медалью с изображением императора на Александровской ленте⁷⁴.

Особенным правам и преимуществам церковно-иерархического служения соответствовали и особые обязанности клира. Духовные лица должны были носить особого покроя и темного цвета длинную одежду, издревле им усвоенную. В этом отношении Духовный регламент предписывал иереям наблюдать, чтобы подчиненные им церковнослужители имели одеяние верхнее, хотя и убогое, но чистое, и одного темного цвета, и не ходили бы простоволосые, то есть с непокрытой головой. Церковные правила запрещали клирикам не только пьянство и азартные игры, но и участие во всех шумных общественных удовольствиях: танцах, спектаклях, публичных играх и так далее. Охота, особенно соединенная с пролитием крови животных, тоже признавалась делом, не совместимым со священным саном. По тем же соображениям церковнослужителям запрещалась врачебная практика, в особенности совершение хирургических операций. Духовное лицо, причинившее своим неумелым лечением смерть пациенту, подлежало извержению из сана как виновное в невольном убийстве⁷⁵.

Это были не просто предписания – ставленник перед рукоположением подписывал допрос, в котором обязывался: «Одежду буду носить только присвоенную духовному званию, волос и бороды не стричь, соблюдать установленные Православной Церковью посты, никаких зазорных поступков – нетрезвости, картежных игр, табакокурения, посещения театров, вымогательства и тому подобных – допускать не буду»⁷⁶. Запрещались духовным лицам занятия и промыслы, несовместные с их прямыми служебными обязанностями или ронявшие достоинство их сана. К ним относились: все государственные и общественные должности, и особенно военная служба; поручительство за кого-нибудь в делах гражданских и уголовных; опека, за исключением членов своего семейства и ближайших родственников или же по поручению епископа над сиротами и вдовами; ходатайство по чужим делам в судах, наконец, ростовщичество и торговля, особенно винная.

Вдовым или неженатым клирикам запрещалось иметь в своем доме женщин, за исключением матери, родной сестры или тетки. Даже сожитие с законными женами, обличенными в прелюбодеянии, священнослужителям воспрещалось: они были обязаны или развестись с ними, или оставить священническое служение, если не желали развода, так как порок жены сообщался и мужу, который составляет с ней «плоть едину». Овдовевшим священникам и диаконам воспрещался второй брак, а неженатым не дозволялся и первый – духовный сан сам по себе уже служил абсолютным препятствием к браку. Целибат хотя и имел место, однако не был распространен в Русской Православной Церкви, поэтому кандидат в священнослужители, как правило, должен был быть женатым.

Относительно ответственности духовных лиц, виновных в нанесении кому-либо личного оскорбления словом или действием, следует отметить, что виновный в этом клирик по церковным правилам подлежал наказанию, хотя бы он примирился с обиженным или потерпел от него равную и даже большую обиду⁷⁷. Духовный сан должен был быть неразрывно связан с лицом, которое им облечено. Церковное право допускало сложение духовного сана по прошению и лишение его по суду за такие преступления, которые оскорбляли его святость и достоинство. То и другое обращало клирика в простого мирянина и делало его светским лицом. До XIX в. за сложение сана и второбрачие священства государственные и церковные законы не предусматривали жестких санкций: священнослужителям, оставившим духовный сан, предоставлялась свобода определяться в светские или военные чины, сложение сана не ставилось в пожизненную вину. Но поскольку священство для православных людей являлось не профессией, а Таинством, то оно на всю жизнь было неотделимо связано с личностью человека, носившего сан⁷⁸. В XIX – начале XX в. на основании закона, утвержденного императором Николаем I в 1839 г., клирики, добровольно сложившие с себя сан, не имели права поступать на гражданскую службу: священники – ранее 10 лет, диаконы – ранее 6, монашествующие – никогда. Светские чины,

полученные ими до посвящения, не возвращались, и служба их в духовных должностях на выслугу пенсии в расчет не принималась. Лишившиеся сана по суду не имели права поступать на гражданскую службу: священники – 20 лет, диаконы – 12⁷⁹. Святейший Синод в 1858 г. признал за сложившими с себя сан права, присвоенные их ученым степеням. Согласно определению от 25 февраля 1861 г. о лишении при сложении сана орденов и других отличий, приобретенных во время священнослужения, выход из духовного звания был стеснен тем, что духовенство лишалось своих привилегий и должно было переходить в податное сословие⁸⁰.

Помимо своих прямых обязанностей по службе православное духовенство выполняло большое число поручений гражданской власти. Оно, наряду с органами полицейского сыска, должно было заниматься духовным надзором и благочинием: наблюдать за раскольниками, бродячими монахами и священнослужителями, за распространителями суеверий. Помимо этого, на духовенство возлагались функции органов государственной власти совершенно для них посторонние: провозглашение и разъяснение царских указов, успокоение народного недовольства. Духовенство составляло метрические записи о рожденных, венчавшихся, умерших, подавало сведения о количестве православных в своей местности, было ответственным за составление обширной отчетности для духовной консистории. Кроме того, к пастырю обращались с требованиями и запросами всевозможные ведомства и учреждения: ученые и учебные, военные, земские, санитарные, статистические, сельскохозяйственные и др. За невыполнение обязанностей или ошибки в подаваемых сведениях и отчетах, связанных с государственной деятельностью, духовенство привлекалось к суду, подвергалось штрафу и наказанию, священник мог быть лишен прихода или отправлен на покаяние в монастырь⁸¹. Эта деятельность обременяла пастырей, отвлекая их от непосредственных обязанностей. В своих воспоминаниях товарищ обер-прокурора князь Н.Д. Жевахов

приводит слова одного из священников: «Нас со всех сторон заваливают предписаниями и отношениями, и не только благочинный, но и губерния, и земство, и полиция... И нас рвут на все части; и бывает, что не только не хватает времени для исполнения треб, иногда срочных, но, прости Господи, иной раз в праздничные дни обедни не отслужишь из-за того, что сразу не поспеешь во все стороны... А ведь нам приходится не только службою заниматься, но часто и хозяйством. И скотину нужно напоить, и лошадке дать корму, да, и что греха таить, и землю иной раз вспахать, за плугом походить...»⁸² Несмотря на множество обязанностей, русское духовенство XIX в. приняло деятельное участие в работе научных обществ: Вольного экономического, Русского географического, Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева⁸³.

В начале XX в. духовное сословие оставалось достаточно замкнутой структурой не только в силу материального положения, но и самого законодательства, затруднявшего в течение ряда веков вхождение в данное сословие и выход, который был ограничен, так как оставлявший духовный сан и духовное ведомство терял все привилегии, приобретенные во время службы. Переход в духовное сословие из дворянского считался унижительным, поскольку прежние привилегии также не сохранялись. Еще в допетровской Руси переход из податного сословия не избавлял от различных повинностей. И, несмотря на многочисленные последующие законы, их упразднявшие, священнослужители по-прежнему платили налоги как владельцы земли, равно как и их дети, не переходившие в духовное сословие. Доля духовенства была завидна только для еще более приниженного и зависимого, чем духовенство, сословия крестьянства. На протяжении синодального периода законодательство, предоставляя определенные привилегии духовенству, способствовало укреплению его сословной замкнутости, отчуждало еще более от остального общества. К.П. Победоносцев в конце XIX в. писал о духовно-религиозных началах русского народа и его верованиях: «Знаменательное явление нашего времени – борьба церковных начал с государственными»⁸⁴. Эти слова можно отнести и к проблеме

отношений духовенства и народа, а также к вопросу о том, какое положение должен занимать священник в обществе и каким должен быть церковный приход, чтобы духовенство имело подлинно нравственное и духовное влияние на народ. Современники же всерьез были обеспокоены той ситуацией, которую могли наблюдать. В частности, как отмечали «Московские церковные ведомости»: «Чем больше вдумываешься в вопрос об оживлении и обновлении церковной жизни, тем сильнее чувствуешь почти полную безысходность из того печального положения, в котором находится русская Церковь... Русская Церковь в параличе... нужно разбудить пастырей и народ»⁸⁵.

§ 2. Образование духовенства

С XVIII в. от ставленников, готовившихся к священству, требовались специальные образование и подготовка. «Закон положительно определял не возводить на священнослужительские степени неученых, помимо ученых»⁸⁶. При определении кандидата было правилом учитывать его успехи в образовании. Указом 1808 г. предписывалось зачислять в духовное ведомство всех детей духовенства с 7 лет, и уже через 20 лет учащихся было гораздо больше, чем возможных вакансий на священнослужительские места⁸⁷. Избыток детей духовенства послужил одной из причин замкнутости сословия: с одной стороны, кандидатов из самого священства было очень много, с другой – получить образование в семинарии лицам не духовного сословия в данных условиях было непросто. Все духовные лица были обязаны отдавать своих детей в духовные школы и не могли уготовить им другую участь. Беспрепятственный выход из духовного звания не возбранялся лишь безграмотным, недоучившимся или плохо учившимся детям: если они не попадали на место пономаря, они зачислялись в податное сословие и подлежали воинской повинности⁸⁸. Молодому отпрыску оставался лишь единственный путь – получать образование и идти по стопам родителя-священнослужителя, учительствовать или стать синодальным или консисторским чиновником. По указу 1869 г. определение на службу в церковный клир предусматривалось только для лиц с полным богословским образованием, а в начале XX в. выход из сословия был возможен, но для коммерческих занятий, как уже было сказано выше, у детей духовенства не было соответствующих средств. Единственным верным путем проложить себе дорогу в жизни было получение образования. Характеризуя это время, митрополит Вениамин (Федченков) пишет: «В семинарию шли совсем не для того, чтобы потом служить в Церкви, а потому, что это был более дешевый способ обучения детей духовенства. Школы стали сословными. Но ученики их по окончании семинарии в огромном

большинстве уходили по разным мирским дорогам: в университеты, в разные институты, в учителя, в чиновники и только 10–15 процентов шли в пастыри»⁸⁹. Епископ Тамбовский Иннокентий (Молчанов) в своем отзыве также писал о том, что дети духовенства, как правило, поступали в пастырские школы ради общего образования, а лучшие из них выбирали затем светскую карьеру⁹⁰. Из данной ситуации, по словам епископа Енисейского Евфимия (Счастнева), следовало, что «в священники идут не по призванию, не по внутреннему влечению и чувству, а просто потому, что так складываются обстоятельства, просто потому, что иначе некуда деться»⁹¹. По словам товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова, «за последние 25–30 лет перед революцией служение Церкви в России сделалось как бы привилегией для детей церковных причетчиков, зажиточных крестьян и мещан, потому что даже дети бедного духовенства, в особенности городского, получали обыкновенно образование в светских учебных заведениях и не шли по стопам отцов, а устраивали свою будущность на разных поприщах государственной и общественной деятельности»⁹². Уже к середине XIX в. больше всего чиновников-разночинцев приходилось на выходцев из духовного сословия, которые в московской администрации составляли 22 %⁹³. В Москве был относительно высок образовательный уровень представителей бюрократии: 60 % чиновников и 64 % канцелярских служащих имели образование выше начального⁹⁴.

В Московской епархии существовало семь духовных училищ: Волоколамское, Дмитровское, Донское, Заиконоспасское, Звенигородское, Коломенское, Перервинское, – по окончании которых выпускники могли поступать в Свято-Троицкую Московскую или Вифанскую духовную семинарии. Для девочек в Московской епархии предусматривались шестиклассное с дополнительным классом Филаретовское училище, в котором обучалось около 600 воспитанниц (в 1904 г. было всего 634 воспитанницы, 598 духовного сословия и 36 иносословных; в 1910 г. – 622, 601 из духовного сословия, 21 иносословных) и в два раза меньшее по численности

Мариинское шестиклассное епархиальное женское училище (по епархиальному отчету 1910 г. 290 воспитанниц: 277 духовного звания, 13 инословных). Годичная оплата в 1904 г. за обучение и пансион для девушек составляла 150 руб., в 1910 г. была незначительно повышена до 156 руб., для духовенства других епархий – 200 руб., светских – 275 и 300 руб. соответственно. В Филаретовском училище $\frac{1}{4}$ воспитанниц находились на епархиальном обеспечении, некоторые содержались на средства благотворителей⁹⁵. Выпускницы названных училищ получали звание домашних учительниц.

Подаявая прошения о переводе на более доходное место или о рукоположении, священнослужители как аргумент в свою пользу часто приводят необходимость дать образование детям. Например, диакон Михаил Зверев в прошении о замещении священнической вакансии при Покровской церкви села Покровского-Засекина Звенигородского уезда мотивирует свою просьбу следующим образом: «В семействе у меня 10 человек детей девочек... Старшие три девочки учатся в Филаретовском епархиальном училище, одна на средства благотворителя, другие две всецело на моем содержании; желательно и в нынешнем году отдать и 4-ю девочку в Филаретовское училище. Весь доход, получаемый мной, уходит почти что на содержание дочерей-учениц, сами же живем впроголодь. В храм Божий моя жена и некоторые дети не имеют возможности ходить, так как не имеют хотя бы сколько-нибудь приличной одежды – весь скудный доход уходит на образование дочерей»⁹⁶. Такое же бедственное положение описывает диакон Никольской церкви села Черленкова Волоколамского уезда Иоанн Яковлевский, прося о месте священника. «Обремененный семейством, которое состоит из жены, двух дочерей и сирот свояченицы и племянницы, и имея бедный приход, я терплю крайнюю нужду. Одной из дочерей 11 лет, нужно образование как средство в будущем иметь кусок хлеба, но я не могу заплатить за ее обучение, получая в год от прихода около 400 рублей»⁹⁷. Диакон объясняет причину необходимости образования: дочери духовенства, если не выходили замуж, должны были зарабатывать своим трудом, получившие образование могли

преподавать, иным приходилось работать просфорницами или жить у родственников. Судьба дочерей духовенства, не получивших образования, оборачивалась перспективой замужества за мастеровым либо крестьянином или службы в качестве домашней прислуги⁹⁸. Вдова священника София Парусникова пишет: «Будущее моей дочери безотраднo: по недостатку средств она не получила образования и не может занять какую-либо должность»⁹⁹. Сама Парусникова работала учительницей церковно-приходской школы.

Образование детей было одной из главных статей расхода в семье клирика, оно являлось залогом будущего как детей, так и самих клириков. Священник Христорождественской церкви села Вишнякова Бронницкого уезда Алексей Беляев писал в прошении о переводе на другое место, что из 630 руб. казенного жалования только на обучение детей он тратит 330 руб.¹⁰⁰ Священник Николай Беляев Преображенской церкви села Верзилова Серпуховского уезда просил о переводе на новое место в церковь при фабрике Чернышевых, так как за обучение троих из шести своих детей ему приходилось платить 408 руб., а доход его, кроме обуви и одежды, составлял всего 624 руб. 99 коп.¹⁰¹ Сходным образом обосновывал просьбу о переводе священник Сергей Успенский села Никольского Московского уезда: «Получаемое мною содержание (около 436 руб. – Ю.Б.) почти все расходуется на образование детей. Одного взноса приходится платить 228 руб., кроме того, дочь, обучающуюся в Мариинском училище, должен обути, одеть и снабжать книгами, а сыновьям, обучающимся в семинарии, покупать чай с сахаром»¹⁰². Священник погоста Бобровок Серпуховского уезда Иоанн Смирнов так мотивировал свою просьбу о переводе: «Во-первых, многосемейность (9-ть человек детей), из коих пятеро уже учатся, почти на всем моем содержании»¹⁰³. Священник села Петровского Звенигородского уезда Леонид Голубев просил о переводе, мотивируя также свою просьбу необходимостью обучать шестерых детей: две дочери учатся в Филаретовском училище, два сына в Звенигородской духовной семинарии – все на полном содержании родителей¹⁰⁴. Точно такая же просьба имелась и у отца Михаила Малинина,

священника села Никулина Подольского уезда, – шесть детей, пятеро обучаются, а денег на их содержание у него нет¹⁰⁵. Диякон села Кудинова Богородского уезда Григорий Никольский ходатайствовал о назначении на священническое место по причине крайней бедности. Ему пришлось воспитывать семерых детей, четверо из которых обучались на собственный счет¹⁰⁶. Интересны размышления свящ. Евлампия Честнова. Он просил о переводе на более доходное место, мотивируя ходатайство недостатком средств, а особенно отсутствием сбережений на черный день: «Будь дети сыновья, о будущем, конечно, не было бы нужды особенно беспокоиться: дал им образование – и делу конец»¹⁰⁷.

На основании представленного материала можно сказать, что сельское духовенство тратило на обучение детей больше половины своего дохода. Безусловно, в архивах оседали прошения, сконцентрировавшие в себе исключительно негативные черты материального обеспечения приходского духовенства. Например, духовенство городское было более обеспечено, и прошений из его среды не встречается. Но для настоящего исследования важны сам факт наличия подобных ходатайств и то, что ссылки на необходимость образования детей встречаются в большинстве прошений, подтверждавших материальную несостоятельность церковнослужителей. Вышесказанное свидетельствует о важности образования для них и церковного начальства. Духовенство считало себя сельской интеллигенцией, а в своем быте и образе жизни тянулось к чиновничьей среде, к которой было близко и по своему материальному положению, и по осознанию обязательности образования. Для сельского священника учеба детей была очень обременительной, но жизненно важной: примечательно, что наиболее благовидным и распространенным обоснованием для перевода на новое место оказывалась необходимость дать детям возможность учиться. Приход в такой ситуации рассматривался многими священнослужителями как средство обеспечения, и тем, кто оказывался в материальной нужде, приходилось отказываться от своей паствы и просить о переводе на более доходное место, что ставило священников в

двусмысленное положение по отношению к прихожанам. Большинство крестьян не имели и начального образования, тем более не понимали стремления священнослужителей дать образование детям.

Большинство клириков Московской епархии имело духовное образование, лишь единицы были выпускниками светских высших учебных заведений. Если попович оканчивал только духовное училище или один-два класса семинарии, он, как правило, мог претендовать только на место псаломщика или диакона. Среди всех кандидатов на священнические места предпочтение отдавалось людям, закончившим семинарию или отчисленным из 4–5-го классов.

Во всех отчетах, сведениях о священниках и претендентах на рукоположение образование указывалось всегда. Например, в консисторских отчетах хранится статистика по уровню образования священнослужителей Московской епархии: «О лицах, рукоположенных в сан священника в 1913, 1914, 1915 гг.»¹⁰⁸:

	1913	1914	1915
Окончивших академию	6	1	1
Окончивших светское высшее учебное заведение	1	2	
Не окончивших полный курс академии		3	6
Окончивших полный курс семинарии	29	54	36
Не окончивших полный курс семинарии			
Окончивших 5 классов	1	3	1
Окончивших 4 класса	2	1	2
Окончивших 1–3 класса	4	6	4
Окончивших пастырские курсы		1	
Окончивших церковно-учительские школы	—	—	—
Окончивших учительские семинарии	1		1
Окончивших духовное училище	1	1	1
Не окончивших полный курс духовных училищ	1	1	
Окончивших начальную школу	1		
Не обучавшихся в школе	—	—	—
Всего:	47	73	52

Данная таблица наглядно показывает, что церковные власти уделяли важное значение образованию своих клириков, 80 % от

числа рукополагавшихся были выпускниками семинарий и академий, единицы имели светское образование.

При рукоположении из нескольких кандидатов предпочтение отдавалось лицам, имевшим образование не ниже семинарского, что было одной из причин желания духовенства дать своим детям не только начальное образование, так как это открывало для них большие перспективы. По ведомостям о храмах и духовенстве Московской епархии (без Москвы) можно привести следующую статистику¹⁰⁹:

На месте	1913 год	1915 год
	Из них окончившие семинарию	Из них окончившие семинарию
Протоиереев	41 40	49 49
Иереев	1091 940 +13 окончивших академию = 953	1090 922 +16 окончивших академию = 938
Диаконов	410 80	414 60
Псаломщиков	1122 22	1123 71

На 1913 г. в Московской епархии семинарское образование имели 100 % протоиереев и 87 % иереев. Среди диаконов и псаломщиков, имевших образование, были люди, которые занимали эту должность и ожидали священнического места. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что наиважнейшей задачей для духовенства было образование своих сыновей и дочерей. Только оно давало возможность иметь в дальнейшем какие-нибудь перспективы на духовном и светском поприще. На образование клирики тратили большую часть своих доходов, с ним связывали надежды на более или менее устроенную старость и будущее своих детей. Часто, устраиваясь на место, священнослужитель должен был содержать не только свою семью и родителей, но и неустроенных братьев и сестер, других родственников... Например, об этом пишет диакон Виктор Никольский в прошении о назначении на священническую вакансию при Троицкой церкви села Мушкина Звенигородского уезда¹¹⁰. Псаломщик Е. Никольский просит о рукоположении на

основании того, что на его попечении находятся семеро братьев и племянников¹¹¹. Содержать своих сестер и братьев приходилось учителю А. Базилевскому¹¹². Одновременно обучение в семинарии было связано с определенными обязательствами перед Церковью. По словам митр. Вениамина, многие «учились не для священства, а чтобы получить места преподавателей, иногда – чиновников, и лишь 10 процентов шли в пастырство»¹¹³.

Такое явление было характерно не только для начала XX в. Император Александр I в начале своего царствования в 1801 г. отменил запрет Павла I о выходе из духовного звания, но уже в 1803 г. от этого закона пришлось отказаться: воспитанники семинарий стали покидать духовное звание в таком множестве, что способных людей не хватало даже на важнейшие епархиальные места¹¹⁴. Получение духовного образования даже за свой счет было дешевле обучения в светских учебных заведениях. Власти пытались удержать учащихся в духовном ведомстве, предоставляя им льготы и связывая определенными обязательствами: по окончании духовной семинарии выпускник «в случае непоступления на службу по духовному ведомству или на учебную службу в начальных народных школах, согласно § 169 Устава духовных семинарий, обязан возратить сумму, употребленную на его содержание в семинарии»¹¹⁵. Таким образом, духовное образование было практически единственным доступным образованием для духовенства, хотя оно еще крепче привязывало его к духовному сословию, делая практически невозможным выход из него.

Духовенство, живя в деревне и полностью материально завися от крестьянства, было значительно образованнее последнего и имело более высокие социальные требования с соответствующим уровнем расходов. По своему образованию и жизненным потребностям духовенство могло приравняться к земскому чиновничеству – само оно причисляло себя к интеллигенции.

§ 3. Назначение на место

Согласно церковным канонам, рукополагаться в диаконы мог мужчина, достигший 25 лет, в священники – 30¹¹⁶, но на практике это правило не соблюдалось. По окончании семинарии молодой человек мог стать священником в возрасте 23–25 лет, иногда – в 21 год, то есть канонически допустимый возраст не имел существенного значения в вопросе о рукоположении – главную роль в начале XX в. играли соображения материального порядка, поскольку будущему клирику было необходимо кормить семью, а зачастую и ближайших родственников: родителей, братьев, сестер. Например, в 21 год стал священником в церкви Космы и Дамиана в селе Меткино Подольского уезда будущий священномученик Петр Розанов. Подобная практика была не только в Московской епархии. В 21 год был рукоположен во иереи свщмч. Михаил Розов в селе Архангельское Ярославской губернии¹¹⁷. В 25 лет стал священником свщмч. Владимир Хираско в Минской губернии¹¹⁸. В 21 год священнический путь начал свщмч. Виктор Европейцев в селе Хлыстовка Пензенской губернии. Во Владимирской губернии в селе Романово свщмч. Павел Успенский в 23 года стал священником. Просителями на священническую вакансию выступали лица и преклонного возраста – 60–68 лет, в основном долгое время прослужившие в церкви пожилые псаломщики.

До рукоположения в ожидании или подыскании места будущие священнослужители работали учителями в сельских школах. Например, так начинал свой путь священномученик Александр Соколов, который в 1904 г. закончил Вифанскую духовную семинарию, трудился в качестве учителя, в 1905 г. был рукоположен в диаконы, а в 1907 г. – во священники¹¹⁹. В течение пяти лет учительствовал священномученик Василий Архангельский до поступления на диаконское место в село Синьково Дмитровского уезда¹²⁰.

Нередко над ставленником на протяжении нескольких дней сразу совершались диаконская и священническая хиротонии. Например, при назначении в Троицкую церковь села Колобеева

Бронницкого уезда на место священника был отправлен учитель церковно-приходской школы Стефан Мошков, сын псаломщика, 27 лет, окончивший курс Московской духовной семинарии по второму разряду. Он был рукоположен в диаконы 15 июня 1911 г., а через два дня, 17 июня, – во священники¹²¹. Об определении на священническое место при Воскресенской села Родинок церкви Богородского уезда просит в 1911 г. 26-летний учитель Александр Цветков: «Я желал бы помочь своему отцу, бедному сельскому псаломщику, обремененному многочисленным семейством, состоящим из 9 человек одних детей... Как учитель имею жалование 300 руб. в год. Содержание на долю священника приходится не более 800 руб.». Александр Цветков, сын псаломщика, окончил курс Перервинского духовного училища, поступил в 1899 г. в Московскую духовную семинарию, окончил ее в мае 1905 г., был причислен к первому разряду воспитанников. Просьба Цветкова была удовлетворена. Он получил разрешение на вступление в брак, который был заключен 9 января 1911 г., 16 января 1911 г. был рукоположен во диакона, а 22 января 1911 г. – в сан священника¹²². Таким же образом был рукоположен в священный сан новомученик Сергей Кедров, который закончил Московскую духовную семинарию в 1901 г. и семь лет проработал учителем в церковно-приходской школе. 5 октября 1908 г. в Троицком храме села Фаустово Сергей Кедров обвенчался с Людмилой Александровной, дочерью настоятеля храма Александра Зверева. 17 октября 1908 г. он был рукоположен во диакона, а через день, 19 октября, хиротонисан во священника к Троицкой церкви села Фаустово Бронницкого уезда Московской губернии¹²³.

Государство снисходительно относилось к наследственности церковного служения, так как данная система принципиально не уменьшала числа налогоплательщиков. Церковная власть тоже поощряла наследование служения: попович, наученный грамоте, с детства привычный к церковным службам и порядкам, в старину, даже не имея систематического богословского образования, был лучшим кандидатом в священники. В XVII в. представление о наследовании

священнических должностей уже прочно закрепились в сознании самого духовенства и прихожан¹²⁴. При Петре I система наследования приходов утвердилась официально – даже жениться претендовавший на место в церкви должен был только на девице духовного звания, что стало одной из предпосылок формирования кастовости духовенства, практически не пополнявшегося представителями других сословий. Почти весь XVIII в. действовал закон, фактически запрещавший дворянам переходить в духовный ранг; лицам же податных сословий и в XIX в. это разрешалось лишь при нехватке на вакантные должности лиц духовного звания. С другой стороны, и желавших стать священнослужителями было немного, поскольку духовенство с XVIII в. как сословие теряло свой авторитет: права духовенства охранялись недостаточно, светская власть постоянно вмешивалась в дела духовного ведомства, а священноначалие не могло оградить своих подчиненных от посягательств государственных чиновников¹²⁵. В образованном обществе ругать «попа» стало даже признаком хорошего тона; дворяне, ставшие клириками, лишались части своих привилегий, а телесные наказания были отменены для священнослужителей лишь в 1799 г. императором Павлом I. Естественно, что переход в духовное звание мог быть желанным только в крестьянской среде.

По сложившейся традиции в священники не рукополагали лиц, не состоявших в браке. Например, хиротония в 1860 г. неженатого А.В. Горского вызвала активное обсуждение не только в церковных кругах, но и в светских салонах. А совершение Таинства стало возможным благодаря желанию и огромному авторитету святителя Филарета (Дроздова)¹²⁶. Очевидно, что наследование приходов – как по мужской линии, так и по женской – и замкнутость духовенства помогали хоть отчасти решить вопрос материального обеспечения. Такая ситуация просуществовала официально до 60-х гг. XIX в., а негласно, в силу экономических причин, – до 1917 г. Кроме того, после выхода за штат священники фактически оставались без средств к существованию – их положение изменилось после 3 июня 1902 г., когда был принят новый пенсионный устав,

согласно которому пенсия устанавливалась в размере 300 руб. для священников, 200 – для диаконов и 100 – для псаломщиков. Она выплачивалась лицам, безусловно отслужившим не менее 33 лет, не дослужившим до 33 лет полагалось $\frac{2}{3}$ оклада, прослужившим 20–28 лет – $\frac{1}{2}$ пенсии; вдовы и неустроенные дочери получали половину пенсии. Сельские клирики почти всегда жили в церковных домах, поэтому по увольнении за штат лишались не только дохода, но и жилища; пенсионный возраст для них не имел верхних границ: хотя срок службы и высчитывался, но священники старались служить, пока у них были силы, иногда до 80–90 лет, и уходили за штат только в случае тяжелой болезни.

«Московские церковные ведомости» называли вопрос материального обеспечения «насущным в жизни приходского духовенства». Ведь семья, потерявшая отца-священника, часто шла по миру: «У крестьянина хоть есть дом, земля, община – у священника ничего нет»¹²⁷. Поэтому клирики и стремились передать свое место сыновьям. Наряду с потомственным наследованием места служения существовала практика преемства священнического места в форме закрепления прихода за одной из дочерей умершего настоятеля: либо приход переходил к мужу-священнику одной из дочерей, либо последняя выходила замуж за выпускника духовной семинарии, который впоследствии занимал должность покойного тестя. Так, священник Вознесенской церкви Николотешиловского погоста Клинского уезда обращался к митрополиту Московскому: «На настоящем месте я состою с 1868 г. ...Ныне меня постигла тяжелая болезнь... Посему покорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство уволить меня за штат. При сем осмеливаюсь почтительнейше просить Ваше Высокопреосвященство, как милость, предоставить мое место сыну моему Сергею Мазурову, в текущем 1910 году окончившему курс Московской духовной семинарии. Место это по справедливости можно считать родным для нашей фамилии, так как более ста лет оно преемственно переходило от одного к другому члену нашего же рода и такой долгий период времени делает его как бы колыбелью нашего рода»¹²⁸. Просьба

священника Иоанна Мазурова была удовлетворена, его 21-летний сын получил разрешение на вступление в брак, 12 ноября 1910 г. был повенчан, а 21 и 24 ноября уже был рукоположен в сан диакона, а затем – иерея¹²⁹. С подобной же просьбой обратился в 1911 г. священник церкви села Покровского Клинского уезда Павел Строков: «Прошу уволить меня за штат, а место мое предоставить сыну моему, который обязуется содержать меня, жену и двух учащихся сыновей»¹³⁰. Сын его Николай Строков вступил в брак 2 февраля, 12 февраля рукоположен во диаконы, а 13-го – во священники на место своего отца¹³¹.

Иногда, если представлялась возможность, место наследникам готовили заранее. Псаломщик Илья Погожев Крестовоздвиженской церкви села Воздвиженского Дмитровского уезда просил митрополита «переменяться местами с псаломщиком Дмитровского уезда Спасской села Торбеева церкви Матвеем Уваровым, цель перемены места – чтобы впоследствии мне сдать место внушке, дочери сына моего диакона Сергея Погожева, состоящего при Крестовоздвиженской церкви и имеющего шесть дочерей, ни одной не устроенной»¹³². Как видно из прошений, если у клирика не было наследника сына, он передавал свое место в приданое дочери. При материальной скудости духовенства такой способ передачи места был очень удобным средством выдать дочь замуж. Диякон Велико-Васильевской церкви села Васильевского Дмитровского уезда Вениамин Никатов прослужил 38 лет, заболел и обратился в консисторию с просьбой, что «желал бы передать свое место изъявившему желание взять в замужество племянницу мою Анну Богоявленскую... псаломщику... Всеволоду Извекову и, сверх того, готового и меня с женою призрети»¹³³. После смерти священника погоста Зеленцина Клинского уезда И. Крутицкого его родным было разрешено приискать его дочери жениха для определения его на вакантное место. Кандидат в скором времени был найден, повенчан и назначен на данное место¹³⁴.

Прошение 38-летнего псаломщика московской церкви Святых отцов семи Вселенских соборов Ивана Преображенского

показывает основные мотивы наследственности мест. «Милостиво данный Вашим Высокопреосвященством нашей семье после смерти отца нашего – свящ. Погоста Рудни Богородского уезда Матфея Преображенского – месячный срок для приискания достойного быть священником жениха к сестре моей Анне Преображенской истекает 29 января. Отсутствие у нашей семьи денежных средств, отсутствие у невесты образования, которое отец мой по бедности прихода и по своей многосемейности (2 сына и 4 дочери) не мог дать ей, возраст невесты (30 лет), – все это лишило сироту-сестру возможности в нашем родном доме пристроиться на место отца (т.е., женившись, остаться в доме, где жил их отец священник. – Ю.Б.). Чтобы утереть слезы своей больной матери, желающей после сорокапятилетней совместной жизни лечь в могилу рядом с мужем... я осмеливаюсь... просить... определить меня на место моего отца»¹³⁵. Иван Преображенский в 1892 г. окончил МДС со званием студента, работал законоучителем, в 1896 г. был назначен псаломщиком, которым и оставался до 1911 г. Просьба о назначении на место отца была удовлетворена, 12 февраля 1911 г. он был рукоположен во диакона, а 13 февраля – во священника¹³⁶.

Как на законный способ своего обеспечения смотрит на вакансию мужа Елена Воскресенская – вдова диакона на псаломщической должности села Казанского Богородского уезда. Она обращается к митрополиту со следующим прошением: «Муж мой диакон Иван Воскресенский служил при вышеназванном храме 22 года, после его смерти, последовавшей 3-го октября 1902 года, осталось семь человек детей. Вашим Высокопреосвященством на место моего мужа был определен со взятием в замужество дочери моей Клавдии учитель Михаил Гусев... В настоящее время он, Гусев, переведен в Московский Никитский женский монастырь, и я с дочерьми Анной 42 лет, не способной к труду, Любовью 26 лет и сыном Иваном 23 лет, находящимся в отпуске по болезни с военной службы, и внучкой Антониной остались без угла и без средств. Посему покорнейше прошу... пожалеть сирот, предоставив освободившееся место после зятя Гусева тому

лицу, которое будет согласно взять в замужество дочь мою Любовь»¹³⁷. Наследование прихода оставалось единственным способом для этой и многих других семей не нищенствовать, сохранить свой дом и хозяйство. Священник села Карпова Коломенского уезда Василий Марков подал прошение об увольнении за штат, так как из ценного имущества у него был только новый дом. Отец Василий просил за свою «долголетнюю службу» удостоить его архипастырской милости назначением на освободившуюся вакансию учителя Михаила Успенского, согласно взять в замужество его дочь. Просьба священника была удовлетворена¹³⁸.

К наследованию приходов положительно относились и сами прихожане, которые рассматривали данную практику как помощь семьям священнослужителей. София Васильевна Парусникова, учительница Храбровской церковно-приходской школы Дмитровского уезда, обратилась в Московскую Духовную Консисторию с просьбой устроить свою дочь при Скорбященской церкви села Ивановского, найдя ей жениха, кандидата в священники на это место. С.В. Парусникова пишет о желании прихожан помочь ей по любви к ее мужу – диакону этой церкви, и ее родственнику-священнику¹³⁹. Прихожане села Якшина Подольского уезда обратились к митрополиту Московскому Владимиру со следующим прошением: «После покойного (настоятеля. – Ю.Б.) осталась семья, состоящая из девяти человек неустроенных, по большей части малолетних детей без всяких средств к жизни». Прихожане просили приискать жениха для старшей дочери священника при дальнейшем его назначении на данное место. Просьба прихожан была удовлетворена с определением месячного срока для поиска жениха, а на этот короткий срок к церкви села Якшина был назначен новый священник – учитель Петр Косминский. Прихожане и староста обратились с новой просьбой, ссылаясь на распоряжение митрополита и их просьбу, и Косминскому был предложен другой приход, а священником в селе Якшине стал Сергей Гедеонов, женившийся на дочери своего предшественника¹⁴⁰. Таким образом, идея наследования приходов в сознании духовенства была сильно укоренена и

связана с его материальным обеспечением, являясь практически неотъемлемой частью его жизни и даже причиной перемены места служения. Приход рассматривался как своеобразная вотчина, законное средство содержания семейств клириков.

Получение псаломщического или священнического места было, пожалуй, единственным выходом из сложного материального положения, поэтому кандидаты в священный сан мотивировали свои прошения трудностями материального плана. Псаломщик Евгений Любимов просил о назначении себя священником при Успенской церкви села Обухова Клинского уезда, «лишившись жизни отца в июле месяце и жизни тестя в декабре месяце прошлого года, не оставивших после себя никаких средств, приютив у себя семь человек сирот, начиная с трехмесячного возраста, нигде не устроенных, не имея возможности содержать их на 500 рублей»¹⁴¹. С подобным же ходатайством обратился в консисторию учитель Александр Базилевский, претендовавший на замещение вакансии священника Покровской церкви погоста Юрьевец Коломенского уезда: кроме жены и сына ему, учителю церковно-приходской школы, было необходимо содержать неустроенную 41-летнюю сестру и душевнобольного брата¹⁴². В описываемом контексте одной из причин наследования места служили дома духовных лиц: новый клирик, не всегда обладавший достаточными средствами, обязывался покупать их, тогда как семья предшественника оставалась без крова. Например, учитель Петр Косминский был назначен в село Крюково Верейского уезда, но не смог принять это предложение, так как дом священника для него оказался неожиданно дорогим – 3000 руб.¹⁴³

Наследование церковных мест для иерархии, таким образом, стало удобным источником обеспечения призрения бедных лиц духовного звания, не требовавшим от государства дополнительных затрат на содержание заштатного духовенства и их больших, как правило, неустроенных семей.

§ 4. Служба и материальное обеспечение

Среди многочисленных церковных проблем материальное обеспечение духовенства стало одним из главных объектов дискуссий в периодической печати начала века. «Московские церковные ведомости» писали: «Материальное положение нашего духовенства не из завидных. Небогато живут наши сельские священники; только при деревенской простоте жизни и можно сводить концы с концами. Притом и это скудное обеспечение дается со страшною тяготою и постоянными уколами совести: и у народа ничего нет, а священник все же должен с него брать»¹⁴⁴. Обеспечение духовенства на протяжении всего синодального периода для государства было болезненным вопросом. Во второй половине XIX в. жалование из казны получала только половина всех клириков. Это были, как правило, самые бедные приходы. В среднем на один причт приходилось 219 руб., которые надо было разделить на священника, диакона и псаломщика¹⁴⁵, поэтому неудивительно, что сельское духовенство было вынуждено обрабатывать землю наравне с крестьянами.

Манифест Николая II от 26 февраля 1903 г. провозгласил необходимость мер по «проведению в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения православного сельского духовенства»¹⁴⁶. В 1910 г. при Святейшем Синоде был организован особый отдел по разработке плана мероприятий для материального обеспечения духовенства. Расходы на Церковь постоянно росли: если в 1907 г. они составляли 29 300 213 руб., то в 1917 г. – уже 66 791 837 руб. Максимальная статья расхода приходилась на содержание городского и сельского духовенства, но даже эти увеличения не могли решить все финансовые проблемы Церкви. Выплаты из казны на содержание приходского духовенства были увеличены в 1909 и 1910 гг. на 500 тыс. руб., в 1911 г. – на 580 тыс. руб., а в 1912 г. – на 600 тыс. руб., но и они не могли удовлетворить все церковные потребности. Подсчеты Св. Синода еще в 1896 г. показали, что при выплате в среднем на каждый приход по 400

руб. ежегодно требовалась дополнительная сумма 1 млн 600 тыс. руб. С тех пор число приходов значительно увеличилось. В 1910 г. духовенство получало жалованье в 29 984 приходах, тогда как в 10 996 все еще его не имело, хотя государство выделило на это 13 млн руб. Представленный в 1913 г. в IV Государственную Думу законопроект «Об обеспечении православного духовенства» предусматривал для священников годовое содержание 2400, для диаконов – 1200 и для псаломщиков – 600 руб. (Средняя годовая зарплата рабочего составляла 263 руб. 60 коп.)¹⁴⁷ Основой этих доходов должны были стать государственные «нормальные оклады» 1200, 600 и 300 руб. соответственно; другую половину предполагалось получать за счет постоянного налога на приходы или поступлений с церковных земель, если таковые имелись.

Само сельское духовенство рассматривало свои потребности с более умеренных позиций. Священник Платон Орлов писал, что его приход села Жорова Смоленского уезда «в материальном отношении был средним, и на долю священника приходилось 650–600 рублей»¹⁴⁸. Начало в 1914 г. Первой мировой войны помешало дальнейшему обсуждению этого законопроекта. Бюджет Святейшего Синода на 1916 г. предусматривал на содержание духовенства (включая и миссионерскую деятельность) 18 830 308 руб.; этой суммы едва хватило, чтобы обеспечить чуть более двух третей всех приходов¹⁴⁹. Все меры, предпринимавшиеся государством, имели в виду исключительно штатное, то есть реально служившее духовенство, и никак не способствовали обеспечению священнослужителей, ушедших на покой, или их вдов и сирот.

В течение всего XIX в. правительство предпринимало, как правило, неэффективные попытки улучшения материального обеспечения сельского духовенства. «Бесправие и материальная необеспеченность – вот два главных зла, боязнь которых отталкивает от службы на церковном поприще», – писала газета «Церковный вестник» в 1910 г.¹⁵⁰ обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев во всеподданнейшем отчете сообщал: «Если принять во внимание возлагаемые на

духовенство многочисленные обязанности по долгу службы, те требования, какие предъявляет к духовенству нынешняя жизнь и современное общество, и, наконец, вообще служебное положение духовенства, требующее лиц с известным образовательным цензом и, следовательно, с известными умственными запросами и нравственными убеждениями, то справедливость требует признать, что получаемое духовенством вознаграждение за свои труды действительно далеко не достаточно, а сам способ получения этого вознаграждения и условность его размеров слишком тяжело отзывается на нравственном состоянии духовенства»¹⁵¹.

Использование местных средств на содержание духовенства вплоть до Поместного Собора 1917–1918 гг. определялось особыми правилами, утвержденными 24 марта 1873 г., раздел этих средств производился на основании определения Святейшего Синода от 16–24 декабря 1887 г. Согласно этим правилам, весь доход делился на шесть частей: священник получал три, диакон – две, псаломщик – одну. Такой передел доходов в начале XX в. не устраивал многих, особенно псаломщиков, и, естественно, данный вопрос был признан настолько важным, что был вынесен на рассмотрение Поместного Собора. Докладчик свящ. Николай Карташев охарактеризовал ситуацию, сложившуюся накануне революции: «Скудость содержания, получаемого псаломщиками, во многих местах была нищенской. Получаемое ими обеспечение далеко ниже самой скромной прожиточной нормы. Нередки случаи, что псаломщики не только не в состоянии дать образование своим детям, но едва могут прокормить их. Они вынуждены, в ущерб своим прямым обязанностям, заниматься самыми трудными и черными работами, нанимаясь в услуги богатым прихожанам и отдавать в наймы своих детей»¹⁵². Интересно, что улучшить положение псаломщиков Собор предполагал за счет священников, получавших в три раза больше, несмотря на то что Отдел Поместного Собора о правовом и имущественном положении духовенства «вполне соглашался с тем, что священники в очень многих приходах и даже целых епархиях

бедствуют»¹⁵³. На Соборе раздавались голоса о том, что духовенство голодает в прямом смысле слова¹⁵⁴.

У православного духовенства существовало несколько источников дохода. В частности, земля, которую клирики сдавали в аренду или обрабатывали самостоятельно. Обязательными земельные наделы стали около 1567 г. – тогда это была единственная всеобщая форма обеспечения низшего клира¹⁵⁵. По мнению П.В. Знаменского, занятие сельским хозяйством ставило духовенство в один ряд «с рабочим классом; это отвлекало духовное лицо от исполнения его прямых духовных обязанностей и унижало его, делая ничем не отменным от мужика»¹⁵⁶. В начале XX в. каждому храму полагалось около 33 десятин земли, доход с которых был, как правило, очень небольшим. Земля распределялась между причтом следующим образом: 16¹/₂ десятины – священнику, 8¹/₄ – диакону и по 4¹/₈ десятины – псаломщикам. По словам священника В. Востокова, «земля в огромном большинстве случаев эксплуатируется самим духовенством и возделывается нередко, а псаломщиками почти всегда, их личным трудом. Продукты сельского хозяйства обыкновенно и употребляются самим духовенством»¹⁵⁷. «Сельское духовенство извлекает средства к жизни не от одних приношений за требоисполнение и прочая, совершаемые для прихожан, а ему пособником в сем случае является и наделная земля; умелое занятие последней даже при недостаточных денежных средствах от прихода дает безбедное существование духовенству»¹⁵⁸.

На то, что занятие сельским хозяйством оставалось актуальным, указывала и церковная периодическая печать. Так, священник Николай Лебедев опубликовал в «Московских церковных ведомостях», что уже само по себе необычно, две статьи о пчеловодстве и садоводстве как источниках материального обеспечения духовенства¹⁵⁹. Он давал советы, как лучше разводить сад: у него самого имелось 30 яблонь, с которых он получал прибыль около 18 рублей с дерева – всего 540 руб. в год. Некий сельский священник писал, что его занятие земледелием принесло «реальные плоды», а он выращивал овес¹⁶⁰. В 1903 г. жители села Ново-Озерецкого

Московского уезда отмечали 35 лет служения у них в сане священника о. Никифора Соловьева. «Московские церковные ведомости» в краткой статье об этом событии отметили, что о. Никифор неустанно занимался пчеловодством и огородничеством, даже получил две медали за участие в различных выставках пчеловодов¹⁶¹. Очевидно, не все духовенство могло столь эффективно заниматься хозяйством. Для большинства земля оставалась лишь вспомогательным доходом¹⁶². Священник Алексей Зверев села Прусс Московского уезда, направляя просьбу о переводе, писал: «К несчастью, занимаемое мною место хотя и имеет надел в 33 десятины 1500 кв. сажень, но обрабатывать его не представляется никакой возможности. Расположена причтовая земля от церкви далеко, разбросана по частям; кроме невозможности с этой стороны производить на ней что-либо, – вся она заросла кустарником... ни пахотной, ни луговой земли среди нее нет»¹⁶³. Священник села Горбасьева Клинского уезда Сергей Успенский, подавая просьбу о переводе в село Дергинево, писал: «Земля дохода причту не дает никакого: покрытая мхом и кочками, – самому ее обрабатывать очень трудно, и в аренду ее никто не берет»¹⁶⁴. Священник села Никольского Московского уезда Сергей Успенский (однофамилец священника села Горбасьева) писал: «Земля по своей малоплодородности и дороговизне рабочих сил при ее обработке часто вместо дохода приносит убыток»¹⁶⁵. Священник села Никулина Подольского уезда в 1910 г., подавая прошение с просьбой о переводе, сообщал о «скудости» своего обеспечения: «Нужда беспокоит все более и более, я занимаюсь земледелием, нередко берусь сам за соху и за косу, но неурожаи последних лет за мои труды и заботы, кроме убытка, ничего не принесли»¹⁶⁶. Несмотря на то что в периодической печати занятие священнослужителей сельским трудом, особенно пчеловодство, пропагандировалось и поощрялось, реально оно не нашло широкого применения среди духовенства Московской епархии.

Служители некоторых храмов получали жалованье, так как приходы их были столь бедны и малочисленны, что не могли их

содержать. После реформ 1860-х гг. храмы часть своих доходов начали перечислять в банк для накопления капитала, чтобы существовать на проценты. В начале века некоторые церкви еще получали проценты с этих капиталов, но, как правило, это были очень незначительные суммы. Существовала система сборов и пожертвований по храмам, и в этом случае суммы, пожертвованные на содержание бедных духовного звания, оказывались очень невелики. Например, в 1913 г. на призрение бедных духовного звания было собрано по всем церквям епархии, не считая Москвы, 3884 руб. 30 коп. При численности 1137 церквей, духовенства – 2664 священно- и церковнослужителей и 138 находившихся за штатом, сумма была просто ничтожной¹⁶⁷.

Главным доходом причта оставалось по-прежнему требоисполнение. По словам Знаменского, «этот доход был, вероятно, современен введению в России христианской веры»¹⁶⁸. По церковным канонам Таинства и обряды не могли служить предметом купли-продажи, поэтому деньги за их исполнение рассматривались как мера благодарности, точный размер которой никогда не устанавливался законодательно: каждый, кто хорошо знал местные обычаи, давал мзду согласно сложившейся традиции. В начале XX в. сам факт добровольности пожертвований и явился одной из причин ухудшения материального положения духовенства и его отношений с прихожанами. Священник не мог отказать прихожанину, тогда как тот мог благодарить по своему усмотрению. Духовенство болезненно осознало свое положение просителя.

Интересно дело 1909–1910 гг. о снятии с себя сана священником Воскресенской церкви села Кондратьева Коломенского уезда Алексия Златоустова, который оставил место своего служения и был запрещен в священстве. Сам он объяснял это «неимением жилища и квартиры», оторванностью от детей, лишенных матери. В сложившейся ситуации иерей просит о сложении сана, так как для пропитания себя и детей желает поступить на частную службу, хотя в душе был и остается священником и со священным саном расставаться не

желал бы¹⁶⁹. На все вразумления он отвечал: «Если епархиальное начальство даст мне место, я откажусь от мысли сложить сан, в противном случае я вынужден искать другое занятие»¹⁷⁰. Практически для всех священнослужителей приход был единственным способом пропитания, и естественно, что материально они полностью зависели от своих прихожан. Материальное положение клириков зачастую оказывалось столь затруднительным, что вынуждало их искать дополнительный заработок, ради которого, помимо сельского хозяйства, клирики преподавали в школах, занимались письмоводительством в благочинных и волостных правлениях, клали печи, торговали, подрабатывали по найму у крестьян¹⁷¹. Такой расклад дел сказывался на их пастырском служении и наносил непоправимый урон их авторитету в глазах прихожан. Для крестьян священник, как правило, являлся исключительно исполнителем церковных треб и был необходим только для того, чтобы крестить, венчать, исповедовать, причащать, отпевать и служить молебны. Обрядность и формировала у крестьян, с одной стороны, благоговение, а с другой – презрение и насмешливое отношение к духовному чину: вне установленного круга треб пастыря можно было не уважать. Отсюда проистекали и финансовые взаимоотношения – священник для крестьян становился наемником: с ним договаривались о плате, как и в других житейских делах, с ним торговались, стремились, не считая зазорным, обмануть. К сожалению, и сами клирики часто рассматривали свое служение как ремесло и исключительный источник доходов. Священники, по словам епископа Енисейского Евфимия, «совершают требоисполнения, совершают Литургии, исповедуют прихожан, отправляют и иные пастырские обязанности, но делают это довольно часто без участия сердца, хладнокровно – так, как большинство чиновников относится к исполнению обязанностей, возложенных на них службой»¹⁷². В начале XX в., когда народ перестал воспринимать Церковь как неотъемлемую часть своей жизни, особенно остро встал вопрос о невозможности сохранения подобной ситуации.

Одним из источников материального обеспечения духовенства в начале XX в. были сборы и пожертвования по церквям. Сведения о расходах этих пожертвований как по отдельным храмам, так и в целом по Московской епархии можно найти в документах архива Московской духовной консистории. Среди других материалов в нем хранятся ведомости о сборах, пожертвованиях и даже хищениях. Они содержат следующие строки, отражающие структуру сборов и пожертвований по храмам¹⁷³:

1) кружечного и кошелькового сбора; 2) чистой свечной прибыли; 3) за отданные в наем дома и лавки; 4) процентов с церковных капиталов; 5) на призрение бедного духовенства; 6) в пользу соборов, монастырей и церквей; 7) в пользу монашествующих причтов; 8) в пользу богаделен; 9) на православные церкви и школы в западных губерниях; 10) на распространение Православия на Кавказе; 11) на распространение Православия между язычниками Империи; 12) в пользу церкви Св. Гроба Господня; 13) на православных паломников в Палестине; 14) в пользу раненых и больных воинов; 15) в пользу церковноприходских школ; 16) прочее (название этой строки заполнялось на месте).

В Приложении к данному изданию приводятся сведения о сборах и пожертвованиях, поступивших в монастыри, соборы и церкви Московской епархии в 1903 г.¹⁷⁴ (табл. 1) и 1904 г.¹⁷⁵ (табл. 2).

Основные статьи дохода Московской епархии: в 1903 г. за отданные внаем дома, земли и лавки поступило более 35 %, чистой свечной прибыли – более 21 %, кружечного и кошелькового сборов – более 20 %, поступлений в пользу Гроба Господня – почти 15 % от суммы всех поступлений. В 1904 г. за отданные внаем дома, земли и лавки поступило более 35 %, чистой свечной прибыли – почти 22 %, кружечного и кошелькового сбора – более 20 %, поступлений в пользу Гроба Господня – почти 14 % от суммы всех поступлений.

В сельских благочиниях не было доходов от сдачи в аренду домов. По величине поступлений на первом месте шли поступления в пользу церкви Св. Гроба Господня (почти 53 % в

Наро-Фоминском благочинии и более 40 % в Городищенском благочинии), что следует приписать заинтересованности генерал-губернатора Москвы вел. кн. Сергея Александровича в деятельности Императорского Палестинского общества. Далее по величине поступлений в Наро-Фоминском благочинии следуют: чистой свечной прибыли – более 20 %, кружечного и кошелькового сбора – более 19 %. В Городищенском благочинии наоборот: кружечного и кошелькового сборов – почти 27 %, чистой свечной прибыли – более 16 %. В обоих благочиниях, в отличие от столичных городов, мала доля поступлений за сданные внаем дома, земли и лавки.

За рассмотренные годы были невелики пожертвования как на призрение бедного духовенства, так и в пользу монашествующих причтов. На призрение бедного духовенства за рассмотренные годы было получено примерно по 0,6 % в 1903 и 1904 гг. от общих сумм. Суммы, собранные в пользу монашествующих причтов в 1903–1904 гг., составили только по 0,004 % от общей суммы пожертвований.

Естественно, основным источником дохода служителей Церкви по-прежнему оставалась плата за требы и пожертвования. С горечью описывает права и обязанности приходского священника иерей Н. Сокольский, на себе испытывавший все тяготы подобной жизни. Его статья в «Церковном вестнике» так и называется «Горькая истина»: «При определении на место священнику ставят такие требования: священнодействуй, совершай множество треб, паси словесное стадо, проповедуй благовременно и безвременно, веди внебогослужебные собеседования в храме и приходе, служи и вечерни с акафистами по воскресеньям, заводи церковно-приходские школы, к открытию которых сам изыскивай и средства, выстрой для нее и здание, попроси у прихожан для школы дров, сторожа и все, что потребно для жизни, законоучительствуй в этих школах и веди ее хозяйство совершенно бесплатно; по церкви веди приходно-расходные книги, пиши метрики, исповедные росписи, обыск, отчетность по церкви и попечительству, в последнем председательствуй и т.д. и все представляй по начальству, за что и получай только

выговор при неисполнении без всякого «спасибо» при аккуратности. Затем выдавай всякие выписи, сведения, справки, статистику во всевозможные правительственные учреждения, всем и всякому, кто только имеет право писать за № -ром отношения с присовокуплением представить «немедленно». Посещай и другие школы прихода, и только за это ты получишь, пожалуй что, сносную плату. Что же касается всего вышеперечисленного, то за все эти труды и обязанности, несовместимые званию и непосильные для духовенства вообще, а одному священнику в особенности, – питайся, содержи семью, воспитывай детей в учебных заведениях, на добротные подаяния от прихожан, т.е. говоря проще и откровенней – живи чем хочешь и как знаешь, до этого нет никому никакой заботы и дела»¹⁷⁶. Духовенство начала XX в. воспринимало свое положение и внебогослужебные обязанности как настоящую трагедию. «Жизнь бедного клирика сельского с семейством продолжает быть страшной драмой. Сельское духовенство обречено безмолвно терпеть нужду, а когда эта злая беспощадная спутница нашей жизни станет невыносимой, то есть средство из нее выйти – это надоедать начальству просьбами о переводе на другое, более богатое место. Митрополит обращает свое благостное внимание на такие просьбы, переводит на другое место. Но эта мера не исцеляет всего недуга», – писал свящ. В. Лебедев¹⁷⁷. Необходимо отметить, что клирики, недовольные своим местом, внимательно следили за открывавшимися вакансиями. В делах о назначении количество просителей напрямую зависело от доходности места и его расположения. Практика перехода из одного прихода в другой в поисках лучшего сложилась еще в Древней Руси и прочно укоренилась в сознании священнослужителей. «Старинная свобода перехода с места на место, общая всем чинам Древней Руси, долее всех сохранялась в духовенстве»¹⁷⁸. Тогда существовал целый класс бродячих «попов».

Несмотря на обширность приходов, само духовенство и прихожане очень редко хотели увеличивать штаты. Напротив, их численность строго соблюдали, а иногда даже стремились

сократить: разногласия в разделе дохода чаще всего служили причиной раздоров между клириками. Например, благочинный Дмитровского уезда свящ. Димитрий Березкин подал донесение на своего диакона Лаврова: «Января 6-го дня в алтаре, во время чтения моего после Литургии благодарственных молитв, считал деньги диакон и ругал меня, называя меня бессовестным, скотиною и цыганом за то, что я сам по обычаю объявил брак; января 10 дня во время употребления мною Святых Даров опять диакон ругал меня теми же словами, только вместо слова «цыган» употребил слово «свинья» за то, что я не дал ему денег в счет процентов, как в прошлом году...»¹⁷⁹ Через несколько месяцев свящ. Березкин подает новое прошение об упразднении диаконской вакансии, мотивируя это скудостью содержания. Даже скромные запросы духовенства не позволяли 1000 крестьян в начале века содержать трех клириков с семьями. Диакону же Лаврову приходилось постоянно просить помощи из епархиального попечительства, о чем и писал благочинный Березкин: «Диакон Николай Лавров в феврале месяце сего года (1904. – Ю.Б.) Вашим Высокопреосвященством переведен в другой приход, и его место, за неявкою достойных людей, которые бы пожелали поступить на его место, доселе остается праздным. Это, помимо причта села Баркова, ясно показывает скудость средств содержания его... в приходе села Баркова осталось душ мужского пола 510 и женского 575 из числящихся прихожанами, неизвестно где живущими 75-ю душами мужского пола 585 душ в приходе... для меня, человека несемейного, незнакомого с пышною жизнью дохода, получаемого и от 510 душ мужского пола, достаточно на содержание себя с дочерью; для меня лично, штатный ли диакон, на псаломнической ли вакансии будет он, все равно, но для других священников, в особенности для семейных, при нынешней дороговизне содержания не все равно, они вовсе не пожелали бы иметь третье лицо в составе причта»¹⁸⁰. Диакон Димитрий Широков и псаломщик Иоанн Успенский села Никольского Богородского уезда подали в феврале 1905 г. прошение о закрытии второй вакансии псаломщика (по штату полагались священник, диакон, два

псаломщика). «Такой штат причта для наших прихожан обременителен, и содержание его будет весьма недостаточно, притом и обеспечение в пользу причта нет никакого – на весь причт процентов получается 70 руб. 33 копейки в год. Земли при церкви хотя и имеются законная пропорция 33 десятины, но из них 11 десятин луговой... которую снимают иногда покос рублей за 45, а иногда дешевле; остальная же земля... большая часть болотная и поросшая мелким кустарником, пахотной тоже очень небольшое количество»¹⁸¹.

Часто крестьяне для полноты богослужения желали иметь диакона, но его материально обеспечить не могли, поэтому просили себе диакона на псаломщической вакансии. С таким прошением обратились крестьяне церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Покровское-Давыдково Звенигородского уезда: «Для большей полноты службы Господней нам желалось бы иметь диакона, но средства к содержанию нашего прихода не позволяют нам иметь диакона, так как в нашем приходе всего лишь 590 душ мужского пола, место ненужное, жалования нет, и причт наш содержится лишь доходами да землею 33 десятины, которую сам обрабатывает»¹⁸².

Материальная недостаточность отодвигала на задний план проблемы, связанные с малочисленностью духовенства. Служить одному священнику в приходе на 1000–1500 человек было достаточно сложно. Это была не только служба в выходные, праздники и посты, но исповедь и причащение всех прихожан не реже одного раза в год, отпевания, крестины, венчания. Обычно к одному храму было прикреплено несколько деревень, находившихся на приличном расстоянии друг от друга; клирик должен был ездить на различные требы: соборование тяжелобольных, причащение умирающих, служение молебнов. Помимо прямых богослужебных обязанностей, как выше было сказано, клирики вели множество бумаг и отчетов, подаваемых в Консисторию, метрические книги, должны были выдавать справки о рождении, смерти и венчании, что тоже занимало время. Но из-за скудости содержания увеличение штата было невозможно. Из-за материальной необеспеченности выход из духовного сословия для некоторых

был иногда даже желанным, иллюстрацией чему является «Дело об увольнении псаломщика Рождественского за штат в связи с ревматизмом», датированное 1907 г. Псаломщику Рождественскому было всего 29 лет, он состоял под судом по обвинению его с женой в неблагоповедении. Благочинный свящ. Алексей Львов предполагал, что болезнь клирика была лишь предлогом: «Мне думается, у него иной мотив выйти за штат, и, думаю, вот какой: освободиться от настоятелей, благочинных, кои делают ему замечания, внушения, чинят на него донесения... он, действительно, хороший чтец, и еще лучше – певчий, обладает хорошим голосом, а посему он, вероятно, думает, что такую-то копейку, которую он получает в Алферьеве, он заработает и частно, а по крайней мере, будет свободен»¹⁸³. Священное служение было для духовенства не прибыльным и не надежным средством существования, а некой неизбежностью. Псаломщик Вознесенской церкви Теряевой слободы Клинского уезда Александр Ремизов в своем прошении пишет, что поступить на место псаломщика его побудила слабость здоровья, а скудость содержания заставила просить о месте диакона: «Занятия и в школах с большим числом учащихся в течение 11 лет настолько подорвали мое здоровье, что я, пролежавши около двух месяцев в больнице, вынужден был оставить церковно-училищную службу и просить псаломнического места, на какое и был определен 18 ноября 1908 года. Отдавши все свои силы чужим детям, я не имею теперь возможности дать образование своим детям, которых у меня четверо. Получаемое мною псаломническое содержание настолько скудно, что едва хватает на проживание... Поэтому осмеливаюсь просить... дать мне возможность поставить на ноги детей и поддержать старость матери определением меня на вакансию диакона к Петропавловской села Петропавловского Рузского уезда церкви»¹⁸⁴. Псаломщик Успенской церкви села Козина Волоколамского уезда Иоанн Юрасов подрабатывал постоянно: «Труд мой состоял в продолжении 20 лет в бедных приходах в том, что я, псаломщик Юрасов, по недостатку средств от прихода много работал по найму у крестьян и благодаря тому дал образование старшей своей дочери Анне...

но через свои многие труды, я, Юрасов, в настоящее время чувствую некоторый упадок своего здоровья; но кроме земельного труда, перенес два пожара, из которых в последнем погибло не только имущество, но и скотина... Потерявши многое, я, псаломщик, осмеливаюсь просить... разрешить мне, псаломщику, держать экзамен для поступления куда-либо на штатное диаконское место»¹⁸⁵.

Почти всегда основанием для просьбы клирика о назначении или переводе на место в делах фонда Московской консистории служит неудовлетворительное материальное положение. Так, священник Николаевской церкви села Настасьина Рузского уезда Александр Холмогоров в 1911 г. просит о переводе: «Болезнь жены, перенесшей последовательно три тяжелые операции, заставила меня истратить все мои скудные средства и войти в долги, тем самым лишила меня возможности отремонтировать свой дом, требующий капитального ремонта; так как в зимнее время в мороз температура падает до 4°»¹⁸⁶. Об определении на место священника в Успенскую церковь села Салтыкова Бронницкого уезда в феврале 1911 г. просит диакон села Конобеева Бронницкого уезда Иоанн Смирнов: «Условия жизни в с. Конобееве очень тяжелые, а именно: обеспечения в год до 400 рублей, квартиры нет; жить с семейством с 4 детьми приходится в недостроенной и холодной избе, очень далеко от местного храма, платить за отопление оно приходится за свой счет, и не только дать образование детям, но даже одеть и обуть их не на что»¹⁸⁷. Просьба диакона не была удовлетворена, и уже весной 1911 г. он просил о переводе на священническое место в Троицкую церковь села Заворова Бронницкого уезда¹⁸⁸. Псаломщик села Благовещенского Верейского уезда Николай Беляев обратился в консисторию в 1910 г. с просьбой рукоположить его в диаконы на псаломщическую вакансию: «Я, Беляев, состоял псаломщиком с 1890 от мая 30 дня и вместе с тем состою учителем церковного пения... с 1902 года... и вместе с тем веду непрерывное хоровое пение в нашем храме... Все такое веду бесплатно. Но так как в настоящее время истекает уже 3-й год неурожая во всем, и поэтому стало проживать

крайне трудно, а притом еще для меня обременительным является то, что в семействе имею неизлечимо больную жену, страдающую женскими болезнями 16 лет от неправильного деторождения... приходится во всех потребностях домашнего образа жизни обращаться за наймом сторонних людей... а притом в семействе имею дочь Марию, ныне обучающуюся в Филаретовском училище на полном моем содержании... Содержание же мое от прихода с казенным жалованием в настоящие годы не превышает 170 руб.»¹⁸⁹ Скрудным материальным положением мотивирует свою просьбу о диаконстве псаломщик Спасо-Преображенской церкви села Дмитровского-Андреевского Звенигородского уезда Дмитрий Лебедев: «Нахожусь на должности псаломщика почти 30 лет, исполняя ее с любовью и усердием. По семейному положению моему и недостаточности средств я несу великое бремя в жизни. Семья моя состоит из жены и 8 человек детей. Средств от прихода 200 рублей... Прошу... удостоить меня диаконского сана и тем самым дать мне облегчение в тяжелом семейном положении»¹⁹⁰. Диакон Михаил Холин Зосимо-Савватьевской церкви села Гольянова Московского уезда просит о переводе в село Всех-Святское Московского уезда: «Утруждать Вас сею просьбою осмеливаюсь вследствие весьма трудного существования с моим большим семейством за последнее в особенности время. Семья состоит из десяти человек: самого, жены и восьмерых детей, из коих двое: сын и дочь – обучаются на моем содержании, а третий сын на казенном – в духовных училищах; остальные живут при мне. Приход очень мал, в нем 400 душ, только и поддерживают существование получаемые на мою душу проценты – 250 рублей. Дети подрастают, расход все увеличивается, так как за обучение приходится вносить последние, какие только есть, средства, материального улучшения не предвидится, а оставить остальных детей без образования весьма тяжело»¹⁹¹. Диакон Никольской церкви села Черленкова Волоколамского уезда также просил о переводе на другое место: «В настоящее время нужда настолько обострилась, что остается надеяться на Ваше архипастырское внимание. Дочь поступила в Филаретовское

епархиальное училище – необходим взнос, но где его взять? Я получаю от прихода 300 руб., у самого, жены, детей и домашних нет необходимой одежды. Жена, видя напрасные мои труды в просьбах о переводе меня на лучшее место, подала прошение в Земство с просьбой об определении ее в учительницы или на другую земскую службу...»¹⁹² Подобным же мотивом руководствовался священник Василий Холмогоров села Морозова Дмитровского уезда: «К сему же побуждает меня то, что имеющийся здесь дом для причта настолько стар и холоден, что совершенно не годен для жилья, а привести его в надлежащий вид нет возможности за неимением средств»¹⁹³. Дякона Василия Раевского села Савельевского Рузского уезда просить о переводе заставило также крайне затруднительное положение, к которому добавилась и необходимость дать образование дочерям: «Средств на пропитание не имею, жалования нет, дров также нет. Кроме того, я имею двух дочерей, не окончивших Филаретовское духовное училище по причине недостатка средств»¹⁹⁴.

Материальная скудость делала священнический сан не только наследственным призванием, но и практически единственным способом существования. Многочисленными были переходы из одного прихода в другой, а некоторые священнослужители постоянно находились в поисках нового храма, непрерывно подавая прошения. Такая ситуация негативно сказывалась на приходе и на отношении к клирикам, в которых видели лишь исполнителей треб, не привязанных духовно и душевно к своим прихожанам. Дякон Преображенской церкви села Следнева Рузского уезда Алексей Боголепов просил о переводе в Преображенскую церковь села Гари Дмитровского уезда, мотивируя свое желание следующим: «В Следневе дом мой весьма ветхий; по дороговизне строевого леса и бедности прихода построить новый средств не имею. В селе Гари дом поставлен старцем диаконом Сунгоровым не более пяти лет назад, и купить его по малообширности дома мне доступно»¹⁹⁵. В 1911 г. на священническое место в Успенскую церковь села Обухова Клинского уезда был назначен 32-летний дякон Иоанн Цветков¹⁹⁶. Через пять лет он подал

прошение о переводе, так как, получая в год 600 руб. и имея шесть человек детей, не смог выкупить дом и жил с семьей в сторожке¹⁹⁷. Безусловно, были клирики, служившие на одном приходе по несколько десятков лет, но они не составляли подавляющего большинства священнослужителей Московской епархии.

Если у служащего клирика была хоть какая-то возможность зарабатывать, то заштатным престарелым церковнослужителям приходилось тяжело. Очень часто священник, отслуживший несколько десятков лет, мог бедствовать и просить у вышестоящего начальства единовременного пособия, в чем консистории за неимением средств ему приходилось отказывать. Заштатный священник села Чернева Дмитровского уезда Иоанн Добронравов обращался с подобным прошением в 1913 г. Он прослужил Церкви 42 года: «Хотя все время своего служения я и терпел большую нужду, так как занимал места, удаленные от городов и железных дорог, с болотного, неудобного для обработки землею, имел большое семейство, состоящее, кроме жены, из четырех дочерей и двух сыновей, обучал и содержал детей в разных учебных заведениях на свой счет, несколько лет покоил у себя, а потом и схоронил свою престарелую мать-вдову, несколько раз при своих переездах покупал и ремонтировал дома с их разными надворными пристройками, наконец устроил в замужество трех дочерей»¹⁹⁸. Выйдя за штат, о. Иоанн Добронравов писал, что у него нет никаких средств к существованию: дети, устроенные на небогатые места, не могли содержать его с женой, пособие из эмеритальной кассы оказалось очень небольшим – в размере трех рублей, – пенсия была назначена лишь с марта 1914 г., а сбережений никаких не было.

Встречаются прошения о переводе со штатного места диакона на псаломщическое в более богатый приход, например диакона Вознесенской церкви села Тархова Клинского уезда Николая Воскресенского: «Прошу обратить Ваше милостивейшее внимание и на мое семейное положение: кроме своей семьи (жены и двоих детей), на моих руках после смерти псаломщика Ильинской церкви осталась вдова – моя сестра – с

тремя малолетними детьми... Как мне трудно содержать две семьи на мой скудный доход, равный 400 рублям»¹⁹⁹.

Священники, которые не могли обеспечить себя в старости, были определяемы в богадельню. Свящ. Александр Ильинский прослужил 15 лет диаконом и 16 лет священником. После увольнения за штат и невозможности работать по найму был определен в городскую богадельню им. Геер, а его жена – в богадельню при Лазаревском кладбище²⁰⁰. Священнослужители, иногда даже пристроив детей, оканчивали свои дни в приютах, так как дети их были столь бедны и обременены семейством, что не могли содержать престарелых родителей. О назначении пособия просил в 1910 г. заштатный священник села Ламишина Звенигородского уезда Федор Васильев Садиков, служивший диаконом 22 года и священником 4 года. «Уволенный за штат в 1891-м году, я остался без всяких средств к жизни, так как все свое имущество, какое у меня было, движимое и недвижимое, я отдал своей дочери при устройстве ее за священника на свое место». Он проживал в приюте и просил средств для покупки лекарств²⁰¹. Дети церковнослужителей по своей бедности не всегда могли помочь своим престарелым родителям. Диякон Михаило-Архангельской церкви села Поджигорова Клинского уезда Иоанн Васильев Боголепов, проживая с женой в приюте, направил прошение о назначении единовременного пособия: «Прослужив в должности псаломщика и диакона 38 лет... состою в настоящее время за штатом 12 лет. По болезни глаз я был в глазной больнице Набильковой, была мне операция глаза, в настоящее время повторяется заболевание глаз, и следовало бы лечить, а средств не имею, пособия ниоткуда не получаю, я и жена – мы люди старые, около 70 лет, нам, старикам, жить без копейки очень трудно...» У диакона И. Боголепова был сын священник, о котором Московская консистория и запросила сведения, на что благочинный сообщил следующее: «Сын Николай 42 лет, хотя состоит священником в селе Дьякове Дмитровского уезда, в бедном приходе и обременен большим семейством – 8 человек детей, из них за троих платит за обучение, при таком положении этого

сына... (сам сын. – Ю.Б.) не может помочь»²⁰². Для священнослужителей, оставшихся без средств к существованию и не имевших возможности по старости или болезни работать, были организованы различные благотворительные учреждения, но их оказывалось недостаточно. Наилучшей по сравнению с другими организациями помощью бедному духовенству отличалась Московская епархия, в которой в 1823 г. было учреждено попечительство о бедных духовного звания. Законодательную базу епархиальных попечительств составляло положение «О призрении бедных духовного звания». Целью попечительств была помощь обездоленным клирикам. Данные попечительства финансировались за счет епархии – средств из казны они не получали²⁰³, – а полученные средства тратили на различные пособия и содержание благотворительных учреждений, среди которых подведомственными попечительству числились приюты и богадельни.

Приюты: 1) Горихвостовский дом призрения (на 92 семейных вдовы); 2) дом призрения бедных духовного звания в селе Остров (65 муж., 248 жен.); 3) Александровский приют для заштатных и неизлечимо больных священников (27 лиц.); 4) Георгиевский приют для бедного духовенства (14 муж., 10 жен.).

Богадельни: 1) Лазаревская (50 жен.); 2) Даниловская (59 жен.); 3) Пятницкая (17 муж.); 4) Мазуринская (23 жен.); 5) Обыденская (12 жен.); 6) Миусская (10 чел.); 7) Николоявленская (12 жен.); 8) Морозовская (6 жен.); 9) Докучаевская (5 жен.); 10) Тешиловская (3 муж., 16 жен.); 11) Калитниковская (14 жен.); 12) Медведниковская (25 муж., 16 жен.)²⁰⁴.

Всего, таким образом, обеспечивалось 801 место (626 женских и 175 мужских) – ничтожно малая цифра на 24 тыс. лиц духовного звания. Богадельни предоставляли кров и пропитание, но средств на лечение у них не было – очевидно, что социальное обеспечение духовенства оказывалось недостаточным. В газете «Церковные ведомости» (1 марта 1908 г.) корреспондент писал о необходимости увеличения числа богаделен. «Каждый крестьянин имеет свой земельный надел, имеет свой угол... (Духовенство. – Ю.Б.) лишено возможности

прожить спокойно остаток своих дней, если болезни, бедность прихода и другие условия помешали обеспечить свою старость или если до выслуги пенсии болезнь или преждевременная немощ заставила выйти за штат. Всего несчастнее положение вдов и сирот священно-, церковнослужителей. Ничтожной поддержкой для них служат просфорнические места, но и эта поддержка непродолжительна, так как многие причты вынуждены ходатайствовать о закрытии места просфорни, вследствие дробления прихода и недостатка церковных средств на поддержание просфорнических помещений»²⁰⁵.

Некоторые особенно нуждавшиеся церковнослужители и их родственники получали единовременное пособие из сумм Св. Синода, который в 1903 г. обеспечил его 59 клирикам, их вдовам и детям общей суммой в размере 2075 руб. 70 и 60 руб. получали священники, их вдовы и дети; 50 руб. – диаконы и вдовы; 30 руб. – псаломщики, их родственники. Среди просителей оказались два священника, пять священнических вдов, девять детей, два диакона, две диаконских вдовы, три дочери. Больше всего пособий получили самые малоимущие из клириков – псаломщики (восемь человек), а также 15 диаконских вдов и 13 их дочерей²⁰⁶.

§ 5. Пенсионное обеспечение приходского духовенства²⁰⁷

Государство оказывалось не в состоянии обеспечивать всех отставных служащих, и не только церковно- и священнослужителей, пенсиями. В то же время пенсионное обеспечение было не всегда приемлемо и для самих пенсионеров, так как их влияние во время прохождения службы на размер будущих пенсионных пособий сводилось к минимуму. Поэтому уже в начале второй половины XIX в. в рамках государственных структур создаются и запускаются в действие проекты эмеритуры, суть которой состояла в том, что служащие учреждения, организации или целого ведомства в течение длительного периода (в идеале в продолжение всего срока службы или работы) производили определенные отчисления из своей заработной платы (жалованья, довольствия) в пользу эмеритальной кассы. В начале ее работы основы капитала могли складываться из привлеченных извне финансов, хотя в дальнейшем были возможны и случайные вливания денежной массы. Аппарат кассы осуществлял управление этими средствами с целью их сбережения и получения на них гарантированного (а потому достаточно невысокого) дохода. При достижении участником кассы пенсионного возраста и выходе в отставку ему или членам его семьи начислялось ежегодное пособие из накопленных фондов эмеритуры (при соблюдении условий, оговоренных уставом кассы).

В России пионером в принятии элементов новой пенсионной системы стало военное ведомство. В 1859 г. была учреждена эмеритальная касса военно-сухопутного и морского ведомства. За период с 1865 по 1900 г. начали функционировать также шесть эмеритальных касс «гражданского ведомства». Своя эмеритура открылась у чиновников Министерства юстиции, горных инженеров, инженеров путей сообщения, служащих детских приютов и Санкт-Петербургской Николаевской детской больницы, Санкт-Петербургской пожарной команды. Доходы этих касс

складывались по преимуществу из отчислений участников и последующих процентов на капитал. Поскольку обеспечение клириков было явно недостаточным, в Русской Православной Церкви в 1860-е гг. также возникает идея создания института эмеритуры. Причем Московская епархия не была единственной областью, в которой шла речь о создании кассы: подобные учреждения проектировались и в других епархиях. Так, 18 сентября 1885 г. «определением Святейшего Синода утвержден проект учреждения эмеритальной кассы для духовенства и светских лиц духовного ведомства в Самарской епархии»²⁰⁸.

Ревнителем будущего учреждения эмеритуры выступил свт. Филарет, митр. Московский. В 1867 г. по его инициативе была организована добровольная подписка в пользу будущих пенсионеров духовного звания Московской епархии, которым посчастливится участвовать в эмеритуре: было собрано 25 500 руб., часть из которых пожертвовал и сам святитель²⁰⁹. В августе 1868 г. митрополитом Московским Иннокентием (Вениаминовым) был учрежден комитет по составлению проекта устава эмеритальной кассы духовенства Московской епархии. Этим комитетом был выработан и вынесен на рассмотрение духовенства и епархиального начальства расчет, согласно которому от времени открытия кассы до начала выплаты ею пенсионных пособий должно было пройти 10 лет. Данный расчет был принят съездом духовенства Московской епархии 15 декабря 1870 г. и утвержден митрополитом. Были приняты основные положения устава эмеритуры:

- участники кассы должны добровольно вносить в нее ежегодные отчисления по десяти разрядам от 3 до 100 руб.;
- в кассу должны ежегодно поступать взносы от церквей епархии (4 % валового дохода).

Съезд также проголосовал за создание учредительного комитета эмеритальной кассы духовенства Московской епархии. 25 мая 1871 г. произошла передача статистических сведений и протоколов заседаний комитета по составлению проекта устава учредительному комитету. Последний принял в свое распоряжение для дальнейшего управления так называемый филаретовский капитал (уже несколько увеличенный за счет

пожертвований и процентов), составивший основную часть средств кассы общей суммой 27 820 руб.²¹⁰ В 1874 г. проект получил одобрение и митрополита, о чем имеется соответствующая выписка из консистории²¹¹. Позднее был оговорен срок формирования правления кассы и открытия учреждения для принятия взносов – 1884–1885 гг.

Между тем капитал будущей кассы продолжал возрастать. На 6 июня 1871 г. – день пятидесятилетия правления святителя Филарета, ревнителя и доброхотного жертвователя эмеритуры – эта сумма увеличилась уже до 31 335 руб. Увеличение капитала происходило за счет начисления процентов и операций с ценными бумагами (государственными облигациями, выигрышными билетами и т.п.), – что давало в среднем около 5 % годовых, – и благодаря дополнительным пожертвованиям от духовенства и других сочувствовавших делу эмеритуры лиц. Расходы из сумм кассы в течение всего периода работы учредительного комитета были весьма незначительными – в основном это была плата банкам за хранение процентных бумаг, оплата страхования билетов и – достаточно небольшое – вознаграждение, выплачиваемое писарям. Каждый случай необходимых трат особо оговаривался в отчетах. Так, например, в документе зафиксировано, что в 1872 г. 100 руб. было выдано двум диаконам «за двухлетние труды по письмоводству»²¹². Аппарат комитета вознаграждения не получал, правления как такового не было, поскольку работа по ведению дел эмеритуры этого еще не требовала. На момент передачи правлению кассы сумма денежных средств возросла до 71,4 тыс. руб.²¹³

В 1888 г. император Александр III официально разрешил учреждать в епархиях эмеритальные кассы, тогда как эмеритальная касса духовенства Московской епархии возникла уже в 1886 г., еще до императорского указа.

Проект устава эмеритальной кассы духовенства Московской епархии состоит из общих положений, пяти основных глав и двух приложений²¹⁴. В «общих положениях» право участия в кассе предоставляется «как священно-церковнослужителям Московского епархиального ведомства, так и всем состоящим на действительной службе по духовно-учебному и

административному ведомству Московской епархии». Согласно 5-му параграфу, в случае закрытия кассы предписывается возврат взносов «с наросшими на оные процентами» вкладчикам и их семействам, а «остающаяся за сим сумма денег передается по определению епархиального съезда в Московское попечительство о бедных духовного звания». Параграф 6 позволяет получение законных эмеритальных пенсий лицам, пользующимся одновременно пособиями других ведомств и учреждений, в том числе попечительства. Целью кассы провозглашается «производить пенсии вдовам и сиротам священно-церковнослужителей и вообще лиц, служивших по духовному ведомству в Московской епархии, участвовавших своими взносами в составлении кассы, а равно и самим таким лицам, оставившим службу по исполнении определенного в Уставе числа лет». На первое место здесь ставится выгода наследников, а не самих членов эмеритуры, ведь они и составляли большинство в числе пользователей кассы.

Капитал кассы состоял из основного – собранного по подписке митр. Филарета и возросшего к 1882 г. до 62 635 руб. и «капитала по вкладам», сформированного из выплат участников. В дальнейшем капитал кассы должен был пополняться за счет взносов членов, а также последующих ежегодных пожертвований от церквей и епархиального духовенства.

В течение первого года существования кассы духовенство, причетники и служители духовного ведомства, состоявшие к этому моменту в штате, должны были принять решение о своем вступлении в кассу. Для вступающих в штат впоследствии начало участия в эмеритуре определялось годом начала их службы в духовном ведомстве. Лица, желавшие вступить позже, должны были внести не просто единовременно взносы за пропущенные годы, но также «проценты и рекамбии», т.е. своего рода штраф²¹⁵. В уставе оговаривалась возможность перехода с высших разрядов на низшие – «в стесненных обстоятельствах» и только «по усмотрению правления кассы». В таком случае взносы усреднялись таким образом, чтобы соответствовать в точности какому-либо одному из

существующих разрядов, а в случае невозможности полного соответствия – излишки от прежних, больших взносов переходили в собственность кассы. Продолжительность оплаты ограничивалась 35 годами.

Пенсионные выплаты могли назначаться уже через 10 лет после начала принятия взносов (т.е. с 1895 г.). За каждый рубль годовых взносов за 10 платных лет начислялись 2 руб. годовой пенсии, за 15 – 2,5 руб., за 20 – 3 руб., за 25 – 3,5 руб., за 30 – 4 руб. и за 35 – 5 руб. (§ 32)²¹⁶.

Правами на получение пенсий обладали только участники, произведшие взносы за 25 лет и более, либо достигшие 60-летнего возраста (§ 49, исключение составляли тяжело больные и увечные), причем начисление пенсий не производилось лицам, продолжавшим или возобновлявшим службу в ведомстве Московской епархии (§ 48, 51). Участники кассы, переходившие на службу в другую епархию или другое ведомство, а также лица, добровольно отказывавшиеся от священного сана, имели право на возврат взносов (§ 54, 52). Наследниками участников кассы, имевшими право на получение пенсий, являлись их вдовы – пожизненно – и несовершеннолетние (до 21 года) дети (§ 55–59). Правда, тут допускалось исключение в случае полной нетрудоспособности достигших совершеннолетия детей умерших членов эмеритур (§ 59) и при условии наличия достаточных средств в кассе, когда разрешалось продолжение выплат пенсии. Наследники умерших участников имели право на пенсию только за 10 (против 20 для самих членов) платных лет (§ 55)²¹⁷.

Ежегодная отчетность кассы обязательно публиковалась, согласно проекту устава, в официальном отделе «Московских церковных ведомостей».

Таковы в общих чертах основные положения и особенности первого устава (1884) эмеритальной кассы духовенства Московской епархии. Предполагавшуюся раскладку размеров пенсий в зависимости от разряда и числа платных лет можно привести в виде следующей таблицы (Приложение 1 к § 33, с учетом дополнительных предписаний § 32 о страховом начале):

Разряд	Сумма	Размер пенсии	Размер пенсии	Размер пенсии
--------	-------	---------------	---------------	---------------

	взносов (руб./год)	за 25 лет (руб./год)	за 30 лет (руб./год)	за 35 лет (руб./год)
I	100	381	608	979
II	75	285,75	456	734,25
III	50	190,5	304	489,5
IV	30	114,3	182,4	293,7
V	25	95,25	152	244,75
VI	20	76,2	121,6	195,8
VII	15	57,15	91,2	146,85
VIII	10	38,1	60,8	97,9
IX	5	19,05	30,4	48,95
X	3	11,43	18,24	29,39

На практике в силу недостаточного количества участников и вследствие краткости действия существовавшей расчетной системы до 1906 г. пенсии за все время начислялись следующим образом:

Разряд	Сумма взносов (руб./год)	Размер пенсии за 10 лет (руб./год)	Размер пенсии за 15 лет (руб./год)	Размер пенсии за 20 лет (руб./год)
I	100	200	250	300
II	75	150	187,5	225
III	50	100	125	150
IV	30	60	75	90
V	25	50	62,5	75
VI	20	40	50	60
VII	15	30	37,5	45
VIII	10	20	25	30
IX	5	10	12,5	15
X	3	6	7,5	9

В адрес первого проекта устава началась критика, да и желающих участвовать в эмеритуре на представленных основаниях было немного, поэтому был принят второй устав, изменения в котором коснулись двух основных предметов: условий участия лиц духовного звания в кассе и источников внешних доходов учреждения (поступавших из приходов епархии). Этот устав был принят и опубликован в 1896 г., а важнейшие его пункты²¹⁸ вступили в силу частично с 1896 г.,

частично с 1897 г. Согласно параграфу 4 участие в эмеритуре становилось с 1897 г. обязательным для всех лиц, служивших в Московской епархии по духовному ведомству и состоявших в штате. Допускалось добровольное участие в эмеритуре служащих духовно-учебных заведений, консистории и иных епархиальных учреждений, а также учителей церковно-приходских школ. Прежней осталась сама система расчета выплат и разрядов участников.

По мере работы кассы становилось ясно, что необходимо вновь внести некоторые изменения в действовавший устав, поскольку некоторые важнейшие недостатки не были устранены. Об этом говорили и писали на страницах «Московских епархиальных ведомостей»; было много недовольных существовавшей системой, в том числе среди самих участников кассы. Так, в 1900 г. некий диакон высказывался за уравнивание участников эмеритуры и против высших разрядов, по которым наиболее обеспеченные священнослужители получали большие средства, чем беднейшие – не только из дохода на свои накопления, но и из средств, составлявших вспомогательный капитал кассы, созданный из пожертвований, – получалось, что средства, собранные изначально для наименее обеспеченных клириков, способствовали благополучию наиболее состоятельных. Автор статьи предлагал упразднить действовавший разрядный план и ввести всего три разряда: «...псаломщик, диакон, священник, и соответственно им взносы 3, 6, 9 рублей в год. В пропорции 3:2:1 делить и основной, и вспомогательный (благотворительный) фонды»²¹⁹. При этом существовавших пенсионеров он предлагал обеспечивать по-старому, а вкладчиков – пересчитать. Добровольным участникам эмеритальной кассы (учительницам и прочим) следовало, по мнению о. диакона, также предложить выбор между одним из этих трех классов. В таком же духе мыслили и высказывались многие священнослужители и служащие епархиального ведомства.

Однако основным фактором, повлиявшим на изменение устава, оказался выбор подавляющим большинством

участников низших разрядов, то есть плативших в год от 3 до 10 руб. Например, в 1905 г. в Московской епархии было всего 3932 священно- и церковнослужителя, взносов в кассу поступило от 3135 плательщиков, распределялись они следующим образом²²⁰:

Разряд Число лиц Сколько внесено за 1905 г.

1	4	400
2	—	—
3	15	750
4	3	90
5	19	475
6	5	100
7	14	210
8	129	1290
9	303	1515
10	2643	7929
итого	3135	12759

Данная таблица показывает, что 84 % всех плательщиков составляли клирики, проходившие по 10 разряду, то есть вносившие по 3 руб. в год, платившие до 10 руб. – 98 % от всех участников. Следовательно, и пенсии большинства духовенства, рассчитываемые из кассы, не могли быть достаточными для существования. Например, в 1905 г. эмеритальная касса выплачивала²²¹:

Разряд Размер пенсии в год Количество пенсионеров за 10 лет взносов

I	200 рублей	1
III	100 рублей	1
V	50 рублей	1
VI	40 рублей	1
VII	30 рублей	2
VIII	20 рублей	3
IX	10 рублей	14
X	6 рублей	20

за 15 лет взносов

I	300 рублей	1
III	150 рублей	1

VI	60 рублей	1
VIII	30 рублей	8
IX	15 рублей	10
X	9 рублей	9
за 20 лет взносов		
I	400 рублей	1
III	200 рублей	1
V	100 рублей	1
VII	60 рублей	1
VIII	40 рублей	2
IX	20 рублей	3
X	12 рублей	4
назначено за 10 лет взносов		
VIII	20 рублей	1
IX	10 рублей	3
X	6 рублей	5

Все пенсионеры 1–7-го разрядов были представителями духовенства г. Москвы (кроме дочери священника Рузского уезда села Лужкова, получавшей пенсию в размере 100 руб. за 20 лет по 5-му разряду). Приведенные данные показывают, что эмеритальная касса хотя и могла быть дополнительной поддержкой для клириков и их семей, однако не оказывала существенного влияния на их финансовое положение, так как материальная нужда не позволяла сельским священникам выделять значительные средства для выплаты членских взносов.

В 1907 г. устав Московской эмеритальной кассы был пересмотрен: были изменены оклады пенсий, упразднены 1-й и 2-й разряды со взносами 100 и 75 руб. в год, устанавливался минимальный разряд взносов для клириков епархии: для московских приходских священников и протоиереев – 4-й разряд, для московских приходских диаконов, сельских уездно-городских священников – 6-й разряд, для московских городских псаломщиков, сельских и уездно-городских диаконов – 7-й разряд, для сельских и уездно-городских псаломщиков – 8-й разряд²²². Новый устав со временем должен был обеспечить стабильную жизнь престарелому духовенству, избавив его от

возможной нищеты в старости или по болезни. Священники выходили за штат, отслужив в среднем 20–30 лет, и от эмеритальной кассы могли получать пенсию в размере 60–90 рублей в год.

Оклады пенсий участников Московской эмеритальной кассы по уставу 1907 г.²²³

Оклады пенсий в рублях

Разряды	Взносы в рублях	За 10 лет	За 15 лет	За 20 лет	За 25 лет	За 30 лет	За 35 лет	За 40 лет	За 45 лет	За 50 лет
I	50	150	225	300	375	450	525	600	675	750
II	30	90	135	180	225	270	315	360	405	450
III	25	75	112,5	150	187,5	225	262,5	300	337,5	375
IV	20	60	90	120	150	180	210	240	270	300
V	15	45	67,5	90	112,5	135	157,5	180	202,5	225
VI	10	30	45	60	75	90	105	120	135	150
VII	5	15	22,5	30	37,5	45	52,5	60	67,5	75
VIII	3	9	13,5	18	22,5	27	31,5	36	40,5	45

Для участников кассы была возможность продолжительности участия в кассе до 50 (!) лет – с соответствующим пропорции увеличением последующей пенсии. Помощь оказывалась и неустроенным совершеннолетним дочерям умерших участников «в случае благоприятного положения средств продолжать пенсию, хотя бы в половинном ее размере»²²⁴.

За 1895 г., через десять лет после начала работы кассы по принятию взносов и в первый год производства выплат пенсий, взносы поступили в общей сложности от около 550 участников, общая их сумма составила около 5500 руб.²²⁵ Это значит, что средняя величина взноса составила около 10 руб. с 1 участника, из чего несомненно следует, что большинство участников уверенно выбирали низший, 10-й разряд, надеясь на пенсии, никак не превышавшие суммы 30 руб. годовых. Для сравнения: в это же время ежегодные взносы, выплачиваемые всеми участниками вспомогательной кассы присяжных поверенных и их помощников округа Московской судебной палаты, составляли 50 руб., не считая внесения 5 руб. «похоронных»

единовременно по случаю ухода из жизни любого из ее членов²²⁶.

Вообще, эмеритурных пенсионеров было немного. Так, по сведениям, представленным в отчете обер-прокурора Святейшего Синода за 1914 г., в том году в Московской епархии состояло 64 представителя заштатных служителей Церкви²²⁷ против 33 участников эмеритур²²⁸, получивших пенсионные выплаты. То есть, несмотря на многолетнюю обязательность для клириков и церковнослужителей участия в кассе, значительная их часть (в том году – 48 %) оказалась вне эмеритальной пенсионной программы. Видимо, все эти лица духовного звания в свое время так или иначе уклонялись от регулярной уплаты кассовых взносов либо не выслужили должного числа лет.

К 1914 г. размеры и количество членских взносов, а следовательно и величина предполагаемых будущих пенсионных выплат, не сильно изменились в лучшую сторону. Средний размер взносов с одного участника даже снизился, притом значительно. Например, сумма членских отчислений за 1914 г. составила лишь 19 348 руб. (с учетом «всех процентов и пени», по данным отчета правления за 1914 г., по расчетам, исходящим из сведений, представленных в более подробном приложении к этому же отчету, – 18 418 руб. без учета штрафов. – *А. Костенецкий*)²²⁹, внесенных от 3854 участников. Из числа этих участников 2831 (более 73 %) произвели отчисления по 8-му разряду – низшему в системе, принятой уставом 1906 г. Количество членов, участвовавших по 7-му разряду, – 537 человек, тогда как всех участников по шести высшим разрядам лишь 486 (менее 13 %)• Это значит, что как минимум 87 % (!) участников эмеритур на 1914 г. оказались бы по выходе на пенсию на грани черты бедности, получая из кассы учреждения не более 52 руб. 50 коп. годовой пенсии.

К 1904 г. касса 20 лет принимала взносы, уже 10-й год подряд систематически выплачивала пенсии, имелись пенсионеры различных разрядов, были участники уже не только десятилетней, но и пятнадцатилетней программы (по числу лет, в течение которых они производили отчисления). При этом на

выплату пенсий было потрачено 1604 руб. На 91 выбывшего участника приходилось 69 пенсионеров эмеритур и их наследников, получивших причитающиеся им пособия²³⁰. В 1914 г. взносы были возвращены 39 участникам, а пенсии выплачивались 79²³¹. Динамика, таким образом, оказывалась положительной, что объясняется прежде всего достаточной длительностью существования учреждения и его общеобязательным характером: все больше членов эмеритур успевало произвести отчисления хотя бы за 10 лет.

В ряде некоторых епархий (Екатеринбургской, Минской, Олонецкой, Омской, Оренбургской, Псковской и Томской) к началу 1900-х гг. существовали эмеритальные кассы при епархиальных «попечительствах призрения бедных духовного звания». Общая сумма денежных средств всех этих касс, взятых вместе, составила на 1 января 1904 г. 160 159 руб. 12 коп., а к началу 1905 г. уже возросла до 227 234 руб.²³², то есть более чем на 40 %. В сравнении с ростом сумм Московской эмеритур на 9,2 % это кажется внушительным, однако следует учитывать, что здесь увеличение капитала могло происходить за счет роста ассигнований Синода на попечительства о бедных духовного звания и числа пожертвований, а не благодаря умелым действиям аппарата касс. Стоит отметить внушительный размер капитала столичной эмеритальной кассы – более полумиллиона рублей на одну Московскую епархию в сравнении с двумястами тысяч на целых семь областей.

К началу 1914 г. величина активов московской кассы вышла за миллионный порог, составив 1 074 396 руб. 90 коп., и выросла за этот год на 6,6 %, достигнув к 1 января 1915 г. 1 145 900 руб. 73 коп.²³³ В том году эмеритура как финансово-кредитное и страховое учреждение представляла собой достаточно серьезный и в своем роде зрелый институт, игравший не последнюю роль и в хозяйственной жизни Московской епархии. Дело в том, что касса стала вести активную деятельность по кредитам и обязательствам (ссудам). По положению дел на 1914 г. ссудой от эмеритальной кассы духовенства Московской епархии пользовались 18 церквей²³⁴ и 10 псаломщиков²³⁵. Храмам епархии кредиты выдавались «на

постройку и ремонт», псаломщикам – на различные нужды, также связанные с их хозяйственной деятельностью по делам прихода. Суммы, предоставленные в кредит церквям (каждой в отдельности), достигали 50 тыс. руб. и более. В числе должников эмеритуры были даже такие серьезные храмы в центре Москвы, как Троицкая церковь на Арбате и Благовещенская на Тверской (по 50 тыс. руб.). Все ссуды предоставлялись кассой, как правило, под 4 % годовых. Всего к 1915 г. приблизительно из 1,1 млн руб. капитала кассы 715 тыс. (около 65 %) приходилось на «билеты по ссудам» (долговые обязательства).

Эти факты свидетельствуют о некоторой оформленности и упорядоченности деятельности учреждения. Сама возможность давать столь значительные кредиты говорит об устойчивом положении кассы и достаточном опыте и профессионализме ее правления: ведь эмеритура теперь являлась не просто резервуаром для накопления денежных средств в пользу бедных пенсионеров, а финансовым институтом, осуществлявшим, помимо постоянной работы по пенсионному обеспечению, обширную кредитную деятельность. Эта деятельность заслуживает весьма позитивной оценки, поскольку помощь нуждавшимся приходам и церковнослужителям всегда была востребована. Так как касса задумывалась как принадлежащая духовенству Московской епархии в целом, а не только пенсионерам, то оказание такой помощи приходам представляется уместным и подтверждает полновесность, солидность статуса эмеритальной кассы. Ссуды под достаточно невысоким процентом должны были оказываться весьма кстати строителям церквей и беднейшим представителям церковнослужителей. Если бы важнейшим назначением эмеритуры и ее приоритетной задачей было кредитование строившихся приходов и их весьма издержавшихся служителей, то, безусловно, эффективность ее деятельности следовало бы расценивать как весьма высокую.

Вообще, само наличие роста капитала в продолжение всего срока существования кассы, и особенно в 1914 г., следует признать показателем ее стабильности и своего рода

рентабельности, надежности. Для сравнения: в этом же 1914 г. церковные денежные суммы Московской епархии понесли урон, уменьшившись с 3 868 554,3 руб. до 3 795 428,7 руб.²³⁶, то есть на 1,9 %. То же самое можно сказать и о самой величине оборотных сумм: свыше миллиона рублей, предназначенных для духовных пенсионеров одной епархии, притом более чем четверть от всех церковных капиталов Москвы и области (1,1 млн против 3,7 млн). К сожалению, для выплаты пенсий было потрачено в том же самом году только менее 0,15 % (чуть больше полутора тысяч рублей²³⁷).

Сколько же получали пенсионеры кассы? В 1895 г. были выплачены пенсии в общей сложности десяти участникам десятилетней программы (так как касса просуществовала на тот момент только 10 лет) различных разрядов, на что было потрачено 290 руб.²³⁸

Разряд	Количество получателей (за 10-летние взносы)	Размер пенсии
I	1	200 руб.
VII	1	30 руб.
IX	3	10 руб.
X	5 ²³⁹	6 руб.
Всего	10. Из них участников – 1, наследников (вдов и сирот) – 8	

Как видно из таблицы, 8 из 10 (80 %) получателей выплат были протарифицированы по двум низшим разрядам, и размер их пенсий не превышал 10 руб. в год. Единственным лицом, получившим выплату по высшему 1-му разряду, был преподаватель Московской духовной семинарии Тимофей Протасов, не являвшийся священнослужителем. Примечательно также то, что все остальные лица, получившие пособия, – это вдовы покойных служителей Церкви. Данный факт косвенно подтверждает мысль о том, что положение престарелого духовенства оказывалось таким, что его представители отнюдь не стремились оставлять службу добровольно, поэтому только в случае их смерти возникала необходимость в эмеритальных суммах уже для их семейств.

Отметим для сопоставления положения пользователей эмеритуры с общей ситуацией в Церкви: в том же 1895 г. и первой половине 1896 г. «Высочайшим повелением» от правительства, по представлению митрополита Московского и Коломенского Сергия, были назначены пенсии нуждавшимся представителям духовенства Московской епархии. Всего было назначено постоянное пенсионное пособие семи заштатным священникам по 130 руб., одиннадцати вдовам священников по 65 руб. и одной вдове диакона 40 руб., о чем есть сведения в заметках в № 11, 19 и 42 «Ведомостей» за 1896 г. Выплаты производились из Московского губернского казначейства. Сверх этого, семи священникам, одиннадцати вдовам и двум «несовершеннолетним детям» умерших священников было отпущено по 70 рублей и трем диаконам и семи вдовам диаконов – по 50 рублей из этого же ведомства в форме единовременных пособий²⁴⁰.

В 1904 г. мы наблюдаем пенсионеров, пользующихся двумя программами участия в кассе – десятилетней и пятнадцатилетней. Всего в этом году получили выплаты почти семь десятков пенсионеров и членов их семей: 41 за десятилетние взносы и 28 – за пятнадцатилетние²⁴¹.

Разряд	Количество получателей	Размер пенсии
за десятилетние взносы		
I	1	200 руб.
III	1	100 руб.
IV	1	50 руб.
VI	1	40 руб.
VII	2	30 руб.
VIII	2	20 руб.
IX	14	10 руб.
X	19	6 руб.
за пятнадцатилетние взносы		
I	1	300 руб.
III	1	150 руб.
VI	1	60 руб.
VIII	8	30 руб.

IX	9	15 руб.
X	8	9 руб.

69 человек и семейств Из них самих участников

Всего – 20 их наследников – 49 (вдов – 41 и 1701руб. несовершеннолетних детей – 8)

В том году перворазрядники по-прежнему оставались практически в единственном числе, но теперь это действительно представители приходского сословия: диакон К.В. Лебедев (за 10 лет) и заштатный протоиерей (за 15 лет). Участники по низшим разрядам по-прежнему оказывались в подавляющем большинстве: из 69 получателей пенсий 50 человекам (72 %) были произведены выплаты по 9-му и 10-му разрядам, и 41 (59 %) получил не более 10 (!) руб. При этом 49 из 69 (71 %) составили наследники почивших участников.

Как и ранее, большинство имели маленькие пенсии (особенно если принять во внимание, что, например, уже в 1900–1902 гг. аналогичные пособия прапорщиков имели своим минимумом более 250 руб. годовых, не говоря уже про диаконов и священников, служивших в военном ведомстве), значительный перевес оставался за вдовами и сиротами перед оставшимися в живых участниками. Таким образом, духовенство или не доверяло кассе, не видело в ней своей выгоды, или не имело средств для выплаты более высоких взносов.

Через 10 лет, к 1914 г., во время значительного экономического и промышленного расцвета Российской империи, прошло уже 30 лет с открытия кассы. Эмеритура более 15 лет являлась обязательной для участия всех священно- и церковнослужителей Московской епархии. В этом году на выплату пенсий было отпущено 1537,5 руб. для удовлетворения нужд 79 участников и членов их семейств²⁴²:

Разряд	Количество получателей	Размер пенсии
за десятилетние взносы		
VI	1	30
VII	1	15
VIII	10	9

за пятнадцатилетние взносы		
IV	1	90
VI	1	45
VII	1	22,5
VIII	60	13,5
за двадцатилетние взносы		
VI	1	60
за двадцатипятилетние взносы		
III	1	187,5
V	1	112,5
VI	1	75
79 человек и семейств Из них 33 – самих		
Всего участников	46 – их наследников (вдов и	1537,5
несовершеннолетних детей) ²⁴³		руб.

Отсутствуют участники по первым двум разрядам. С 3-го по 7-й – всего лишь по одному или два человека. 70 из 79 – 88 % (!) лиц, пользовавшихся средствами эмеритур, получали выплаты по низшему 8-му разряду, размеры их годовых пенсий не превышали 14 руб. Ясно, что прожить на эти деньги не представлялось возможным. Опять возникает вопрос: почему значительное большинство участников эмеритальной кассы по-прежнему выбирало пенсионный план с таким низким уровнем выплат после выхода за штат? Или они все оказывались настолько бедны, что, находясь на грани материального выживания, были совершенно не способны делать сколько-нибудь значительные инвестиции в обеспечение будущей финансовой безопасности для себя и своих семейств, или же не хотели вкладываться в кассу учреждения, участие в котором им было навязано сверху и смысла деятельности которого они так и не уяснили, надеясь обеспечить доход в преклонном возрасте каким-нибудь другим способом? Остается предположить, что отчасти верны обе версии, имела место и некоторая социально-психологическая причина.

Дело в том, что клирики и церковнослужители в Русской Православной Церкви имели основной доход не из штатных окладов или каких-либо иных постоянных и фиксированных поступлений, а из источников достаточно нерегулярных и в

известной степени случайных (требы и проч.). Такой способ заработка психологически не способствовал развитию дисциплины в области учета и контроля личных (или семейных) денежных средств и их дальнейшего инвестирования. Следует также учитывать, что значительная часть этих доходов могла поступать даже и вовсе не в денежном, а в продовольственном или ином натуральном эквиваленте, что затрудняло перспективу их дальнейшего вкладывания. Помимо этого, священнослужителям было запрещено заниматься ростовщичеством, они не имели ни права, ни возможности (особенно если говорить о тружениках сельских приходов) заниматься приносящими доход операциями с недвижимостью и торговлей. К тому же у священнослужителей, при широком круге их как церковных, так и государственных обязанностей, не хватало времени и сил на повышение уровня своей финансовой грамотности. Вся эта ситуация приводила совокупно к тому, что клирики и причетники, будучи совершенно загруженными своими обязанностями и зачастую не имея сколько-нибудь достойных средств к безбедному и довольному существованию, были к тому же почти начисто лишены знаний и представлений о капиталовложениях, ценных бумагах и т.п. Им не была присуща способность к нормальному финансовому планированию, к генерации денежных потоков и контролю над ними, в том числе и к пониманию необходимости серьезных инвестиций для своего пенсионного обеспечения. Поэтому они оказались не подготовленными к нормальному и адекватному восприятию возможности воспользоваться механизмом эмеритуры. Ко всему прочему, священнослужители не стремились выйти за штат по достижении 60-летнего возраста, поскольку, покидая приход, они, как правило, должны были лишиться не только дохода и службы, но и дома, в котором жили. Поэтому среди пенсионеров кассы меньше священнослужителей, чем их вдов и детей-сирот.

Вообще, в том, что касается размеров пенсий в Российской империи в целом, не считая пенсий духовенства, то здесь мы также можем наблюдать значительный разброс. В 1880-е гг., например, полная учительская пенсия (за 25 лет стажа)

составляла 550 руб. Учителя, прослужившие 20 лет, получали пособие размером всего 275 руб., и этого было недостаточно, люди жаловались на финансовые трудности. «В Москве на эти деньги не прожить!»²⁴⁴ – сетует один из корреспондентов и высказывает просьбу о предоставлении общежития в приюте, созданном на базе усадьбы, пожертвованной графиней А.Г. Толстой в пользу Московского попечительства о бедных духовного звания. В 1913 г., по некоторым данным, пенсии учителей средней школы достигали 1100 руб. и даже (для педагогов с высшим образованием) 1800 руб., а средние из реально выплачиваемых пенсионных окладов учителей начальных школ – 447–528 руб.²⁴⁵ Минимальные пенсии военных из одной только эмеритальной кассы значительно превосходили 200 руб. в год уже к концу XIX в. Притом для понимания их реальных доходов нужно умножать этот показатель как минимум на два (эмеритальная плюс государственная пенсии). То же можно сказать и о присяжных поверенных, судя хотя бы по размерам их взносов в свою «вспомогательную кассу». Средняя заработная плата такого сравнительно низкооплачиваемого класса, как производственные рабочие, составила в 1913 г. 264 руб.²⁴⁶

И на этом фоне среднее годовое пособие пенсионеров эмеритальной кассы духовенства Московской епархии за 1914 г. составляло 19,4 руб. На эти деньги можно было купить²⁴⁷ чуть более центнера крупчатой пшеничной муки (по 13,93 руб. за пятипудовый мешок) или 430 яиц, или оплатить 18 дней труда поденного рабочего-батрака, не имевшего никакой квалификации, находившегося в самом низу социальной и финансовой иерархии (по 1,05 руб. за день). Эту же сумму представлялось возможным употребить для покупки годового запаса (чуть больше пуда, который стоил 16,63 руб.)²⁴⁸ сливочного масла. Ясно, что такой уровень обеспечения не был достаточным, особенно если поделить средства пенсионного оклада на несколько человек с учетом тенденции духовенства и причетников иметь более нежели одного ребенка в семье. Очевидно, понимало это и епархиальное начальство, назначавшее периодически пенсии и единовременные пособия

заштатным служителям или их вдовам в размере не менее 65 руб.

Можно сделать вывод о том, что на протяжении всего периода работы кассы по выплатам пенсий подавляющее большинство участников выбирало слишком низкий разряд и, как следствие, получало небольшие пенсионные выплаты, так что невозможно серьезно говорить об эмеритуре как основном источнике дохода заштатного духовенства.

Специально для помощи бедному духовенству существовало Московское попечительство о бедных духовного звания. Поступление средств на его счет за 1903 г. приводится в ведомости о состоянии сумм попечительства от 2 марта 1904 г.²⁴⁹

Структура поступлений в 1903 г. на счет попечительства следующая²⁵⁰ (в руб.):

Кружечного сбора в пользу бедных духовного звания за 1902 г.	436,24
Доходов от кладбищ: за места для могил, обкладку могил дерном и пр.	104,96
Доходов от процентных бумаг	104
Штрафных по указам консистории	777,90
Оставшихся долей доходов от праздных священно-церковнослужительских мест	292,35
Пожертвований Билетами	568,97
	18
	704,81
	7
	935,42
	470
От Островского дома призрения	759,1
Доходов с других недвижимых имений попечительства	5
От благотворительных учреждений попечительства и др.	440,64
Оборотных сумм в приходе (билетами)	839,83
	34
	000,00
	3
Залогов(билетами)	000,00

Из ведомости о состоянии сумм попечительства следует, что баланс за 1903 г. был следующий (в руб.):

	Наличными	Билетами	Всего
От 1902 к 1903 г. осталось ²⁵¹	378,05	2 6792	679 016,74
Итого в 1903 г. в приход ²⁵²	242 939,33	37 470,00	280 409,33
Итого в 1903 г. в расход ²⁵³	241 071,24	550	241 621,24
Обращено из наличных сумм в билетную		33 856,10	33 856,10
К 1 января 1904 г.	2 246,14	2 7152	718 936,74

За 1904 г. баланс Московского попечительства о бедных духовного звания был следующий²⁵⁴ (в руб.):

	Наличными	Билетами	Всего
От 1903 к 1904 году оставалось ²⁵⁵	2 246,14	2 7152	718 936,74
Итого в 1904 году в приход ²⁵⁶	271 896,78	47 200,00	319 096,78
Итого в 1904 году в расход ²⁵⁷	271 505,81	27 700,00	299 205,81
В 1904 году обращено из наличной суммы в билетную		43 991,30	43 991,30
В 1904 году обращено из билетной суммы в наличную	25 200,00		25 200,00
К 1 января 1905 г. в остатках состоит	2 637,11	2 7352	738 436,74

Несмотря на всю благодетельность попечительства, из вышеприведенных таблиц можно сделать вывод, что средств его было недостаточно. Попечительные кружки оставались пустыми, штрафных денег было мало. При таком положении попечительство могло обеспечить лишь малые пособия в 10–15 руб., и то далеко не всем просителям, которых подвергали тщательной проверке: насколько бедственно их положение, есть ли у них родственники или земля, причем многим отказывали. Попечительство принципиально не меняло сложившегося

порядка вещей: стабильная социальная система помощи духовенству не была создана за все время существования попечительств.

Революция 1905–1907 гг. и дарование свобод неминуемо отразились на материальном обеспечении духовенства. Народ в силу сложившихся традиций очень любил храм, церковное богослужение, с которым связывал свою жизнь, но при этом скептически относился к священнику, воспринимал его, как выше уже было сказано, в качестве некоего исполнителя «духовных услуг», с которым крестьяне стремились поторговаться с целью обмануть или вообще не заплатить, что не считалось предосудительным. А. Бронзов пишет: «Попробуйте попросить у мужика «установленного» чуть не веками определенную «плату за свадьбу», и вы частенько услышите «покажи устав»... «Устава нет – нечего, значит, и платить»²⁵⁸. «Недобросовестное отношение самой паствы, прихожан к духовенству, всевозможные обманы и хитрости прихожан при уплате за разного рода требы и вообще услуги духовенства своим прихожанам. В этой области, по крайней мере, простой народ и за грех не считает обмануть своего священника при выплате денег за требы. Если священник по какой-либо причине не сумел взять вознаграждение за свой труд немедленно, то по окончании требы он подчас уже не получает и вовсе ничего»²⁵⁹, – пишет корреспондент «Церковного вестника». С одной стороны, сфера деятельности священника охватывала духовную жизнь, а с другой – расплачиваться с ним приходилось вполне земным способом, что приземляло значение деятельности Церкви и вызывало недовольство крестьян с потребительской психологией. Безгрешность Церкви приравнивалась к безгрешности ее служителей, и святость, а соответственно и материальная неприязательность рассматривались фактически как их «должностная обязанность». По словам современника: «Гробовщику и могильщику надо дать: они свое дело сделали, им нет дела до моего горя и нужды, до того, что семья потеряла кормильца, что пять человек ребят сидят без хлеба, а «батюшка» должен бы понять это, и все ж он побогаче меня, сироты... Эх, батька,

батяка! Хорошо ты читаешь проповеди, а лучше было, если поменьше брал»²⁶⁰, – думает невольно каждый крестьянин, неся свои копейки в храм. Для крестьянина, который не мог зачастую дать своим детям и начального образования, который сам часто читал с трудом, запросы сельского священника были непонятны и считались расточительством. Но духовенство, ставя себя не в один ряд с крестьянством, а подсознательно приравнивая себя к земским деятелям, сельской интеллигенции, считало свои запросы вполне оправданными. Немаловажную роль в данной ситуации сыграла и церковная печать, в которой постоянно подчеркивалась необходимость повышения образовательного уровня сельского духовенства. Сами священники понимали, что крестьяне живут по другим нормам: «Меря жизнь и ее потребности своим собственным аршином и другой меры не признавая, никогда не поймет он (крестьянин. – Ю.Б.) многих нужд, которые поедают большую часть доходов священника, – купить книгу, выписать газету, учить сына или особенно дочь, и всегда будет в душе считать священника мироедом, который зря деньги с крестьянской бедноты берет»²⁶¹.

Размеры сумм, взимавшихся за требы, определялись обычаем или желанием прихожан. Крестьяне очень остро реагировали на попытки клириков самим определять размеры пожертвований, которые в свою очередь стремились свести к минимуму. Крестьяне часто ссылались на то, что духовенство получает за свои труды землю и жалованье, хотя на практике плата за землю была ничтожной, а доходы от земли – незначительными, собственно, почему священнослужителям и приходилось взимать деньги за требоисполнение²⁶². По прошению прихожан против священников могло быть возбуждено дело за вымогательство, а то и оскорбление прихожан: на место выезжал духовный следователь, крестьяне допрашивались, от священника требовали объяснений. Даже если обвинение снималось как явная клевета, то доказательства невиновности, поиск свидетелей и вообще участие в подобном деле не могли стать делом, повышавшим авторитет сельского батюшки. Часто оправданные обвинения

соединялись с откровенно ложными, о чем подробнее будет сказано ниже. Например, священник села Мушкина Звенигородского уезда Александр Постников обвинялся своими крестьянами в вымогательстве и других незаконных деяниях, в частности в продаже церковного леса, которого при данной церкви не было. Следствие показало, что о. Постникову, которому было 53 года, приходилось содержать четырех дочерей и трех внуков. Он установил за требы определенную плату: за крещение и отпевание младенцев – 1 руб. 10 коп., за отпевание взрослого – 4 руб. 50 коп., за венчание – 8–15 руб. – и всячески стремился эти деньги с крестьян получить, что и вызвало их возмущение²⁶³. Проф. А. Бронзов в «Церковном вестнике» за 1909 г. в цикле статей, посвященных духовенству, писал о том, что произошло после «разразившейся революции»: «Начался какой-то «кавардак». И прежде плохо оплачивались требы, а теперь и вовсе перестали оплачиваться. А если и оплачиваются труды духовенства, то происходит это часто в форме какого-то издевательства. Священник, диакон, псаломщик совершают требу, для чего теряют время, – иногда, кроме того, принуждены ехать довольно далеко... А в результате гривенник на всех. Делите как знаете и живите как хотите. А если попытаете устыдить столь щедрого прихожанина, то услышите от него: «Не козырься, батя», иначе и этого не получишь, «нынче свобода»²⁶⁴.

Таким образом, основной проблемой приходской жизни начала XX в. являлось недостаточное материальное обеспечение сельского духовенства: клирики благодаря своему образованию и роду деятельности имели более высокие социальные и материальные запросы, чем их паства, и для них среднее богословское образование было жизненно необходимо, что значительно повышало их прожиточный минимум. Образование давало преимущество и при рукоположении, и при занятии должностей в рядах бюрократии. При возможности дети духовенства, получившие образование, становились чиновниками в городах и не стремились к занятию священнических мест. По словам митр. Вениамина, духовенство «скорее можно было отнести к интеллигенции, чем к

простонародью»²⁶⁵. Если сравнить доходы крестьянина или рабочего с доходами священников или диаконов, то последние были в несколько раз выше, но их половину, а часто и $\frac{2}{3}$ клирикам приходилось тратить на образование детей. Кроме того, священник покупал газеты и книги, ездил в епархиальный город на съезды духовенства и т.д. – все подобные траты обременяли священнический бюджет. Если же сравнивать доходы священнослужителей с доходами ряда чиновников, то они оказывались значительно ниже. По мнению современников, жалование в размере 1000 руб. в год для начала XX в. было более чем скромным. Например, московский генерал-губернатор В.Ф. Джунковский писал о крайне скудном содержании должностных лиц строительного отделения: «Так, губернский инженер получал всего 2500 руб. в год, из которых на одну квартиру ему приходилось тратить не менее 1200–1500 руб.»²⁶⁶

Материально сельское духовенство практически всегда полностью зависело от своей паствы. Государство и церковная власть не могли обеспечить достаточной и надежной социальной защиты своим клирикам, поэтому на протяжении всей жизни они могли рассчитывать только на свои силы, старались обеспечить благополучие детей и свою хотя бы не нищенскую старость. Большинство сельских священников и диаконов жили не лучше крестьян. Псаломщики, которые хотя по своему положению и были мирянами, но тоже принадлежали клиру и «питались от алтаря», вели зачастую еще более скудное существование. Получалось, что обеспечение клириков ложилось на плечи крестьянства, которое в свою очередь не понимало «высоких», на их взгляд, запросов духовенства. Эта ситуация послужила почвой для возникновения конфликтов между духовенством и крестьянством. Материальная зависимость от прихожан ставила клириков в положение, унижавшее их авторитет: крестьянским трудом им приходилось заниматься больше, чем заботой о храме, почему в сельских храмах зачастую не было ни нормального пения, ни колокольного звона. С другой стороны, кандидаты в священный сан, получившие высшее образование, не стремились занимать

вакансии церковнослужителей из-за скудости их обеспечения. Само же духовенство в своем служении неизбежно видело не только призвание и службу Церкви, но и способ материального обеспечения, поэтому распространенным явлением оказывались перемещения с одного прихода на другой и практика наследования должностей. Такое положение вещей к началу XX в. стало причиной множества нареканий в адрес Церкви и государства, когда против них был запущен маховик мощной революционной пропаганды. Общее отчуждение духовенства от народа превращало его в замкнутую касту, в которую из других сословий могли попасть лишь единицы. Духовенство, сохраняя за собой обязанности требоисполнения, постепенно утрачивало определяющее нравственное влияние на общество.

§ 6. Вопрос материального обеспечения приходского духовенства по «Отзывам епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»

Летом 1905 г. обер-прокурор К.П. Победоносцев предложил епархиальным архиереям высказать свое отношение к церковным реформам, о чем 27 июля 1905 г. был издан соответствующий императорский указ. Важнейшими вопросами, по которым требовались суждения епархиальных преосвященных, были следующие:

- о составе предстоящего Поместного Собора;
- о разделении России на церковные округа;
- о преобразовании церковного управления;
- о реформе церковного суда и пересмотре законов по брачным делам;
- о епархиальных съездах;
- об участии духовенства в общественных учреждениях;
- о благоустройении прихода;
- о порядке приобретения церковной собственности;
- о предметах веры, богослужении, единоверии, постовой дисциплине, церковном пении и проч.

Разумеется, перечень не охватывал всех тем, затронутых в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», однако вопрос о церковных реформах теперь очевидным образом выходил из представительных, но узких правительственных рамок и передавался на рассмотрение первоиерархов Русской Православной Церкви. «Отзывы...» были собраны в четыре увесистых тома и один том приложений²⁶⁷, среди них имелись материалы, представленные епархиальными собраниями, различными комиссиями, профессорами духовных академий, поскольку в обсуждении довольно активное участие принимали рядовые клирики и миряне.

В периодической печати 1905 г. настойчиво раздавались обвинения в адрес архиереев, основанные на том, что, часто

меня кафедры и не будучи избираемы на служение епархиальными съездами, они не могли быть глубоко погружены в проблемы своей епархии, из-за чего на Поместном Соборе не могли их адекватно озвучить и разрешить. Недоверие к священноначалию основывалось на знании традиционного пути «ученых монахов» к епископству, когда студент Духовной академии сначала принимал постриг в конце обучения и несколько лет пребывал на различных инспекторских или даже ректорских должностях семинарий и академий, а потом, без знания и монастырской и приходской жизни, назначался на епископскую кафедру. Но этот взгляд не совсем соответствовал действительности, поскольку иерархи были хорошими администраторами, прекрасно разбирались в проблемах образования, часть из них происходила из вдовых священнослужителей, хорошо знакомых с проблемами приходской жизни, что нашло яркое отражение в «Отзывах...». Некоторые преосвященные, созвав специальные комиссии и проконсультировавшись с богословами-канонистами, не только указывали на недостатки церковной жизни, но и предлагали свою программу преобразований, значительно расширив круг вопросов предложенной им анкеты.

В отзывах исключительное внимание уделялось проблеме реформирования православного прихода, который, по желанию епископов, следовало восстановить как церковную общину, сплоченную вокруг приходского храма и пастыря, одушевленную общностью духовных интересов и религиозно-нравственным взаимодействием всех ее членов. Рассуждения сводились к следующим вопросам: о предоставлении приходу прав юридического лица, о его праве распоряжаться церковными суммами и имуществом, о выборе приходами священников и лиц клира, а также об устройстве органов приходского управления. В 29 отзывах вопрос о приобретении и закреплении за приходом, а не храмом права на имущество решался положительно. При этом многие архиереи полагали, что приход не может простираť своей власти на церковные суммы, поступавшие по действующему тогда порядку в церковную кассу, равно как и на церковное имущество за

отсутствием канонических оснований, поэтому и полагали правильным сохранить право распоряжения церковными суммами за причтом и старостой, а церковная касса не должна была смешиваться с приходской. С предоставлением приходу прав юридического лица, по мнению петербургского митрополита, имущество прихода следовало отделить от церковного, однако большая группа архиереев (21 против 14) дала положительный ответ на вопрос о праве прихода не только контролировать, но и распоряжаться церковными суммами и имуществом при соблюдении целого ряда ограничений и условий. Кроме того, признавалось канонически допустимым участие мирян в управлении церковной собственностью.

О праве прихода избирать лиц церковного клира мнения разделились: большинство писавших по этому вопросу высказалось против введения принципа выборности. Свой протест архиереи мотивировали тем, что новый порядок приведет среди прочего и к тяжелой зависимости священника от прихода и укрепит власть последнего над клиром. Возникал, естественно, вопрос, куда идти тем клирикам, которые по веским причинам вынуждены будут оставить приход: народ, как справедливо полагали архиереи, не всегда стоит на высоте своего права. Многие желали, чтобы прихожанам было предоставлено право ходатайства о своих кандидатах (при их наличии). Меньшинство архиереев поддержало идею восстановления права выбора клириков приходом: по их мнению, это стало бы возвращением к идеальному церковному строю, поскольку при действии выборного начала реально более тесное единение прихода с клиром, а духовенства – с паствой. Это позволит покончить и с вредной практикой постоянных административных перемещений проштрафившихся священнослужителей.

В отзывах намечались основные черты приходской организации: предполагалось, что приходская община сможет действовать через общеприходские собрания и приходские советы. Причем собрания, руководить которыми будет настоятель, станут главными органами приходского управления: на них, по мнению преосвященных, должны вырабатываться

все принципиальные распоряжения по ведению церковно-приходского хозяйства. Приходские же советы по отношению к собраниям в такой ситуации оказывались лишь исполнительными органами, в их составе, согласно отзывам, числились: настоятель, члены причта, церковный староста и выборные представители от прихода (не менее 10–12 человек).

Преосвященные определяли и задачи прихода. Первой среди них называлась просветительская деятельность, в том числе устройство церковно-приходских школ. Важной задачей оказывалась благотворительность – строительство и содержание богаделен, приютов, яслей, работных домов, а также оказание помощи бедным. Важнейшей для нормальной жизнедеятельности прихода архиереи считали тесную духовную связь между пастырями и пасомыми: священник должен стать реальным духовным отцом своих прихожан, обязан вникать в духовные проблемы каждого, для чего необходимо уничтожить как очевидное зло практику перевода и перехода клириков из одного прихода в другой, писал преосвященный Назарий, епископ Нижегородский²⁶⁸. «В настоящее время, – писал епископ Костромской Тихон (Василевский), – мы видим приходского священника как совершителя божественных служб в храме и разных церковных треб в домах прихожан, по временам слышим его голос с церковной кафедры... Но этими сторонами деятельности и исчерпывается его пастырское служение. А прихожане? Выйдя из храма или приняв с требами своего приходского священника у себя на дому, они затем в большинстве случаев совершенно не знают его»²⁶⁹. Архиереи хорошо представляли себе один из важнейших вопросов церковной жизни начала XX в. – материальное обеспечение духовенства – и писали о необходимости упразднения платы за требы как вредного фактора, расстраивавшего отношения между причтом и прихожанами. Предлагалось заменить этот способ вознаграждения назначением духовенству достаточного содержания. Например, епископ Самарский Константин писал: «Одной из существенных причин малоуспешного пастырского воздействия на жизнь прихожан служит способ содержания духовенства, живущего главным образом так называемыми

доброхотными даяниями прихожан, а по выражению более точному и откровенному – платой за требы. Этот способ содержания духовенства, когда оно само бывает сборщиком с народа тех средств, какие на содержание духовенства дает народ, имеет то преимущество, что духовенство получает свое содержание при наименьшем обременении плательщиков, так как дело обходится здесь без всяких посредников между народом и духовенством. Но при этом экономическом преимуществе этот способ содержания духовенства настолько вреден в духовном отношении, что даже жалование от правительства, когда правительство берет на себя посредство между плательщиком-народом и духовенством, является более желательным, чем существующий, будто бы апостольский, способ содержания пастырей Церкви и их сотрудников»²⁷⁰. Подобных же взглядов придерживался и епископ Смоленский Петр (Другое)²⁷¹. Епископ Таврический Алексий (Молчанов) тоже пишет о необходимости перевода духовенства на жалование от казны «для поднятия и усиления пастырской деятельности и для установления правильных отношений между пастырями и прихожанами»²⁷². По мнению нижегородского преосвященного Назария (Кириллова), замена доброхотных даяний на государственное жалование должна быть определена в целях возвышения пастырского авторитета²⁷³. «Забота клирика о своем материальном обеспечении, начиная с устройства домов для себя при самом поступлении в приход, постоянная, далее, материальная зависимость их от прихожан, разные унижительные для клириков поборы натурой и т.п., с одной стороны, охлаждают пастырские идеальные стремления и порывы, с другой – убивают искренность и сердечность в отношении прихожан к пастырям и роняют нравственный авторитет духовенства в глазах населения»²⁷⁴, – писал епископ Рязанский Аркадий (Карпинский). На способ обеспечения духовенства через некие фиксированные пожертвования указывал митрополит Московский Владимир (Богоявленский): «Не говоря уже об унижительности этого способа получения вознаграждения, он служит причиной расстройства нормальных отношений между причтом и прихожанами»²⁷⁵, поэтому владыка

высказывается за преимущество обеспечения духовенства через жалованье. Вполне солидарен со взглядами своих собратьев и епископ Макарий (Парвицкий-Невский): «Обеспечение должно быть достаточное, чтобы духовенству не было необходимости брать платы за совершение треб и таинств или для усиления средств содержания заниматься какими-либо несвойственными ему предприятиями»²⁷⁶. Жалованье из казначейства должно быть главным способом обеспечения духовенства, считали архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий) и епископ Владимирский Евсений (Никольский)²⁷⁷. Епископ Тамбовский Иннокентий (Молчанов) предлагал ввести утвержденный властью налог наряду с земскими. По его мнению, «заботы о насущном хлебе отвлекают пастыря от его прямых обязанностей, различные поборы духовных лиц вредят самому делу служения их. В понятии народа умалется значение таинств и треб церковных, которые должны быть оплачиваемы известною ценою»²⁷⁸. Те же мысли можно встретить и в ответах архиепископа Казанского Димитрия (Самбикина) и епископа Енисейского Евфимия (Счастливого)²⁷⁹.

Преосвященный Михаил (Темнорусов), епископ Минский, писал: «Главной причиной нестроения приходской жизни и даже некоторой враждебности в отношениях клира с прихожанами, особенно в селах, в настоящее время является обоюдная бедность сторон. Один благочестивый наблюдатель приходской жизни в нашем крае с грустью однажды сказал нам, что все зло в том, что в нашей деревне живут два одинаково голодных волка – поп и мужик, которые, будучи обречены жить на те скудные средства, которые дает деревня, и не имея никакого источника дохода извне, должны пожирать друг друга. Замечание это глубоко справедливо. С одной стороны, церковный причт, не будучи в состоянии жить на нищенское жалованье от казны, занят, прежде всего, заботой о приискании насущного куса хлеба для себя и своей семьи и возможном обеспечении себя и семьи в будущем и вследствие этого отдается не деланию на ниве Христовой, а возделыванию своих нив и садов и выколачиванию доходов от прихожан, а с другой стороны – убогие прихожане не только не проявляют ни

малейшего старания улучшить жалкое положение причта, но еще ищут удобного момента захватить себе что-нибудь с поповой нивы, с попова луга. Поэтому первой мерой к восстановлению нормальной жизни в приходах должно быть полное материальное обеспечение клира. Размер этого обеспечения, сообразно современным условиям жизни, должен равняться до 1500 рублей в год для сельских священников и 2500 руб. в год для священников в городах... При таких условиях ряды духовенства могли бы пополняться лучшими людьми, которые, не будучи давимы нуждой и будучи свободны от занятий по хозяйству, могли бы действительно послужить Церкви»²⁸⁰. Епископ Калужский Вениамин (Муратовский), например, считал, что годовой оклад казенного жалованья для сельского священника должен составлять 1200 руб., диакона – 800, псаломщика – 400. В городах, где траты значительнее, соответственно: 1500, 1000 и 500 руб. в год. Преосвященный Тихон (Троицкий-Донебин), архиепископ Иркутский, сообщал, что одной из проблем церковной жизни является частый переход духовенства из прихода в приход, поэтому необходимо уравнивать доходность приходов за счет содержания. «В сельских приходах священник получает 1500 руб., диакон – 900 руб. и псаломщик – 600; в городах, где жизнь дороже, священник получает 2000 руб., диакон – 1200 руб. и псаломщик – 800 руб.»²⁸¹ По мнению архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского), доход священника на селе должен быть не меньше 1200 руб., диакона – 1000 руб., псаломщика – 800 руб.²⁸² Епископ Рязанский Аркадий (Карпинский) предлагал установить жалованье священникам в размере 900 руб. при оставлении церковной причтовой земли²⁸³. Преосвященный Димитрий (Самбикин), архиепископ Казанский, предлагал 1000 руб. жалованья на причт в селах при оставлении земель, угодий, арендных статей, казенного жалованья²⁸⁴. Епископ Псковский Арсений (Стадницкий) не исключал, основываясь на мнении Псковского епархиального съезда, возможности обеспечения от государства «священников – 900 руб. и псаломщиков – 300 руб. в год при условии соблюдения за ними земельных наделов, а в случае отнятия земли (за исключением

4–6 десятин для усадьбы), – чего духовенство очень желает, – для священника – 1200 руб. и псаломщика – 500 руб.»²⁸⁵ Депутаты Смоленского епархиального съезда духовенства предложили жалованье в размере 1500 руб. в год священнику и 600 руб. – псаломщику²⁸⁶. По отзывам иерархов, средняя сумма оклада должна была составлять 800–1500 руб. в год при оставлении или отнятии у духовенства земельных наделов. Примерно таким было содержание военного духовенства, обеспечиваемого государством: военный священник получал в начале XX в. 900 руб., а после 1909 г. – 1200 руб. в год, диакон – 720 и 960 руб. соответственно²⁸⁷. Министерство просвещения разрабатывало проект всеобщего обучения, когда минимальное жалованье для учителей определялось в размере 360 руб. в год²⁸⁸, то есть было сопоставимо с предполагаемыми иерархами окладами псаломщиков. В начале XX в. 1000 руб. были немалыми деньгами²⁸⁹.

Минский и Московский архиереи полагали, что в случае назначения духовенству казенного жалования церковные земли могли бы быть взяты у него в пользу крестьян: «С назначением такого содержания от духовенства должны быть отняты земли, которые могли бы быть отданы крестьянам для увеличения благосостояния последних»²⁹⁰. Высказывалась мысль и об обеспечении причтов с помощью организации обязательных приходских сборов или самообложения. Для обеспечения материального благополучия и прекращения вражды в среде клириков преосвященный Гедеон (Покровский), епископ Владикавказский, предложил «многоклирные принты, которые, кроме соборов, разделены были на одноклирные, с определением одинакового жалованья за счет казны или прихожан. Этим достигнется уменьшение вражды между членами причтов и причин к переходу с места на место»²⁹¹. Интересный выход из создавшегося затруднительного материального положения предложил преосвященный Паисий, епископ Туркестанский: «Установление таксы за совершение различных треб если и можно допустить, то не иначе как с согласия самих прихожан или на основании закона, утвержденного правительственной властью, без чего прихожане

будут роптать и возмущаться. Мне кажется, что легче всего помочь духовенству таким образом: всех детей духовенства, особенно многосемейных священнослужителей, принимать на казенное содержание в духовно-учебные заведения»²⁹². Епископ Константин (Булычев) Самарский тоже предложил оригинальный выход из положения: «Как уничтожить в народе это представление о плате (и иногда слишком дорогой, непомерно дорогой плате) духовенству за его духовное делание? Установлением таких свободных отношений между пастырем и приходом, чтобы приход сам озабочен был изысканием средств на содержание духовенства для того, чтобы не лишиться своего пастыря и его помощников. А это может быть достигнуто при двух условиях: при сложении обязанности содержать духовенство на весь приход с тех, которые лично имеют нужду в пастырском делании (крестины, свадьбы, похороны, молебны, панихиды, водосвятия, исповедь, причащение, обедни, вообще все «заказное» в пастырском служении); во-вторых, при предоставлении пастырю полной возможности оставить тот приход, где содержание представляется для него недостаточным, и перенести свою пастырскую деятельность в другое место»²⁹³. Епископ Ставропольский Агафодор (Преображенский) предлагает за образец обеспечения духовенства взять лютеранскую церковь, где прихожане вносят сумму вознаграждения сами, по составленной ими раскладке²⁹⁴.

В связи с вышесказанным возникал вопрос и о размерах прихода. Филарет (Никольский), епископ Вятский, предлагал определить его численность в 1000 душ мужского пола²⁹⁵. Епископ Томский Макарий (Парвицкий-Невский), будущий митрополит Московский, также считал, что приход не должен превышать этой цифры²⁹⁶. Следовательно, на каждого священника должно приходиться в среднем 2000–2500 прихожан. Иерархи понимали, что такие большие приходы необходимы только по финансовым соображениям. Преосвященный Владимир (Соколовский-Автономов), епископ Екатеринбургский, полагал, что реально на один причт должно приходиться 400–500 человек обоего пола, а духовенство

должно получать достаточное для безбедного существования жалование от центрального церковного правительства²⁹⁷. Многие иерархи в вопросе улучшения материального обеспечения духовенства обращают внимание в основном на казенное жалование, а об общественных приходских средствах почти не упоминают. Епископат знал об упадке общественного значения духовенства, о холодности прихожан, и такое отношение к клирикам можно было изменить, лишь реформировав положение прихода, заставив прихожан почувствовать ответственность за свой храм.

Архиереи понимали, что приходской вопрос – один из важнейших в деле реформ. Преосвященный Арсений (Брянцев), архиепископ Харьковский, писал: «Епархиальное управление в церковной жизни епархии – это одна сторона. Другая столь же важная – это современная приходская жизнь и отношение народа к интересам церковным. Здесь надобно отметить то прискорбное явление, что приход со своей церковью только номинально значится чем-то целым, единым. На самом деле приход не составляет органического целого, одушевленного живым участием к нуждам Церкви и клира; в нем не усматривается и дружной совместной работы для своих религиозно-нравственных нужд: приход редко где содержит на свои общественные средства просветительные и благотворительные учреждения, вообще в нем слаб и малозаметен дух крепкой сплоченности, солидарности; да и юридически он не признается лицом с правом приобретения и владения имуществом. Вопрос об оживлении прихода в духе Церкви – важнейший вопрос народной жизни»²⁹⁸. Естественно, предлагались меры для усиления влияния пастыря в делах прихода. Архиепископ Арсений Харьковский считал, что «примерная личная жизнь, постоянное дружелюбие и ласковость к прихожанам, живая практическая проповедь, истовое богослужение – все это будет возгревать среди прихожан ревность по вере и благочестию»²⁹⁹. Так, епископ Симбирский Гурий (Буртасовский) признал желательным освободить приходских пастырей от любых полицейских обязанностей. «Мерой для поднятия падающего влияния

духовенства на жизнь народную является освобождение его от обязанностей и служения целям светской власти, а не духу Христову. Ставши выше этих целей, духовенство должно все свое знание, всю свою энергию направить к устройению Царства Божия в сердцах людей», – писал епископ Михаил Минский³⁰⁰. Четверо преосвященных составили свои проекты, касавшиеся реформирования прихода: Вологодский Алексей (Соболев) – «Правила о приходском собрании и совете»; Владимирский Никон (Софийский) – «Проект приходского устава»; Петербургский Антоний (Вадковский) – «Правила о приходских собраниях и советах»; Рижский Агафангел (Преображенский) – «Проект положения о православном приходе при церквях Рижской епархии»³⁰¹.

Епископ Вологодский Алексей (Соболев) определил следующие правила организации приходской общины:

1. «Приходская община должна являться низшей ячейкой всего церковного организма, сплотившегося во имя Христова для получения вечного спасения и благоустройства религиозно-нравственной жизни, имея во главе приходского пастыря как отца и руководителя.

2. Она, не выделяясь из Тела Церкви, объединяется по тем или иным местным условиям около приходского храма.

3. Она управляется самостоятельно через посредство общего приходского собрания; но эта самостоятельность не должна пониматься как полное отделение от епархиальной и высшей церковной власти. Она живет по благословию и руководству этой церковной власти, безусловно сохраняя единение и союз с ней.

Приходской общине предоставляется право избирать для себя кандидатов на священноцерковнослужительские места из лиц правоспособных по образованию и нравственным качествам, в смысле заявления ею епископу своего желания иметь преимущественно известное лицо или в смысле свидетельства о добрых качествах ищущего рукоположения лица (опред. Св. Синода 18 июля и 8 августа 1884 года)»³⁰².

«Отзывы...» свидетельствуют, что архиереи прекрасно понимали: реформировать Православную Церковь невозможно,

не изменив положения дел в приходе, однако они не знали, да и не могли себе представить, возможно ли осуществление приходской реформы на практике, ибо она была связана с административными преобразованиями в государстве – представители же светской власти стремились к тому, чтобы превратить приход в мелкую земскую единицу. Таким образом, церковная проблема оказалась связанной с проблемой государственной, что в российских условиях почти всегда означало превосходство светских интересов над религиозными.

По мнению архиереев, восстановление древнего канонического устройства прихода могло бы оживить его деятельность, так как новый приход неизбежно занялся бы благотворительной, миссионерской и образовательной деятельностью. Важным вопросом считается проблема повышения авторитета священнослужителя в приходе, неотделим от него и вопрос материального обеспечения духовенства. Доброхотство прихожан оказывалось очень ненадежным, оно всегда было унижительным для священнослужителей, поэтому многие иерархи приходили к мысли о необходимости казенного жалованья для духовенства, чтобы денежные расчеты не вставали барьером между пастырями и их духовными детьми. Иерархи сознавали, что, пока священник полностью зависит от своих прихожан, между ними всегда будет возникать конфликт на финансовой почве, что отрицательно сказывается на духовной проповеди пастыря. Вообще в отзывах содержатся рекомендации о необходимости для успешной борьбы с упадком нравов организовывать церковные братства и приходские попечительства, чтобы прихожане ощущали себя деятельными членами Церкви, чтобы чувствовали свою ответственность за храм и пастыря. До тех пор пока посещение храма и участие в церковных обрядах являлось для народа проявлением не только религиозности, но и лояльности к государству, люди не отличали священника от чиновника, знали, что их не оставят без храма – это обязанность власти, а не их личное стремление. Наиболее правильной и естественной постановкой вопроса об обеспечении духовенства и поднятия его авторитета стал

вопрос о создании приходских братств и советов. В числе средств и способов приходского миссионерства, вовлечения людей в приходскую жизнь указывались искоренение пьянства среди православных во избежание упреков, облегчение внебрачных требований, изменения в богослужении (упрощение языка, общее пение, исправление текста богослужебных книг и т.д.), то есть глубокое реформирование церковно-приходской жизни.

В конце XIX – начале XX в. начинает создаваться социальная система обеспечения различных слоев русского общества. Затронула она и духовенство. Особенно нуждающимся являлось сельское духовенство, это наглядно видно на материале Московской епархии, а она по достатку жителей не была в ряду беднейших в Российской империи. Опыт эмеритальной кассы в первые десятилетия ее существования оказался не совсем удачным, большинство приходов не получало жалованья. Это приводило к тому, что по-прежнему самым надежным способом обеспечения себя в старости являлись дети. Священники старались служить до глубокой старости – пока позволяли силы, а уходя на покой, стремились передать свое место тем, кто будет их содержать в старости, давно отмененное наследование мест, таким образом, сохранялось на практике. Проблему материального обеспечения духовенства понимали и архиереи, но она так и не была решена.

Глава II. Крестьянство и духовенство в начале XX века

§ 1. Нравственно-религиозное состояние русского крестьянства в восприятии духовенства и церковной периодической печати начала XX века

Начало XX в. – время, когда вся Россия говорила о реформах, и для Церкви это период осмысления изменений, произошедших в обществе за истекшие десятилетия. В фокусе пристального внимания общественных и государственных деятелей оказывалось нравственное состояние крестьянства и сельского духовенства.

Современные исследователи высоко оценивают духовно-нравственное состояние народа в начале XX в.³⁰³ В программе Этнографического бюро В.Н. Тенишева (90-е гг. XIX в.) стоял вопрос о посещении крестьянами церкви, на который откликнулись почти все, кто писал в него из разных концов страны. По словам М.М. Громыко, «посещение церкви в воскресные и праздничные дни отметили все корреспонденты. В будни же обычно ходили лишь те, кто заказал обедню по конкретному поводу: кончина близкого человека, 9, 20 и 40-й день, сорокоуст (40 Литургий, совершаемых о здравии или упокоении человека. – Ю.Б.), либо же в Великий пост, когда служили в среду, пятницу и субботу»³⁰⁴. Это позволило автору исследования о русском крестьянстве написать следующее: «Строгие и немногословные, но единодушные в своей положительной оценке регулярности посещения храма и благоговейного характера присутствия в нем сообщения по программам научных обществ из различных уездов, волостей и селений дополняются живым конкретным материалом из жизнеописаний и воспоминаний отдельных лиц»³⁰⁵. Исследователь не уточняет, насколько частым было посещение храма и какая часть крестьян посещала церковь регулярно, она отмечает: «С аккуратным посещением церкви тесно связано было исполнение Исповеди и Причастия, неотъемлемой частью быта является ежедневная молитва. Не меньшее значение придавалось соблюдению постов. Хотя, по данным Бюро, в конце XIX века к их нарушению стали относиться более

снисходительно. Широко распространенным было хождение на богомолье»³⁰⁶. Но вера определяется не только регулярным посещением церкви, подчас вырождающимся в бездумное исполнение обрядов и не влияющим на повседневную жизнь человека. По материалам Этнографического бюро, большое воздействие на церковность крестьян оказывали внешние факторы. Например, даже в деревне «чаще посещали церковь зимой и осенью, когда крестьяне были свободнее от хозяйственных работ. Летом ходили мало. Если храм был далеко, то посещения прерывались на время снежных заносов и распутицы. Из самых отдаленных от церкви деревень, связанных с селом плохими дорогами, ездили или ходили туда лишь на самые большие праздники – Пасху, Троицу, Рождество...»³⁰⁷ Христианская вера в ее житейском понимании была сложной и многообразной системой представлений и убеждений, которая соединяла в сознании крестьянства традиции и церковное обрядоверие, архаические представления и народную догматику. Г.Н. Мелехова пишет: «Став сутью внутреннего мира крестьянина, православная вера определила его отношение к людям, оформила характер и уклад жизни»³⁰⁸.

Вернее всего противоречие между Святой Русью и подлинным духовно-нравственным состоянием русского народа понял и описал русский религиозный философ Николай Бердяев: «Русский народ и истинно русский человек живет святостью не в том смысле, что видит в святости свой путь или считает святость для себя в какой-либо мере достижимой или обязательной. Русь совсем не свята и не почитает для себя обязательно сделаться святой и осуществить идеал святости, она – свята лишь в том смысле, что бесконечно почитает святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни»³⁰⁹. Отсюда рождалось и постоянное противоречие, с одной стороны, между почитанием храма и праздников, а с другой – пренебрежительным отношением самих крестьян к духовенству, накладывавшимися на достаточно невысокий общий нравственный уровень народа.

Для того чтобы получить представление о русском крестьянстве и отношении к нему в русском обществе начала XX в., необходимо обратиться к периодической печати того времени, активно участвовавшей в формировании общественного сознания, выражавшей взгляды различных слоев и групп. В данной работе использована по преимуществу церковная периодика, отражавшая взгляды церковной власти и общественности; вопросы, затрагиваемые в них, были близки и понятны читателям – в основной своей массе клирикам и церковным людям. Общественно-политическая обстановка 1905–1907 гг. способствовала определенному сгущению красок, но в целом пресса единодушно оценивала благочестие крестьян, неизменно обращая внимание на высокую религиозность народа. «Одну из главных и незыблемых основ жизни русского народа составляет его православная вера», – писал М. Куппетский в очерке «Церковно-религиозная жизнь в России»³¹⁰. По словам одного сельского священника об отношении крестьянина к своему храму: «Каждый может назвать церковь своею, потому что церковь на народные рубли и, больше того, на народные гроши, строена и народом держится»³¹¹. В конце XIX в. заметки об отрицательных сторонах духовной жизни на страницах газет и журналов были редкими, но начиная с 1904–1905 гг. церковная периодика ими просто пестрит.

По словам участника Поместного Собора Л.З. Кунцевича, «вся вера народная выражается в постах, обрядах и обычаях»³¹². Митрополит Московский Макарий (Невский) в одной из проповедей в начале XX в. говорил о нравственном и духовном состоянии русского народа: «В старину весь русский народ составлял одну семью, у которой одна вера, одни обычаи. Ныне разделился русский народ. Каждое сословие избрало для себя как бы свою особую веру, свои обычаи. Верхние сословия стали стыдиться веры своих отцов и остались совсем без веры или же пошли за изобретениями новых вер, сделали последователями новых лжеучений, образовавших новые секты, новые толки. Средние сословия избрали себе новых богов: торговое стало поклоняться золотому тельцу...

ремесленник то занят своим делом, препятствующим ему служить Богу, то отдается греховному отдыху в виде разгула, попок и разного рода увеселений. И торговцы, и ремесленники живут также без веры и без Церкви. Только низшее сословие пока держится унаследованной от предков верой и обычаями, но и то не все. И среди него образовался злополучный раздел: значительная часть простого народа отпала от Церкви, перешедши в раскол и сектантство с их многочисленными толками и разделениями. Таким образом, как бы весь русский народ пришел в такое состояние, в каком некогда находился Израиль, который, отпавши от Бога, предавался нечестию...»³¹³ Подобный же взгляд высказывал епископ Волынский Антоний (Храповицкий) в 1905 г.: «Глубокое нравственное растление, полное обмирщение, маловерие и внедряемая ложным воспитанием гордыня – вот те новые качества современного общества, которые отличают его от сынов древней Руси, представлявшей собой как бы один огромный монастырь, преданный почти исключительно церковной жизни»³¹⁴. Часть церковного общества, сталкиваясь с расцерковлением народа, начинала идеализировать прошлое страны, обращалась к представлению о русском народе как «народе-богоносце». Такие представления определяли утопическую программу действий.

Священник Петр Смиренский в статье, посвященной посещению храма крестьянами и поведению в нем, пишет: «Русский мужичок любит свой родной храм, где он крестился, где Бог благословил его на семейную жизнь... побуждаемый этой любовью к родному храму, он в праздничные и воскресные дни охотно посещает его. Но горько, хотя и вполне справедливо, то, что лишь в посещении храма он думает себе найти спасение»³¹⁵. Он заканчивает свою заметку словами архиепископа Херсонского Никанора, написанными еще в 1884 г.: «Поймите, что нашу веру в народе разумеют 5 из 95, да и эти пять стали появляться 30 лет тому назад, со времени повсюдного распространения народных училищ... Долго наш народ нерушимо хранил родную веру по крепкому веянию общенародного духа. Увы! Теперь подули иные ветры со всех

сторон. Подули и на народ». Слова владыки Никанора свидетельствуют о том, что проблема непонимания народом основ христианского учения, неучастия его в богослужении из-за трудностей восприятия службы была очень древней и фактически никогда не была решена. В начале XX в. изменилась политическая обстановка, поэтому в складывавшихся условиях требовалось не обычное посещение храма, а осознанный выбор: «Если прежде народ в простоте сердца мог стоять в церкви и молиться, не разбирая и не понимая многого из того, что поется и читается, то теперь, при развитии народа, молящиеся пожелают более осмысленного, чем прежде, отношения к богослужению»³¹⁶. Безусловно, и в XIX в. можно было встретить неприглядное и неуважительное отношение к сельским священнослужителям. М. Куппетский – автор ряда очерков о религиозном положении русского народа, как выше было сказано, считал православие «незыблемой основой жизни русского народа», поэтому современная ситуация рассматривалась им как уход от идеализированного прошлого: «Крестьяне не считают грехом ругаться со священником скверными словами, а не подойти под благословение, не поклониться ему, заиграть на гармошке во время шествия священника с иконами и крестом, скрыться от него, чтобы не платить за молебен, не заплатить денег за требу или обмануть его при этом и заставить его ехать с требы на наемных лошадях, – все это явления обыденные»³¹⁷. Рассказ сельского священника из «Московских церковных ведомостей» – ярчайший пример отношения крестьян к своему священнику: «Когда стали распространяться в народе все эти прокламации с обещанием всяческих благ, что начали было поговаривать мужики? Знаете вы? Смотрите: это лучшая моя ряса. Видите! Она вся выцвела, в пятнах. А мужики говорят мне: «Уж больно нарядно. Все из фабрики. Зря шибко барствуете. Собрать бы со всех бар всякие эти наряды, да нам на онучи»³¹⁸.

В народе благочестие неразрывно соседствовало с суеверием. Архиепископ Тверской Серафим (Чичагов) в докладе на Поместном Соборе 1917–1918 гг. дал следующую характеристику современному крестьянству: «Русский народ в

массе хранит священные традиции и благочестие, он обладает ревностью по вере, благоукрашает храмы, охотно посещает богослужения, утешается монастырскими уставами, паломничеством. Но нельзя сказать, чтобы в религиозно-нравственном отношении он был благополучен. Несомненно, он не имеет еще выработанного христианского и церковного мировоззрения и самосознания, слабо и мало знаком с церковным нравоучением; мало понимает богослужение и всю глубину церковных Таинств. От того в нем много религиозных предрассудков, суеверий, обрядовая набожность уживается с грубыми пороками»³¹⁹. На заседании Отдела о церковной дисциплине Поместного Собора делегат от Симбирской епархии прот. Владимир Садовский с тревогой отзывался о народной вере: «Кто нам поручится, что наша православно-церковная дисциплина... не создает в душе народной того духовного пробела, который в конечном результате дает полное незнание народом самых основных истин христианского учения и полное неумение или нежелание воплощать это учение в свою жизнь»³²⁰. Современники хорошо понимали эту противоречивую двойственность народного благочестия: с одной стороны, приверженность храму, обряду, с другой – пренебрежение к носителю этой благодати. Таким было их отношение к духовенству, без которого невозможно ни совершение Таинств и обрядов, ни существование самой Церкви, – как к мироеду, живущему за народный счет, и излишней обузе.

В свою очередь Церковь в начале XX в. была серьезно обеспокоена нравственным обликом народа, и в частности крестьянства. В III Государственной Думе в 1908 г. действовала «Комиссия о мерах борьбы с народным пьянством, принявшим размеры, угрожающие вырождением русской нации»³²¹. Фактически со второй половины XIX в. пьянство было признано бедой государственного масштаба. В.Ф. Дерюжинский в учебнике полицейского права отмечал, что пьянство в России являлось причиной 40 % психических заболеваний. «Пьянство является одним из значительных факторов смертности. По сведениям за 1879–1884 гг. среднее годовое число умерших от опоя в России составляло 5.603 случая, или около 2 смертей на

1.000 общей годичной смертности. В общем количестве так наз. «случайных смертей» пьянство занимает у нас первенствующее место. Особенно заметно это в центральной и восточной полосах России: в центральной на долю пьянства приходится от 20 % до 34 %, а в восточной – даже до 40 % общего числа случайных смертей»³²². Расходы населения на водку только в европейской России составляли в конце XIX в. 562 млн руб. в год, а число питейных заведений превышало 100 тыс.³²³ Неоднократно в церковной печати обсуждался вопрос о народном пьянстве, и горечью пронизаны слова одного из священников, что «пьянство – бич многих и многих крестьянских семей»³²⁴.

В 1888 г. трудами известного психиатра Михаила Николаевича Нижегородцева была создана комиссия по вопросу об алкоголизме, мерах борьбы с ним и для выработки нормального устава заведений для алкоголиков³²⁵.

Синод откликнулся на приоритетную для государства борьбу с пьянством постановлением № 4896 от 4–6 июня 1909 г., содержащим обращение к епископам с указаниями усилить борьбу по искоренению народного пьянства. Было рекомендовано: учреждение обществ трезвости; включение в цели и задачи братств и приходских попечительств борьбы с пьянством; проповедь о вреде пьянства; устройство религиозно-нравственных чтений; личный пример духовенства в воздержании от спиртных напитков³²⁶. В 1909 г. в Санкт-Петербурге открылся I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. Он проходил 28 декабря – 4 января и был организован комиссией по вопросу об алкоголизме, состоявшей при Обществе охранения народного здоровья. По словам В.Ф. Джунковского, важной задачей съезда было дать возможность почувствовать борцам за народную трезвость, «что они больше не одиноки и что дело их отныне признается государственно важным»³²⁷. Современник отмечал: «Дело не в том, что русский народ пьет больше всех других народов, а в том, что пьянство растет из года в год в ужасающей прогрессии. При росте населения ежегодно на 1½ %, потребление алкоголя увеличивается на 5–6 %, а в последующие годы увеличение это

дошло до 13 % (вообще в иных же местах – до 20 %). В среднем каждым жителем выпивается уже 11 бутылок, то есть более полуведра водки в год»³²⁸. По воспоминаниям В.Ф. Джунковского, даже император Николай II был серьезно обеспокоен данной проблемой: «Во всеподданнейшем моем отчете за минувший год Государю угодно было обратить особое внимание на мои слова, что потребление вина в губернии не уменьшилось и пьянство приобрело характер бедствия народного, захватив своим влиянием даже женщин и девушек в крестьянской семье, причем из недр самого народа раздавались глубоко скорбные, полные отчаяния голоса, указывавшие на разложение семьи, упадок нравственности, на нищету как на прямое следствие пьянства. Государь против этого места в отчете написал: «Необходимо стать на путь действительной и самой решительной борьбы с этим страшным для России злом»³²⁹. О данной ситуации заговорила и художественная литература. Во времена первой русской революции писатель И.А. Родионов опубликовал повесть «Наше преступление»: «Народ спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет трудиться»³³⁰. Несмотря на ее художественный характер, содержание произведения было целиком взято из народной жизни. Автор описал ужасающую картину пьянства, разврата, распущенности молодого поколения крестьян, которым до преступления – убийства, грабежа, богохульства – оставался последний шаг³³¹. А за пьянством следовали не только преступления, но и полное материальное разорение. А. Волынец в заметках «О Государственной Думе и духовенстве» писал: «До сих пор русский мужик пропивал то, чем и дорожить-то не стоило, пропивал худую телегу, пропивал одежду, пропивал сапоги. Теперь он пропивает своих собственных детей, теперь он пропивает судьбу своих внуков и судьбу своего отечества... Нельзя было придумать даже тех способов, какими теперь пропивается земля... оказывается, как только крестьянину хочется опохмелиться, он идет к соседу и говорит: «Дай денег, а возьми мою десятину на будущий год за полтора рубля...» Есть уже семьи, где пропита земля на 20 лет, еще не проданная»³³².

С горечью об этом губительном для народа пороке свидетельствовал митрополит Московский Макарий (Невский): «О простом народе с сожалением должно сказать, что он спился и развратился. Он пропивает свое достояние, свои пожитки; он пьет с горя, пьет с радости; все сделки у него завершаются не иначе как с выпивкой. Если он несет в жертву Богу свою трудовую копейку, то в винную лавку отдает полный рубль. Он сам пьет, и дети пьют; пьют и женщины. Пьянство приводит к разврату. Мужья оставляют жен, жены покидают мужей и идут за другими. Развращается и молодежь по примеру старших»³³³. Эти слова находят подтверждение у его современника архиепископа Никона (Рождественского), который пишет по вопросу о просвещении народа: «Нужно сначала отрезвить народ – потом просвещать. Прежде спасти его от алкоголизации, от вырождения, от поголовной гибели... А то «просвещение», которое готовят ему в виде «всеобщего обучения» с учителями нового типа, только ускоряет его гибель. Если есть у вас лишние сто миллионов, то сократите на эту сумму спаивание народа. Если нет никакой возможности обойтись без питейного дохода сразу, следует уничтожить всякое производство и продажу алкоголя во всех его видах, признавая его ядом, наравне с опиумом, гашишем и подобными отравками»³³⁴. Пьянство в деревне неизменно сопровождалось хулиганством и драками, часто побоями жен. Мировой судья Я. Лудмер писал еще в начале царствования императора Александра III: «Многие наблюдатели современной народной жизни констатируют нам факт ожесточения, подчас и просто озверения народных масс»³³⁵.

В Москве в 1901 г. было организовано Московское столичное попечительство о народной трезвости, возглавлявшееся генералом от инфантерии Цеймерном, а с 1905 г. – В.Ф. Джунковским. Оно распространяло среди населения информацию о вреде употребления алкоголя, изыскивало средства на полезную организацию отдыха и свободного времени простых людей, на содержание лечебницы для страдавших запоем. Попечительство содержало до 15 народных домов: Грузинский (2252 чел.), Сухаревский (2112

чел.), Трубный (2054чел.), Немецкий (1000 чел.), Спасский (698чел.), Даниловский (680 чел.), Александровский (1277 чел.), Хитровский (1335 чел.), Бутырский (771 чел.), Садовнический (1002 чел.), Дорогомиловский (930 чел.), Сергиевский (1054 чел.), Алексеевский (2011 чел.), а также Хитровскую чайную (642 чел) и Смоленскую столовую (962 чел.). Народные дома работали без перерыва круглый год с раннего утра и до 9 вечера, вход был бесплатным. В них не допускалось распитие спиртных напитков, а чай, закуски и горячие блюда отпускались по минимальным ценам; посетители могли ознакомиться со свежими газетами и журналами. Ежедневно в начале XX в. народные дома посещало около 18 780 человек³³⁶. Попечительство содержало ночлежный приют, столовую, лечебницу для алкоголиков на Новинском бульваре, 10 бесплатных читален и платных библиотек, воскресные школы для малограмотных; устраивало народные гуляния, спектакли, концерты, народные чтения. За 10 лет Московское попечительство получило от Министерства финансов 5 млн руб., а в период с 1901 по 1911 г. оно само выделило 108 750 руб. обществам и учреждениям, преследовавшим цель борьбы с алкоголизмом. При отдельных церквях создавались приходские общества трезвости. Борьба с пьянством была приоритетной не только для духовенства центральных епархий Российской империи, поскольку общества трезвости организовывались и в других епархиях, например в Оренбургской³³⁷.

В.Ф. Джунковский немало сил приложил к борьбе с пьянством. Его трудами в 1909 г. в Москве был созван первый съезд по борьбе с алкоголизмом и пьянством, а через год организован антиалкогольный музей³³⁸, в котором были собраны статистические материалы и разные препараты и модели, имевшие отношение к борьбе с алкоголизмом. При музее проводились лекции для учителей. В 1906 г. московский губернатор выступил с заявлением населению, в котором сообщал, что «потребление вина в губернии (не считая г. Москвы) за первую половину сего года значительно превысило потребление его за то же время прошлого года (на 150 000 ведер)». За это время населением было истрачено лишних 1

млн 200 тыс. руб., в то время как недоимки по всем сборам составляли около 1 млн 70 тыс. руб.³³⁹

Проблему пьянства не оставил без внимания и митрополит Московский Владимир (Богоявленский). Он был, пожалуй, первым из московских иерархов, кто стал систематически бороться с этим недугом: «При нем на торжественных обедах в монастырях в дни праздников прекращено было подавать не только водку, но и вино... Такое новшество было особенно заметно в Троице-Сергиевой Лавре, где до митрополита Владимира в дни празднования преподобного Сергия 5 июля и 25 сентября на торжественных обедах весь стол был всегда сплошь уставлен разными винами, а закусочный стол – разными водками»³⁴⁰.

Но и по истечении десяти лет существования попечительства о народной трезвости В.Ф. Джунковский по-прежнему описывал ужасающую картину народного пьянства, приводя данные из доклада А.А. Корнилова, председателя кружка по борьбе со школьным алкоголизмом. «По Московской губернии оказалось, что из 18 334 мальчиков в возрасте от 8 до 13 лет употребляли алкогольные напитки 12 005, или 65 %; из 10 404 девочек – 4994, или 47 %. Кроме того, анкеты по Московской губернии дали возможность заключить, что школьники умели различать вкус различных алкогольных напитков, некоторые предпочитали пиву водку, другие говорили о вкусе вина и т.д. В городских училищах оказалось положение еще менее утешительное, процент пивших был гораздо значительнее»³⁴¹. Приведенные данные свидетельствовали о том, что проблема алкоголизма не была преувеличена, но не была и решена. Проблема пьянства и борьба с ним были актуальными и в других епархиях Русской Церкви. Например, в Тульской создавались не только общества трезвости, но еще проводились беседы с торговцами крепкими напитками. Так как основную причину пьянства усматривали в невежестве и непросвещенности, епархиальное начальство особое внимание стало уделять церковно-приходским школам³⁴².

Сложившаяся ситуация нашла отражение и в прессе. Только лишь в Московской епархии в 1910–1915 гг. было

предпринято несколько попыток издания газет и журналов с антиалкогольной тематикой. Например, в 1910–1912 гг. вышло 37 номеров бесплатного приложения к журналу «Кормчий» – «На борьбу с пьянством». В 1910 г. было опубликовано четыре номера приложений к журналу «Верность» – «Трезвость», редактором которого был известный протоиерей И.И. Восторгов. Газета «Рассвет» издала 19 номеров бесплатного приложения «Трезвый понедельник». С 1911 по 1914 г. Московское епархиальное общество борьбы с народным пьянством публиковало ежемесячный журнал «В борьбе за трезвость», в 1915–1916 гг. это же издание выпускало Московское столичное попечительство о народной трезвости. В 1914 г. вышло шесть номеров приложения к «Кормчему» – «На борьбу с современным хулиганством». В нем читатель узнавал о нравственных причинах связанного, как правило, с пьянством хулиганства, о том, как с ним бороться, о действиях духовенства, о духовных мерах по искоренению хулиганства³⁴³. К сожалению, последние стали предприниматься уже слишком поздно и оказывались недостаточно продуманными: за много лет пороки уже пустили прочные корни. Однако попытки организации антиалкогольной пропаганды подтверждали тот факт, что современники признавали проблему пьянства, считали ее чрезвычайно важной и не только печатали различные брошюры, но и переходили к реальным мерам.

Надо отметить, что с 1905 г., по причине общественных волнений, хулиганство, связанное с общим упадком нравственности, получило широкое распространение. Протоиерей Клавдий Фоменко писал: «Именно к тому времени (1905 г. – Ю.Б.) относится фраза: «Мы ваши храмы обратим в наши конюшни»³⁴⁴, относившаяся к участвовавшим случаям святотатств и кощунств по всей России. «В 1907 г. грабители перевязали всех монахов Крестного Онежского монастыря Архангельской епархии и устроили обыск в кельях. В том же году в Иоанно-Богословском Крыпецком монастыре Псковской епархии было убито трое монахов и трое рабочих. В 1908 г. бандиты совершили налет на Разрытовский Троицко-Покровский женский монастырь Черниговской епархии, вскрыли кружку

перед иконой Божией Матери и свечной ящик, обошли все кельи, разбивая шкафы и сундуки и забирая все сколько-нибудь ценное. В 1911 г. на Валаам приехала группа подвыпивших финских рабочих, устроивших дебош в монастырской гостинице. С большим трудом хулиганов удалось выпроводить»³⁴⁵. Н.О. Лосский, в свою очередь, считал хулиганство следствием отрыва от строя жизни отцов, утраты религии и проявлением материализма в деревне³⁴⁶. В начале века угроза разрушения храмов встречалась нередко, но современники рассматривали ее как проявление бытовых безобразий. Никто в то время, когда писали об оставлении народом древнерусского благочестия и путях возвращения к нему, не мог себе представить, что всего через 20 лет эти фразы из хулиганского выкрика в сторону клирика превратятся в планомерную программу действий и будут с успехом реализованы.

В.В. Розанов резко критиковал современную церковную политику и само духовенство, но во взглядах на народ был с последним вполне солидарен. Он писал в «Новом времени» за 1909 г.: «Расправы ножом, самоутопления и самоотравы наполняют столбцы газет. Мутная волна как будто отплеснулась от политической сцены, пошла по другому направлению, по линии наименьшего сопротивления, и залила грязью нравы частных домов, семей, нравы улицы»³⁴⁷. Современники начала XX в. откровенно говорят о разврате, захлестнувшем русскую жизнь: «В настоящее время можно наблюдать тот факт, что одни только женщины, и притом не особенно многие, во всей строгости соблюдают законы брачной жизни»³⁴⁸. Наблюдатели отмечали рост незаконных сожительства, что являлось во многом следствием отходничества³⁴⁹, по всей России росло число подкидышей: по Москве и Санкт-Петербургу они составляли % всех новорожденных, на 1906 г. в Петербурге из 43 153 родившихся – 11 927 незаконнорожденных, в Москве из 43 801 – 13 466³⁵⁰. В 1910 г. по всей России было зарегистрировано 106 000 внебрачных детей³⁵¹. Невероятно широкое распространение получили аборты³⁵²: только в Москве в 1910 г. было совершено около 10 тыс. абортов³⁵³. Упадок нравственности, подтвержденный многими современниками,

придерживавшимися разных взглядов, наглядно свидетельствовал о расцерковлении деревни, что еще больше обостряло отношения между крестьянами и клириками.

Причины сложившейся ситуации были подробно освещены на страницах церковной печати, особенно за 1905–1906 гг., когда общество было охвачено прениями об изменениях государственного строя, открытии Государственной Думы, а Церковь активно готовилась к созыву Поместного Собора и заговорила о назревших проблемах и трудностях. Духовенство с тревогой наблюдало, как народ был охвачен бурной антирелигиозной и революционной пропагандой, которой могла противостоять лишь активная миссионерская проповедь для самого православного народа. В статье «Московских церковных ведомостей», посвященной необходимости оживления церковной жизни и положению духовенства, говорилось: «О народе и говорить-то страшно. Сути службы они (простые люди. – Ю.Б.) не понимают, ибо им мало кто и разъяснит это. Они, бедные, только горят иногда душой и сердцем, рвутся к Богу... Прислушайтесь, что шепчет старушка, стоя на коленях перед иконою Божией Матери, когда, например, читается Апостол, Евангелие, когда говорится проповедь или когда поется Символ веры. Без толку шепчет она свою любимую молитву Иисусову и знать не хочет, что в это время читаются для нее «глаголы вечной жизни», она не чувствует нужды к живому слову пастыря... Бедная старушка, она не знает, что Символ веры есть не молитва, а исповедание веры, что здесь беспрестанное шептание посторонних молитв более чем неуместно»³⁵⁴. Для крестьянства вера становится не основой мировоззрения, а лишь частью сельского быта, изменение же бытовой обстановки приводит к легкому отходу от Церкви. По словам пастырей начала XX в., их паства – православный по культуре, но по образу жизни религиозно непросвещенный народ. «Церковные ведомости» пишут о религиозном состоянии русского народа: «Наш православный народ в громадном большинстве своем до сих пор не имеет самого элементарного религиозного просвещения. Не говорим уже о целостной системе православного вероучения и нравоучения... пастыри не могут

даже поручиться за то, что все их пасомые сознательно молятся Богу, сознательно принимают Таинства и участвуют в богослужениях. Конечно, по своей жизни, по внутреннему настроению души русский народ глубоко проникнут христианскими началами, но отчетливых, сознательных религиозных понятий и представлений у народа нет»³⁵⁵. Таким прихожанам оказывалось очень легко, попав в город, влившись в число пролетариев, отойти от Церкви, поверить в проповедь революционной пропаганды. И если сами они оставались в лоне церковном в силу сложившейся привычки, полученного с детства воспитания, то молодое поколение было уже проникнуто антирелигиозной пропагандой. В период 1908–1913 гг. в Московской губернии грамотные крестьяне составляли 41,7 % – самый высокий процент грамотного населения по России³⁵⁶, – они-то и были потенциальными читателями различной литературы, среди которой могла быть и революционная. Священник Н. Колосов писал о «галерее отрицательных типов русского духовенства», созданной новейшим освободительным движением³⁵⁷. Писатель Н. Тришников в рассказе «В доме пастыря» создал портрет благочинного, протоиерея Стигматова, – низкого интригана и деспота, который довел своих дочь и племянницу до самоубийства, а сына – до идиотизма: «Он любит только собственную особу и презирает всех остальных». Священнику, вызывавшему у читателей отвращение, противостоит святой революционер, порядочный, добрый и благородный³⁵⁸. «Русское богатство» в январе 1907 г. опубликовало рассказ С. Кондорушкина «В сетях дьявола»³⁵⁹, в котором автор повествует о путешествии русских паломников на Афон – одну из величайших святынь православного мира. Богомольцы представлены грязной толпой, русский афонский монастырь – царством дьявола, смерти, мрака, зла и лицемерия, а монахи – тунеядцами. «Современный мир» в марте 1907 г. опубликовал очерк Богдана Степанца «Богослов», в нем в карикатурном виде изображен семинарский преподаватель Ветхого Завета³⁶⁰. В 1905–1907 гг. был опубликован целый ряд рассказов и очерков, посвященных монастырям и монахам, выставленным в самом неприглядном

виде. И если в одних произведениях описывались грязь, бедность, пьянство, безразличие ко всему, то в других – довольство, богатство, роскошная жизнь монашества³⁶¹. Свобода печати предполагала резкую критику традиций, сложившихся в церковной среде, под сильное воздействие которой, без сомнения, попадала и читающая публика из среды крестьян. Например, В.В. Розанов негативно оценивал сложившуюся практику женитьбы будущих священнослужителей: «Семинарист должен жениться в несколько недель, длящихся между выходом из духовного учебного заведения и принятием сана. В эти несколько недель он должен приискать невесту среди духовенства же ближайших приходов, и... единственным основанием брака служит гнуснейший и открытый торг о приданом»³⁶². Такие отзывы о духовенстве не могли не оказывать отрицательного влияния на авторитет священства среди читающей публики.

«Московские церковные ведомости» приводят размышления священнослужителя о сельской молодежи и о ее поведении во время церковных праздников, в частности во время церковных ходов на Пасху: «По-деревенски модно теперь носить брюки навыпуск, пиджак, фуражку известного фабричного типа – семь углов, одна заклепка; в руке или, вернее, в лапе – по ее размерам – тросточка, вид молодого человека вызывающий. В церкви редко увидишь такого бонвивана, когда застаешь его – при хождении по приходу – дома, он непременно встанет так, чтобы и своей позой выразить протест: прислонится к стене, закинет ногу на ногу, ядовито улыбнется»³⁶³. Священник села Обухова Клинского уезда писал в Духовную Консисторию о своей пастве, которая «представляет из себя опасно больной организм: маловерие, современное неверие, религиозно-нравственное одичание молодежи, хулиганство, пьянство и другие пороки на почве невежества – вот те главные симптомы ее болезни»³⁶⁴. Священник Таврической епархии сообщал: «На так называемых «досвитках» молодежь обоего пола предается таким забавам, какие едва ли известны и дикарям, не имеющим понятия о нравственности. Случается, что под праздники и воскресные

дни на досветках всю ночь идет бесовское веселье, к утрени гуляющие расходятся с пением, песней, свистом... Эта распущенность сильно поддерживается под влиянием чтения безбожных и противохристианских брошюр... Начитавшись такой литературы, стоя в воскресные и праздничные дни на улицах, издеваются над идущими в церковь... А на сельских сходах и в домах верующих они глумятся над святыней...»³⁶⁵ Один из авторов «Церковного вестника» в 1906 г. в одной из редакционных статей, описывая сложившуюся обстановку, констатировал: «Вся культура, вся жизнь в ее разветвлениях расходятся с христианской религией и отрицают ее... христианство в настоящее время есть только настроение отдельных лиц»³⁶⁶. Слова эти в полной мере приложимы к ситуации, сложившейся в деревне в начале XX в. В подобных же выражениях пишет корреспондент «Епархиальных ведомостей» и год спустя: «В нашей русской жизни текут две противоположные струи – языческая и христианская. Часто идеи евангельские обречены на одно теоретическое существование, а жизнь действительная к ним не прислушивается... Бесшабашный трактир, неблагоустроенная фабрика и воскресный почти повсеместный рынок – вот бичи народа; они много содействовали в прошлом накоплению того гноя в народной жизни, который в настоящее время так смрадно выливается в грабежах, убийствах, смутах, волнениях»³⁶⁷. Очевидно, авторы периодической печати были склонны к сильному пессимизму в отношении современных событий. Но в постоянном возвращении к теме народного пьянства, попытках решить ее на общегосударственном и местном уровне видны определенные тенденции в эволюции вопроса о пастырском служении.

В частности, для духовенства существовала еще одна проблема, затруднявшая духовное воздействие на своих прихожан: число исповедовавшихся и причащавшихся постом было столь велико, что священники не могли справиться со своими обязанностями. На Поместном Соборе свящ. И.А. Ильин говорил: «Современная исповедь утратила свое таинственное целебное значение, потеряла свою силу. У нас исповедуются по

600 человек в течение 5-ти – 6-ти часов, на каждого уделяется менее одной минуты... Утерев смысл исповеди, мы теряем все, и никакие другие обрядности нашего богослужения не поднимут упавшей церковной дисциплины»³⁶⁸.

Особенно наглядно процесс расцерковления народа проявлялся в промышленных центрах, где росло число отходников, не утративших связей с деревней, – они-то и оказывали определенное влияние на формирование мировоззрения сельской молодежи³⁶⁹. Имущественное и бытовое положение рабочих, пришедших на заработки из деревень, было крайне тяжелым: их проблемы и нужды мало кого интересовали; заработки их в сравнении с оплатой труда квалифицированных рабочих были крайне низкими, что делало их весьма восприимчивыми к социалистической агитации. Рабочие в городе оказывались в чужой им среде, вместо хорошо известного храма и знакомого им с детства священника видели роскошные городские церкви, зажиточное городское духовенство, богатую публику. Священник на фабрике, как правило, имелся, но он в глазах рабочих являлся представителем фабриканта и не вызывал их доверия и расположения. В таких условиях отпадение бывших крестьян от Церкви становилось весьма распространенным: в новых условиях рабочий перечеркивал прежнюю жизнь, а вместе с ней традиционные обычаи и верования, и тогда только целенаправленная деятельность со стороны Церкви могла дать положительный результат, но шансов на это было очень мало. Антицерковная рабочая среда реально становилась «взрывным материалом». В такой неблагоприятной обстановке деятельность отдельных пастырей, таких, например, как отец Иоанн Кронштадтский, можно рассматривать как настоящее чудо.

Изменение духовного облика крестьянства как наиболее традиционной и консервативной части общества происходит в переломные, кризисные эпохи развития государства. Таким, безусловно, стало время первой русской революции, а также начавшийся после отмены крепостного права переход от традиционного аграрного общества к индустриальному. Русские

крестьяне сохраняли языческие верования и обряды, уживавшиеся со своеобразным типом христианской религиозности – крестьянская среда была пропитана суевериями и предрассудками. Христианская догматика оставалась неизвестной большинству крестьян, стремившихся с помощью религии дать объяснение событиям своей жизни и социальным явлениям. И тем не менее простая и бесхитростная народная вера служила важнейшим регулятором социальных отношений в среде крестьянства³⁷⁰.

Проблему упадка авторитета Церкви и потери ею нравственного контроля над крестьянской массой не замалчивали и современники. «Московские церковные ведомости» в 1907 году поставили вопрос: «Отчего крестьянские подростки и молодежь, живущая в городах на заработках, становятся жертвою социалистических и анархических влияний»? Автор статьи видел решение проблемы в непрестанной пастырской работе, оживлении деятельности прихода. Молодые крестьяне-отходники «вышли из-под влияния родного храма, вырвались из мирной приходской среды и от того еще, что и приход наш не успел создать доброй, законченной школы, в которой бы приобреталась ими известная нравственная устойчивость против всяких обольстительных, вредных внешних влияний»³⁷¹. Охлаждение веры крестьян приводило к пренебрежению ими церковными праздниками: «Ныне и по селам стали плохо чтить святость праздников молитвою в храме и святым отдыхом по заповеди, а многие до света, даже по великим праздникам, например, на Преображение, Успение и в простые воскресенья едут в поле за снопами»³⁷². Высказывание автора достаточно категорично, но беспокойство его понятно, ведь, по мнению современников, крестьянская вера выражалась во внешних поступках: посещении храмов, служении молебнов. Автор был обеспокоен тем, что уже и это внешнее проявление религиозности уходило в прошлое, поскольку храмы стояли пустыми не только в воскресные дни, но и в двенадцатые и престольные праздники.

Церковным деятелям эта информация была хорошо известна, и они не питали иллюзий относительно религиозного

состояния народа. В официальном отчете обер-прокурора Св. Синода говорилось: «Отчетные 1905–1907 гг., особенно их первая половина, отмечены крайне печальным явлением в религиозно-нравственной жизни православного населения – бурной пропагандой социалистических начал, столь враждебных и по своей исходной точке, и по своим целям христианской догматике и этике... До отчетного периода пропаганда социализма была скрытой, и литература ее как нелегальная мало распространялась в народе и среди рабочих! Наступившие смута, волнения, забастовки, мятежи сопровождались обильным выпуском для обращения в народе брошюр, листов и газет социалистически-революционного содержания... Устами своих последователей социализм объявил поход против Православия и явно высказывал тенденцию занять место последнего... Успех проповеди социализма был обеспечен на первых порах отсутствием противосоциалистической литературы и неподготовленностью духовенства для борьбы с ним... Но такой успех социализма в течение отчетных лет обнаружил, с одной стороны, те нужды церковной и общественной жизни, удовлетворение которых лишило бы его почвы, а с другой стороны, показал бы тот путь, которым должна вестись борьба с этим общим врагом Церкви и государства»³⁷³.

Принципы свободы, провозглашенные в 1905 г., были восприняты простым народом порой как безнаказанность, как свобода от общественного порядка, устоев и традиций. Министерству внутренних дел пришлось войти в соглашение со Св. Синодом по вопросу организации вооруженной охраны церквей в связи с участвовавшими случаями их ограблений³⁷⁴. Тут уже была явно не действенна и проповедь духовенства. Священник Вологодской епархии, возмущенный безобразиями вернувшейся с фабрики молодежи, произнес поучение в храме по этому поводу. В следующую же ночь дом священника чуть не сожгли, а его самого пытались убить³⁷⁵. Рабочий Мытищинского вагоностроительного завода чуть не задушил после рождественского молебна священника Смирнова – мотивы поступка он объяснить не смог³⁷⁶. По сведениям «Московских

церковных ведомостей», во время первой революции с февраля 1905 по ноябрь 1906 г. по всей России было убито 53 лица духовного звания³⁷⁷. «Ведомости» сообщали статистику всего за две недели февраля 1907 г.: шесть покушений, убийств и ограблений церковно- и священнослужителей, среди них ограбление священника села Пушкино Московского уезда отца Рождественского³⁷⁸. Прот. И. Восторгов пишет о двух происшествиях подобного характера, бывших в Московской епархии летом 1907 г. В воспоминания В.Ф. Джунковского один из этих случаев описан следующим образом: 25 мая 1907 г. около г. Звенигорода в храм имения Медведниковых во время богослужения вошли грабители с целью похитить икону в ризе стоимостью 40 тыс. руб. Священника заперли в алтаре, а псаломщика убили. Когда в храм стал стекаться по набату народ, грабители ранили вдову священника и шестерых крестьян и скрылись³⁷⁹. В Богородицком уезде, селе Петропавловский Погост, был ограблен местный храм, похищены деньги и священные сосуды на сумму 500 руб., украдена расписка Государственного банка на 17 318 руб.³⁸⁰ В Пензе нападение на ректора Пензенской духовной семинарии закончилось трагически. 18 мая 1907 г. архимандрит Николай (Орлов) был убит неизвестным молодым человеком, который подкараулил его у входа в семинарский дом и три раза в упор выстрелил. Архимандрит упал замертво, а убийца скрылся³⁸¹. Хулиганские настроения проникали и в стены духовных школ. Во многом ответственность за создавшееся положение возлагалась современниками на само священство, которое, по их мнению, оказывалось недостаточно готовым к несению новых обязанностей. К этому добавлялись обвинения в упадке духовного рвения и элементарной экономической несостоятельности сельских батюшек.

А как смотрели на себя сами пастыри, как оценивали собственное будущее? «Пастыри всегда были ближе всех к народу и больше всех знали его нужды. Они вместе переносили и горе, и радость, счастье и несчастье: там, где костлявые руки могли подать только пятак, довольны были этим, а там, где был переизбыток, и они жили безбедно. Плетями награждались

одинаково и пастыри, и пасомые. Они в равной степени пользовались и от щедрот барских», – писал священник Андрей Соколов о большей части сельского духовенства. В статье «Московских церковных ведомостей» так раскрывалось положение сельского священнослужителя: «У нас они пахари.

Но что может породить в наше время пастырь-пахарь, пастырь-нищий, как не пастыря-нищего (в простоте сердца в селах крестьяне, завидев священника, идущего по селу, спрашивали: «Батюшка, чем ноне побираешься?»), ибо в Геннисарете все же можно было достать рыбы – здесь же урожаи не всегда... В итоге беднота родит бедноту, зависимость, подчинение. Отсюда рождается робость, вялость. Нужны особенные силы, чтобы не переродиться нравственно, чтобы не потеряться, но явиться достойным своего сана...»³⁸² Трудно держаться на высоте своего сана, если все время поглощено заботами о куске хлеба и горькими думами о будущем детей: «Хозяйственные заботы нередко поглощают большую часть свободного времени у сельского священника... Некоторые, в начале своей пастырской деятельности идеально настроенные, потом, под влиянием житейских невзгод и забот о материальном обеспечении, мало-помалу грубеют, заглушают в себе идеальные порывы и теряют интерес к более возвышенным стремлениям... Виноваты в этом меньше всего сами сельские священники, ослабевающие в борьбе с окружающими обстоятельствами, – более же всего виноваты та среда и те материальные условия, в которых им приходится жить»³⁸³.

В начале прошлого века в обществе складывается противоречивая ситуация. Сформировавшийся в городах пролетариат по большей части был безбожен, причиной чему стал изменившийся уклад жизни: появление в деревне рабочих, связанных с городом и утративших традиционные связи с селом, неготовность духовенства вести проповедь в новой обстановке, революционная агитация. Крестьяне в основной массе продолжали посещать храм, отмечать церковные праздники, исполнять требы, но все это сводилось лишь к формальному обрядоверию, за которым не было глубокого

понимания православного вероучения. Усиление миграционных процессов, отходничества, промыслов, постепенное распространение образования и революционной агитации приводили к ослаблению влияния на крестьянство патриархальных, религиозных, общинных традиций, способствовали распространению религиозного безразличия³⁸⁴. Бытовое православие столкнулось с вызовом, перед которым не смогло устоять, и для сохранения веры в народе требовалось ее сознательное переосмысление. А крестьянская молодежь, наоборот, уходя на фабрики в большие города, стала основным распространителем религиозной индифферентности³⁸⁵. На селе происходило противопоставление городской и деревенской культуры, быта. Именно обрядоверие и непонимание основ вероучения, безразличие к приходу и пастырю стали предпосылками той катастрофы, которая постигла страну в 1917 г. Расшатывание патриархальных устоев, негативное влияние города ослабили традиционные нравственные ориентиры, порождая и усиливая такие пороки, как пьянство, безделье, разнузданность поведения, разврат, зависть и ненависть к богатым. Алкоголизация, деморализация и криминализация захватили в начале века население не только столиц и крупные промышленные центры, но и провинции, деревни³⁸⁶. Делегаты Поместного Собора 1917–1918 гг. с тревогой говорили, что сами не знают, «сколько с нами и за нас» православных русских людей³⁸⁷. Митрополит Арсений (Стадницкий) признавал: «Народ безмолвствует, он не сказал, что он носитель Православия, что оно ему дорого»³⁸⁸. Эту же мысль высказал и крестьянин из Олонецкой губернии А.И. Юдин: «Говорим, что за нами 110 миллионов православных. А может быть, только 10?»³⁸⁹ Потрясения революции принесли церковной общественности понимание того, что русский народ, который в XIX в. рассматривался как неразрывно связанный с Церковью, на самом деле очень далек от Нее.

§ 2. Взаимоотношения духовенства с прихожанами. Приходская жизнь

Впервые в русском церковном праве, как выше было сказано, понятие прихода было разработано только на Соборе 1917–1918 гг., когда было принято определение, отражавшее ситуацию, сложившуюся уже в XVI в.: «Под приходом понимался церковный территориальный округ, в этом округе – община людей, которые регулярно молятся в одном храме»³⁹⁰. После Стоглавого Собора приход стал центром религиозной жизни и существовал как религиозная община, вступавшая во взаимодействие с церковной властью, но не выполнявшая никаких светских функций, и в светском законодательстве не фигурировал³⁹¹.

В средневековой Руси положение духовенства не способствовало реализации духовных и нравственных задач, стоявших перед пастырем. По словам П.В. Знаменского, «бедное приходское духовенство, от всех зависимое, перед всеми безгласное, проходило через длинный ряд начальств всякого рода и оканчивая миром, приходской общиной. Здесь тоже нужно было всем угождать, чтобы мир не поднялся против своего пастыря, кланяться всякому мужику, потому что этот мужик кормил священника, следовательно, имел право величаться над ним, обращаться с ним как с рабом, а священник говорить против него ничего не смел»³⁹². За время, прошедшее с XVII до начала XX в., не изменились способы обеспечения духовенства, не изменилось и отношение к нему прихожан. «Оно было забито в темную среду простонародья, разделяло с этим простонародьем и его невежество, и все нравственные недостатки, и ничем не отличалось, по отзыву публициста того времени Петровского, от пахотных мужиков»³⁹³. Благодаря Петровским реформам, на духовенство были возложены новые обязанности. В церковной печати начала XX в. следующим образом оценивалось положение прихода в XVIII в.: «Жизнедеятельность прихода понижалась по мере того, как под влиянием сурового крепостного режима и возложения на

пастыря не соответствующих его сану полицейско-сыскных обязанностей, падал его пастырский авторитет, и порывалась нравственная связь с народом»³⁹⁴. Священник превращался в чиновника, выписывавшего справки, заполнявшего метрики, – крестьяне стали относиться к нему как к царскому чиновнику, воспринимая и его священнические обязанности как часть чиновничьих. К сожалению, иногда и сами клирики рассматривали свою деятельность именно так.

До середины XIX в. сельские клирики ограничивались по преимуществу выполнением своих непосредственных обязанностей, активно не вмешиваясь в жизнь прихожан, однако они руководили приходами, даже не проповедуя в храмах. Священник постоянно общался с прихожанами, в бытовой жизни должен был подавать им пример своим благочестием. Авторитет священника был очень высок: духовный сан и нравственное влияние на прихожан давали ему весомый голос в общественных делах. Он участвовал во всех делах общины, скреплял своей подписью общинные акты³⁹⁵. В конце XIX в. в новых социальных и экономических условиях ситуация изменилась. Духовенство, по мнению современников, «должно бы сбросить свою неподвижность, устраивать съезды, собрания, обмениваться мыслями, подыскивать лучшие способы и средства воздействия, по возможности завладеть прессой, наводнить страну библиотеками и читальнями известного содержания и т.п., не терять роли руководителя... В новейшее время мы отошли назад, потеряли разом две позиции: оставили общение с народом и через это лишились одного из важнейших средств воздействия на народ»³⁹⁶. Очень критично относился к положению и деятельности или, вернее, «бездеятельности» духовенства Василий Розанов. В статье «Вопросы русского труда» он обвинял священнослужителей, как это ни странно, не только в собственной бедности и неустроенности, но и в бедности их прихожан: «Само духовенство, под влиянием идеализма «нищенства», не только не может вызволить народ из слабости и лени, но и само никак не может выкарабкаться из ямы распущенности же, слабости и нерадивости... Так ленивое запавшее духовенство

живет бок о бок около ленивого, западающего народа. Эта картина, которой, кажется, доказывать не приходится. И оба они полюбили друг друга. И оба валятся в яму»³⁹⁷. О падении авторитета духовенства писали иерархи Церкви начала XX в., в частности, митрополит Вениамин: «Мы перестали [быть] «соленой солью» и поэтому не могли осолить и других. А привычки к прежним принципам послушания, подчинения еще более делали наше духовенство элементом малоактивным»³⁹⁸. Для владыки этот мотив был основным в определении причин духовного упадка общества начала XX в.: «Нисколько не удивляло меня ни тогда, ни теперь, что мы никого не увлекали за собою: как мы могли зажигать души, когда не горели сами?!» Слова митрополита Вениамина совпадают с мнением Благовещенского епископа Иннокентия: «Вот жалуются, что народ не слушает наших проповедей и уходит из храма, не дожидаясь конца службы. Да ведь чего слушать-то? Мы питаем его манной кашей, а люди хотят уже взрослой твердой пищи. Верно! Было общее охлаждение в нас. И приходится еще удивляться, как верующие держались в храмах и с нами? Но они были просты душой, нетребовательны к нам, а еще важнее, они сами носили в себе живой дух веры и религиозной жизни и им жили, хотя вокруг все уже стыло, деревенело»³⁹⁹.

В начале XX в. наблюдается повсеместный упадок приходской жизни. Современный приход, по словам митрополита Евлогия (Георгиевского), тогда, в 1905 г., епископа Холмогорского, – «это случайное собрание чуждых друг другу людей, которые изредка сходятся в храме, чтобы сейчас же разойтись из него в разные стороны и совершенно забыть друг друга... И в деревне уже глохнет, замирает церковная жизнь и заменяется фабрично-заводским легкомыслием и равнодушием к Церкви или же совершенным сектантским отчуждением от нее»⁴⁰⁰. Епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев) писал о современном ему приходе: «Приход в настоящее время превратился в случайное собрание различных лиц около своего храма, он стал только территориальной единицей, без всякого влияния на жизнь общества. Самым наглядным выражением упадка современного прихода служит весьма заметное

разъединение как между пастырем и пасомыми, так и членов прихода между собой»⁴⁰¹. Отношения между священнослужителями и паствой стали формальными. Архиепископ Литовский Никандр (Молчанов) достаточно точно оценивал характер взаимоотношений, сложившихся к началу XX в.: «Пастыри являются только совершителями богослужений и отправителями треб, но не духовными руководителями... пасомые, со своей стороны, равнодушно относятся к делам Церкви, и если обращаются к духовенству, то, большей частью, по побуждениям чисто внешним – за получением метрической выписи, предбрачных сведений или для совершения той или иной требы, необходимой по требованию гражданского закона»⁴⁰².

Уже в начале XX в. в среде современного духовенства делались различные попытки проанализировать причины слабой связи клириков с паствой и упадка приходской жизни. Например, автор статьи в «Московских церковных ведомостях» после революционных событий 1905 г. так объяснял причины этого недостаточного пастырского воздействия на прихожан: «Одни указывают материальную необеспеченность духовенства, другие – давление светской власти; третьи упадок авторитета духовенства объясняют тем, что епархиальное начальство чересчур строго поступает с духовенством и по малейшему случаю проводит дознания... Мы сами потеряли благочестие, мы остыли, за нами охладел и приход»⁴⁰³. В таком же ракурсе рассматривал упадок церковной жизни обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев, писавший о духовном упадке в народной среде и о вине пастырей: «Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. Для людей неграмотных Библия не существует; остается служба церковная и несколько молитв, которые передаются от родителей к детям, служат единственным соединяющим звеном между отдельными лицами и Церковью. И еще оказывается в иных глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего в словах службы церковной, ни даже в «Отче наш», повторяемом нередко с пропусками или прибавками, отнимающими всякий смысл у

молитвы»⁴⁰⁴. Подобную же точку зрения высказывал и владыка Вениамин (Федченков), вспоминая в 1950-е гг. события начала века: «На моей памяти мы не могли хвалиться чем-либо особым. «Служили» – так можно сказать. Бывали, правда, поразительные примеры святых людей. Почти в каждой губернии были свои маленькие «кронштадтские»: о. Василий Светлов в Тамбовской губернии, о. Николай – в Пензенской, о. Константин – в Симферополе и т.д. Но большею частью мы становились «требоисполнителями», а не горящими светильниками. Не помню, чтобы от нас загорелись души... Но не было (за исключением) и дурных типов. Только дух в духовенстве начал угасать. Правда, лучшие христиане не обращали на это внимания, крестились, венчались, хоронились у духовного «отца», но, пожалуй, отцами-то мы и переставали быть»⁴⁰⁵. Фактически Церковь превращалась в придаток государства, призванный выполнять его земные задачи. К горькому выводу приходил архиепископ Феодор (Поздеевский), рисуя картину русской церковной жизни: «Поражен пастырь: поражен духовно, поражена его внутренняя сила, его внутренние интересы... Бегут от пастырского служения на пути более приятные. Духовно-востязуемая идея пастырства заслоняется плотной идеей служения мирской общественности. Религия со степени небесности и спасительности сводится в плоскость государственности и чиновничества»⁴⁰⁶. Подобная ситуация наблюдалась не только в приходах Центральной России. Исследователь религиозной жизни Оренбургской епархии О.В. Никифорова пишет о внутренней разобщенности прихода, отсутствии единства между прихожанами и пастырями, «что выражалось со стороны прихожан в неуважительном отношении к священникам, а со стороны пастырей в невнимании к духовным нуждам своих пасомых»⁴⁰⁷.

Какое положение занимал священник в деревне? В данном случае социальный статус приходского священнослужителя еще важен с точки зрения самого духовенства и прихожан, преимущественно крестьян. Положение клирика обществом того времени оценивалось по-разному. В частности, митрополит

Вениамин, сам выходец из крестьян, писал: «С человеческой точки зрения, положение священника было и высокое, и доходное. Он был ниже лишь помещиков, но выше прочих; разве богатые управители почти равнялись ему, но и те были почтительны пред своим духовником. Таким образом, это служение было высшее, о чем мог мечтать член низшего сословия, включая даже и дьячков»⁴⁰⁸. Мотив «близости к простому народу» был любимой идеей обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Русские священники, подчеркивал обер-прокурор, «из народа вышли и от него не отделяются ни в житейском быту, ни в добродетелях, ни в самых недостатках, с народом и стоят и падают... Избави нас Боже дождаться той поры, когда наши пастыри утвердятся в положении чиновников, поставленных над народом, и станут князьями посреди людей своих, в обстановке светского человека, в усложнении потребностей и желаний посреди народной скудости и простоты»⁴⁰⁹. Современники иногда давали совершенно противоположные оценки духовенству, но важно подчеркнуть, что оно, с точки зрения самих клириков и церковной периодики, оказалось как бы чуждо другим сословиям общества. По своему положению оно приближалось к средним слоям, земским служащим, но по материальному обеспечению полностью зависело от крестьянства – часто приходской священник оказывался беднее крестьянского середняка, а диаконы и церковнослужители были близки к самым бедным крестьянским слоям.

Материальное обеспечение духовенства зависело во многом от личных качеств священнослужителя и от местных традиций, поэтому и было нестабильным. В статье «Церковного вестника», посвященной пенсионному обеспечению духовенства, один автор писал: «Наше сельское духовенство живет приходом, на его же попечение оставляет осиротевшие семьи... и если в приходе жива еще память о покойном, если он сумел приобрести любовь и расположение паствы, то эта милостыня, в виде куса праздничного пирога, пары яиц и ложки масла охотно подается тем, у кого еще не успели увести со двора последнюю корову в уплату накопившейся недоимки»⁴¹⁰.

Уже в конце XIX в. появилось много статей о тяжелом положении сельского духовенства, однако на сегодняшний день невозможно представить целостную картину по данной проблеме из-за отсутствия связи по данным разных регионов и их спорностью.

В начале XX в. церковная жизнь превратилась в формальность – она фактически «сводится к ежегодному говению, исповеди и причащению великим постом», – писал «Церковный вестник»⁴¹¹, отсюда и формальное посещение храма, и восприятие священника лишь как исполнителя треб. Об изменении отношения к духовенству писали и сами священники. В «Церковных ведомостях» приводилась статья священника Н. Доброхольского «Большой вопрос в нашей церковноприходской жизни», в которой он писал об изменившемся отношении прихожан к своим пастырям: «В последнее время под влиянием почувствованной свободы, а больше всего под воздействием разных агитаторов и проходимцев, старавшихся вооружить прихожан против духовенства, добрые, доверчивые и почтительные отношения к своему духовному отцу – священнику сменились совершенно иными; прихожане стали относиться к духовенству недоверчиво, подозрительно, иногда враждебно»⁴¹². Так представители духовенства начала XX в. пытаются объяснить сложившуюся ситуацию. Изменение отношения к клирикам проявилось во всем: как в падении его авторитета и снижении воздействия на общество, так и в ухудшении материального обеспечения духовенства, о чем было сказано выше. По словам священника Н. Доброхольского: «Во многих приходах крестьяне, до сих пор свято и нерушимо хранившие свои стародавние обычаи, теперь начали ломать и изменять их, начали уменьшать плату за требы: одни – объясняя это своей бедностью, другие – прикрываясь тем, что Церковь у них бедная, что нужно поэтому часть причтовых доходов уделять на Церковь»⁴¹³. Наглядным примером таковых отношений служат прошения духовенства и дела, разбиравшиеся Духовной Консисторией, о взаимоотношениях между клириками и прихожанами. Крестьяне и духовенство имели несколько отличные представления об

иерейском служении. Священник Борис Назаров церкви Знаменской села Ильинского Коломенского уезда обратился в 1908 г. с просьбой о переводе на другой приход. Кроме объяснений об отсутствии в приходе дома для священника, о. Назаров приводил следующий мотив: «Прихожане, несмотря на все мои старания и все искреннее желание, относятся ко мне недружелюбно и недовольны мною. Доказательством их нежелания вообще заботиться о своем храме служит церковный староста. Он летом в будни к службе не является и не звонит, ссылаясь на полевые работы, но и осенью он также не звонит. На то, чтобы не звонить, он имеет приговор от сельского общества... Потому служба у нас была без звона... Я завел вечерни по воскресным дням и после оных беседы, но никто не явился. В службу в субботу за обедней и панихидой никого до сих пор не бывало... За праздничной обедней народу также бывало мало... Когда говоришь проповедь, то многие уходят совсем и остаются недовольны, что я говорю проповедь или читаю какой-либо акафист»⁴¹⁴. Церковное начальство поощряло активную проповедь духовенства, частое совершение церковных служб. Крестьяне руководствовались условиями сельского быта – для них важным было не регулярное совершение Литургии, а только службы в особо почитаемые ими праздники, совершение молебнов и треб.

Через Московскую духовную консисторию за период 1903–1913 гг. прошли две сотни дел, возбужденных по жалобам и доносам прихожан на своих священников. В Московской епархии было в среднем 1200 священнослужителей, и при учете ушедших за штат и вновь рукопоженных получалось, что примерно на каждого седьмого священнослужителя подавалась жалоба. Данный материал дает уникальную возможность взглянуть на взаимоотношения прихожан и духовенства с разных сторон. В делах сохранились жалобы крестьян на священнослужителей, расследование и отчеты благочинных и духовных следователей, объяснительные клириков. Прихожане доносили властям на духовенство и раньше: в XVII в. жалобы на пьянство, драки, брань, воровство были столь часты, что митрополиты обычно даже не назначали расследование, а

доверяли челобитчикам и отстраняли дурно зарекомендовавшего себя клирика⁴¹⁵. Но в начале XX в. приход изменился, и после расследования многие жалобы оказывались ложными. Наиболее распространенными были доносы со ссылками на пьянство, грубость, вымогательство, оскорбление прихожан, буйство священно- и церковнослужителей. Недовольство священником могло вызвать обвинение его в неисполнении своих обязанностей; часто причиной жалоб служили не проступки клирика, а его разногласия со старостой, споры из-за оплаты или просто нерасположение к нему. Важной фигурой в приходе являлся церковный староста, как правило зажиточный и имевший авторитет среди крестьян. Именно он и оказывался инициатором жалоб на клирика. Предметом разногласий служили вопросы управления приходом, строительства, церковного хозяйства, доходов, а иногда личность самого старосты, выбранного прихожанами. Например, церковный староста московской Богородицкой в Марьиной роще церкви написал жалобу на священника по причине того только, что тот к нему нерасположен. Свящ. К. Озерецкий сделал последнему замечание о грубом обращении с детьми в церкви. Староста в свою очередь обвинил священника в грубости и пьянстве⁴¹⁶, поскольку чувствовал себя в храме полноправным хозяином и отрицательно относился к вмешательству священника в свои хозяйственные дела. Староста села Рождествена-Суворова Андрей Лебедев подал жалобу на приходского священника Димитрия Колосова. Последний якобы мешал рабочим ставить новую ограду, предлагал отслужить молебен и обозвал старосту жуликом. Жалоба была оставлена без последствий, так как староста зарекомендовал себя как человек очень грубый, пьющий, затеявший дело с целью отомстить священнику⁴¹⁷. Иногда конфликт священника со старостой делал жизнь клирика невыносимой. Священник села Колычева Звенигородского уезда Александр Соколов просил о переводе на новое место, мотивируя свой поступок не материальными выгодами, а разногласиями с церковным старостой, который вел себя в церкви как хозяин, не обращал внимания на замечания священника. По словам о. Соколова,

староста судился с его предшественниками и собирается, по-видимому, судиться и с ним⁴¹⁸.

Когда крестьян переставала устраивать плата за требы, они могли обвинить священника в вымогательстве. В данном вопросе клирик оказывался наиболее уязвимым, так как формально не имел права требовать плату за совершение Таинств, а мог рассчитывать на добровольную благодарность, размер которой законодательно не определялся. Доходы духовенства состояли больше чем на половину из этой добровольной «благодарности», что в новых условиях не могло не приводить к ссорам. Крестьяне, почувствовавшие дух свободы, стали хуже относиться к своим пастырям, старались платить как можно меньше, и это сказывалось на материальном положении клириков, обостряло их отношения с прихожанами. Преосвященный Петр, епископ Смоленский, писал: «Так называемые доброхотные подаяния в одних местах незаметно переходят в вымогательство и становятся предметом и источником недоразумений и судов между пастырями и пасомыми, а в других – обрекают семью священника на бедность и всевозможные лишения; в обоих же случаях правоспособных лиц, получивших специальное богословское образование, вынуждают искать иного пути в жизни»⁴¹⁹.

Характерным примером жалобы прихожан на вымогательство служит дело свящ. Лихарева. В 1908 г. прихожанин Троицкой церкви села Захарова Клинского уезда некий Никонов подал донос на священника Алексея Лихарева, 69-летнего старика, прослужившего в церкви 38 лет, из них священником – 18. Никонов обвинил его в вымогательстве, несовершении заздравных Литургий по праздникам, в неточном исполнении служб. Расследование показало, что крестьянин возбудил дело из-за обиды на священника, так как тот когда-то отказался подписать его развод и не дал денег на водку⁴²⁰. В селе Старая Ситня Серпуховского уезда крестьяне обвинили в вымогательстве священника, который отказался провожать покойницу до кладбища и как будто требовал 3 руб. 50 коп. Расследование показало, что родственники не оплатили отпевание, оставили умершую в храме и ушли, а церковному

старосте пришлось нанимать носильщиков и платить им из церковных денег. Обвинение было снято⁴²¹. Отец Чекалов пишет в объяснительной относительно своих прихожан: «А вообще говоря, служа 14 лет в должности священника, приходится убедиться, что служить в Ситне очень трудно. Вероятно, поэтому священники и не жили тут подолгу. Много мне пришлось перенести неприятностей от бывшего церковного старосты... которого с большим усилием мне пришлось удалить от должности по причине его бесполезности для Церкви... я и сам желал бы удалиться из этого кляузного прихода»⁴²². Сам же отец Чекалов, согласно доносу 1904 г., обвинялся прихожанами в том, что «вымогает с прихожан деньги за «самые пустячные» труды (например, выдача метрик); жалуется на прихожан то волостному суду, то земскому начальнику... в школе с учениками обращается далеко не гуманно... к церковной службе и обрядам Православной Церкви относится более чем халатно и без всякого уважения к святыне... крестьянку Параскеву Савельеву не стал исповедовать за то, что она дала за исповедь только 3 копейки...» Священник, в свою очередь, жаловался на церковного старосту, «что тот уже 7 лет ведет интриги против него, священника Чекалова, возмущает прихожан... отменяет его, священника, распоряжения, оскорбляет дома и в церкви... за Литургией...», даже был приговорен к штрафу за оскорбление в размере 25 руб. Из всех обвинений на отца Чекалова было подтверждено только то, что тот «в некоторых случаях позволял себе требовать плату за требы, которые обязан был исполнять бесплатно». Священник был за это подвергнут штрафу в размере 25 руб., а староста получил предупреждение⁴²³.

Распространенными оказывались обвинения духовенства в неисполнении «служебных обязанностей», сами по себе очень расплывчатые, подразумевавшие, очевидно, небрежности в службе, такие, как несовершенство молебна в праздник, ошибки при совершении богослужения, возможный отказ или ошибку при выдаче и заполнении различных метрических выписок. Расследование показывало и другие причины доносов, когда прихожане и священник, например, не могли договориться об

оплате. С жалобой на своего приходского священника Сергия Афанасьевского обратились крестьяне деревни Ширина Можайского уезда: он отказался служить молебны на Светлой неделе. Из допроса выяснилось, что, когда о. Афанасьевский приехал в деревню для молебствования, крестьяне собрались и долго обсуждали в присутствии священника, стоит ли давать ему подводу и сколько платить за требы. Молодой священник, получив за службу 30 коп. вместо 70 и замечание «попам-дармоедам совсем не надо платить за их слепую службу», уехал⁴²⁴.

Если священник чем-либо не устраивал прихожан, они стремились от него избавиться с помощью постоянных кляуз. Например, крестьяне села Торбеева Дмитровского уезда подали на своего священника жалобу о неисполнении им служебных обязанностей и вымогательстве. Следствие показало, что отец Мячиков ничего не вымогал и обязанности свои исполнял исправно. По словам духовного следователя свящ. Николая Любимова, нерасположение к нему прихожан «возникло вследствие того, что свящ. Мячиков... во всем держится порядка». После окончания расследования крестьяне снова подали прошение: «Священник и поныне наносит нам оскорбления». Тогда отца Мячикова перевели на другое место⁴²⁵. Священника могли обвинить в неблагоповедении, пьянстве или грубости. Молодого 34-летнего вдового священника Алексея Погожева (с. Битягово, Подольский уезд) крестьяне обвинили в неблагоповедении: «...не совершает богослужения и сам признает себя больным, а жизнь ведет веселую, в своем доме имеет трех прислуг для увеселения». Священник Погожев не служил по болезни ног, в доме у него жила взятая на воспитание из многодетной семьи девочка, которую навещала ее мать – их недоброжелатели и посчитали прислугой. Дело было затеяно церковным старостой – мельником из-за вражды к священнику: он «за водку и угощение» подговорил крестьян написать жалобу на о. Погожева⁴²⁶. Крестьяне села Дмитровского-Александровского Звенигородского уезда в 1911 г. подали жалобу о «неблагоповедении» на своего нового диакона Димитрия

Лебедева, прослужившего псаломщиком 30 лет и рукоположенного в диаконы девять месяцев назад. Крестьяне писали следующее: «Диакон Димитрий Лебедев, получил сие место и сан 25 июня 1910 года, до получения сана диакон Лебедев был весьма уважаемый, а получив сие место, стал весьма грубо обращаться с прихожанами... стал до невозможности вынуждать платить за церковные требы. Совершал богослужения, служил один панихиды, молебны, выносил покойников и даже похоронил свою сестру в церковной ограде»⁴²⁷. После разбирательства духовный следователь сообщал: «Жалобщики уличили диакона Лебедева в грубом обращении, а при допросе дознания они отказались от своих слов, говоря, что «он, Лебедев, стал только держать себя с достоинством, но оскорбления от него никто не получал». Очевидно, что жалобщики не умеют различать человека, поддерживающего достоинство сана, с человеком приниженным и безгласным, какими в большинстве бывают всегда псаломщики. Сознание ответственности диакона показалось жалобщикам гордостью... За требы брал столько же, сколько и при перемещении священника. Служил утрени и молебны в подражание своим предшественникам»⁴²⁸. Данное обвинение осталось без последствий, ибо было расценено как недоразумение, возникшее между крестьянами и их клириком, что и разъясняет духовный следователь.

Распространенным видом доносов оказывались жалобы на нетрезвое поведение священнослужителей. Прихожане села Рыбалова Бронницкого уезда подали в 1904 г. прошение об удалении от них священника Николая Уклонского «за нетрезвость и немирлолюбие». После расследования выяснилось, что отец Уклонский действительно «непокойный», и с него взяли подписку о примирении с клиром. Обвинения в нетрезвости оказались ложными, добавленными, по-видимому, для весомости просьбы⁴²⁹. Крестьянин Берлюков села Дятлова Подольского уезда в 1905 г. подал жалобу на своего приходского священника. По его словам, отец Алексей Беляев в пьяном виде таскал материал для ремонта церкви к себе во двор, после замечания дал пощечину Федору Берлюкову, а

материал переломал. В деле показательны отношения между крестьянином и его приходским священником. Берлюков неоднократно отбывал наказание за преступления и во время следствия также сидел в тюрьме города Подольска за оскорбление отца Беляева. Священник писал: «От него мне и моему семейству совсем стало жить невозможно: напьется до безумия и, не обращая внимания на время, – в полночь и за полночь – подходит к дому и начинает всячески непечатными словами позорить меня и матушку, доводя матушку всегда до слез... и, выйди только я или матушка к нему, он бросит чем попало». Интересно также и оправдание себя отцом Беляевым: «Что касается моего поведения в храме или при исполнении треб, то пьяным меня никто не видел, да у нас разве можно напиться – сейчас же донесут, у нас народ весь злобный»⁴³⁰. Крестьянин Комаров подал жалобу на священника села Вышегорода Верейского уезда Георгия Воздвиженского (1905–1906): «...о. Воздвиженский, будучи в полной своей одежде и при... священническом кресте на шее в нетрезвом виде сшиб меня с ног кулаком и лежащему начал наносить удар за ударом кулаком и ногами, выражаясь площадной бранью»⁴³¹. В объяснительной священника эта история выглядела по-иному: «Маляр Тимофей Комаров, придя за расчетом по окончании работ, не только не был избит, но не получил никакого оскорбления и словом, и я только просил его, пьяного, уйти и не возмущать меня своим нахальством», поскольку Комаров просил еще раз деньги за выполненную работу⁴³². Жалобу крестьянина оставили без последствий как неосновательную. В пьянстве и вымогательстве обвиняли крестьяне деревни Каменки Богородского уезда своего священника Василия Крылова. Обвинения были оставлены за недоказуемостью⁴³³. Прихожане села Воскресенского подали прошение «с жалобой на местного священника Сергея Успенского о неправильном расходовании им церковных денег и о том, что он позволяет себе в пьяном виде играть на гармонике и плясать в домах прихожан»⁴³⁴. По словам благочинного, «письменные объяснения священника Сергея Успенского и допросы... прихожан обрисовали дело в следующем виде: жалоба на

священника Успенского была вызвана подстрекательством в 1910 г. местного псаломщика (теперь заштатного) Смирнова, весьма неблагонадежного в поведении человека. Находясь всегда почти в пьяном виде, он не мог принимать замечания и выговоры от отца Успенского за свое поведение как нечто заслуженное им, а всегда оскорблялся ими и всегда старался распространять о нем слухи, подрывающие его пастырский авторитет. Усилия псаломщика Смирнова достигли своей цели: ему удалось подговорить трех-четырех прихожан написать кляузу и подписать ее, взваливая на священника свою нетрезвость...» Священник же не только не пил, но даже в 1909 г. открыл приходское общество трезвости⁴³⁵. К подобным жалобам могли приводить бытовые ссоры. Крестьянка Балалайкина г. Серпухова подала жалобу на диакона Ивана Соколова, который, по ее словам, находясь в нетрезвом виде, ее избил. На основании донесения благочинного свящ. Сергея Боголепова жалоба была отклонена, так как о. Соколова пьяным никто никогда не видел, истица сама пришла и стала ругаться с диаконом, тот вывел ее из своего дома и запер дверь. Что побудило Балалайкину на такой поступок и из-за чего она ругалась, Консистория не расследовала⁴³⁶. Непонятны мотивы прихожан Успенской церкви села Вышегорода, Верейского уезда, жаловавшихся в 1911 г. на священника Алексея Златоустова. В донесении они писали, что отец Алексей Златоустов, 42-летний вдовец, отец пятерых детей, выпускник семинарии, прослуживший священником 20 лет, брал много за требы, пьяный приходил служить, торговался из-за платы за требы, не служил молебны⁴³⁷. Допрос показал, что «многие крестьяне подписывались под прошением, его не читая, и не знают, почему подписались»; обвинение в пьянстве, в котором его во время дознания никто не уличил, оказалось клеветой⁴³⁸.

Обвинения в нетрезвости священнослужителей, как правило, были ложными и оставлялись без последствий, но они оказывались столь распространенными, что в их опровержение «Церковные ведомости» в 1908 г. опубликовали данные по духовенству, обличенному в пьянстве⁴³⁹.

Годы	Общее число духовенства	Духовенство, замеченное в пьянстве	Процент от общего числа
1900	63 420	324	0,51
1905	65 534	314	0,48
1907	67 110	339	0,51

Приведенные цифры являлись официальной статистикой по всей Российской империи и наглядно демонстрировали, что процент священнослужителей, подверженных этому пороку, был очень невысок и стабилен: он практически не менялся на протяжении начала XX в. Среди прочих сословий духовенство оказывалось на последнем месте по количеству совершаемых преступлений и пьянству⁴⁴⁰.

Иногда жалобы могли быть вызваны слишком резким поведением священнослужителей. 18-летний крестьянин Григорий Дементьев обвинил священника В. Счастьева в том, что тот назвал его, Дементьева, мерзавцем и не дал целовать крест после службы. Отец Счастьева объяснил свое поведение тем, что неоднократно и безуспешно просил Григория не разговаривать во время богослужения. Тогда священник был вызван в присутствие, где получил разъяснения, «как нужно поступать в подобных случаях, чтобы не вызывать соблазна»⁴⁴¹. Крестьяне Московского уезда села Всехсвятского принесли в 1910 г. жалобу на своего священника Сергия Лебедева, которого обвиняли в интригах против клира, давлении на прихожан при выборах церковного старосты, отказе причащать умирающих, частых отлучках. Интересно объяснение крестьянина, почему он это сделал: «Подпись же моя под жалобой на него сделана мною совершенно бессознательно, так как я подписывался, как и другие, не придавая значения»⁴⁴². Следствие прекратили, поскольку обвинения не имели под собой почвы. Староста обратился с телеграммой о прекращении дела, так как прихожане, недавно обвинявшие священника, собирались поднести ему за труды икону.

Разногласия между клиром и прихожанами возникали по земельным вопросам. Священник Иоанн Богоявленский Успенской церкви села Стромьни Богородского уезда обратился к епархиальному начальству с просьбой о переводе. Клер

больше 13 лет судился с прихожанами о церковной земле, и дело духовенство выиграло, что привело к нескончаемым оскорблениям и притеснениям его со стороны прихожан. «Тот скот мой изгоняется из мирского стада, то сено мое, сгребенное на полосах церковной земли, сжигается крестьянами... А в ночь на 3 августа 1915 года от поджога сгорел сарай мой с сеном и сельскохозяйственными принадлежностями, и я терплю убыток на 500 рублей»⁴⁴³. Землевладелец Сабинский подал жалобу на диакона Патокина за нанесенные оскорбления. Причины вражды между клириком и прихожанином делом выявлены не были, но среди причиненных ему неприятностей диакон назвал проведение Сабинским на землю причта сливной канавы и запрет пускать в стадо скот, принадлежавший клиру. Дьякону Патокину было рекомендовано не общаться с Сабинским, чтобы не продолжать ссору⁴⁴⁴.

Крестьяне, иногда ссорясь и враждуя со священником, тем не менее не всегда желали его удаления, а лишь стремились отстоять свои материальные выгоды. Примером может служить дело о замещении вакансии священника в селе Ильинском Коломенского уезда. Для перевода на приход был назначен священник села Нового Коломенского уезда Константин Соколов. Он подал прошение об оставлении на старом месте: «Недоразумение, возникшее между прихожанами и мною по поводу ремонта занимаемого мною церковного дома, заставило меня утруждать Ваше Высокопреосвященство просьбой о переводе меня в село Ильинское, того же уезда, куда и благоугодно было вашему Высокопреосвященству перевести меня. Прихожане села Нового, сознав необходимость ремонта, оштукатурили внутри дом и перестроили двор и просили меня ходатайствовать перед вами об оставлении меня на прежнем месте»⁴⁴⁵. Вместо отца Соколова был переведен священник села Дарны Звенигородского уезда Александр Добронравии, но и он просил епархиальное начальство оставить его на прежнем месте: «В настоящее время, благодарение Богу, прихожане вразумились и, услышав о моем желании оставить их, выразили сожаление и желание любовно сойтись в спорном деле и изъявили согласие платить ругу»⁴⁴⁶.

Консистория была поставлена в двойственное положение, поскольку не стремилась прекратить практику тщательного расследования всех поступающих жалоб – для церковных властей добропорядочное поведение священнослужителей было очень важно, и не все донесения оказывались безосновательными. Справедливые жалобы зачастую вразумляли и клириков. Например, прихожане села Сапрунова Серпуховского уезда подали на 62-летнего священника Раевского жалобу на его нетрезвое поведение, грубость и препирательство со старостой. Вразумленный благочинным отец Александр «пить стал меньше и с прихожанами ласковее»⁴⁴⁷. Если сведения, поданные в жалобах, подтверждались, священнослужителя или подвергали штрафу, или отправляли в монастырь на покаяние, а в особо тяжелых случаях запрещали в служении или отстраняли от прихода. На священника Николая Климентова подали донесение прихожане и старший священник в связи с его неисправностями по службе о том, что он уклонялся от совершения треб, молебнов, стриг волосы и небрежно исповедовал по 200 человек за час, лишь читая над ними разрешительную молитву. Иерей Климентов был отстранен от прихода⁴⁴⁸. За пьянство и грубость был отправлен в монастырь на двухмесячное покаяние священник Николай Виноградов, хотя сам он свою вину отрицал⁴⁴⁹. Консистория не стремилась подвергать священнослужителей строгим наказаниям, тогда как благочинные и духовные следователи пытались найти объяснения поступкам клириков: запрет в служении за серьезные проступки мог ввергнуть провинившихся и их семьи в глубокую духовную беду и нищету.

За 1903–1904 гг. в архиве Московской консистории хранится 41 дело по жалобам прихожан сельских храмов на своих клириков, 15 из них остались без последствий за их недоказанностью или из-за уличения истцов в клевете. За 1905–1907 гг. из 61 прошения 31 не нашло подтверждений. Необходимо учитывать, что в советское время из описей было списано на уничтожение несколько сотен дел только по этому периоду, но и сохранившиеся рисуют яркую картину отношений крестьян со своими пастырями. Всего же в архиве Московской

Духовной Консistorии за период 1904–1913 гг. сохранилось 200 дел по жалобе прихожан на священнослужителей; 109 из них после расследования были признаны ложными. Немаловажно, что несправедливых жалоб на священников было 91, а подтвердившихся – 61. В недостойном поведении, грубости, пьянстве чаще бывали замечены диаконы.

Таким образом, на основании изучения дел архива Московской духовной консистории можно сделать выводы о характере отношений крестьян к приходскому духовенству в рассматриваемый период. Примерно половина всех жалоб на священнослужителей после расследования была снята за недоказанностью. Жалобщики подавали прошения, так как сами почти всегда оставались безнаказанными, но доставляли клирикам неприятности уже самим фактом разбирательства и следствия. Самыми распространенными были доносы на пьянство клириков: они, как правило, дополняли список обвинений в отношении священнослужителей и часто были ложными. Столь же многочисленными оказывались обвинения в вымогательстве, в чем священнослужители всегда были особенно уязвимы, так как вознаграждение за требы не было обязательным и его размеры нигде не фиксировались. Добровольные пожертвования, размеры которых складывались на основе местной традиции, как правило, составляли основной доход большинства клириков. Крестьянину же и в голову не приходила мысль обеспечивать свой причт в целом: он видел в нем лишь представителей чиновничьего мира, а копеечные, но многочисленные платы за мелкие требы создавали представление о том, что духовенство богато. Чтение молитв казалось ему столь легким и быстрым, особенно по сравнению с трудом крестьянским или работой на фабрике, а результаты оказывались настолько неосязаемыми, что платить за них как можно меньше или не платить совсем не считалось зазорным. Складывалась парадоксальная ситуация, когда крестьяне, с одной стороны, еще не мыслили себя вне церковной традиции, но с другой – уже считали себя вправе решать судьбу храма и священника, который, по их представлениям, был обязан совершать все необходимые Таинства и не имел права отказать

не только в силу христианской морали, но и государственных законов. И тогда любое разногласие со священником могло вызвать не всегда обоснованные крестьянские жалобы, сам факт которых становится знаменательным для наступающей эпохи. И клирики в свою очередь оказывались зависимыми от сложившейся ситуации: «Духовенству приходится переживать много унижения и страдания от предания суду по самому ничтожному случаю: сплошь и рядом священник подпадает под следствие, навсегда роняющее его авторитет в глазах прихожан по анонимному доносу или простой устной клевете»⁴⁵⁰, – говорилось в записке, поданной в 1915 г. обер-прокурору А.Д. Самарину. Церковь уже не могла в полной мере играть роль силы, способной остановить революционную и антигосударственную пропаганду.

Заключение

В начале XX в. проблемы, стоявшие перед Церковью и, в частности, перед приходским духовенством, начали открыто обсуждаться в печати. Церковь в лице своего духовенства не имела глубокого, повсеместно укорененного авторитета среди паствы. Можно назвать много причин сложившейся ситуации, а среди них и недостаточное обеспечение клириков, приводившее к возникновению многочисленных конфликтов с прихожанами, и происходившие в жизни деревни изменения: рост числа отходников, переносивших в деревню городские традиции, и исторически сложившаяся и законодательно подтвержденная замкнутость духовенства, имевшая своим следствием фактическую отчужденность его от других слоев общества. Не относившийся к духовному сословию человек, посвятив себя служению Церкви в духовном сане, лишался всех прав прежнего звания, а выход из духовного сословия влек за собой лишение всех наград и привилегий. При недостатке средств клирики имели преимущества при обучении детей в духовных учебных заведениях, но по окончании семинарий выпускники должны были устраиваться на службу по духовному ведомству или выплачивать определенную сумму за свое образование, поэтому представители духовенства стремились дать детям светское образование, чтобы у них была возможность дальнейшего поступления на государственную службу.

Священнослужители по-разному относились к своему пастырскому долгу. Одни пользовались уважением среди прихожан, другие становились священниками в силу традиции, обстоятельств и безвыходности положения. Духовенство, помимо своего пастырского служения, было перегружено множеством чиновнических обязанностей. А государство, возлагая на клириков функции статистиков и чиновников, фактически занимавшихся делопроизводством актов гражданского состояния, не могло содержать их на должном материальном уровне. В плане обеспечения клирики полностью зависели от своих прихожан. Лишь немногие наиболее бедные

храмы получали жалованье от казны; земля хотя и была обязательно приписана к храмам, но не приносила достаточной прибыли. Единственным постоянным доходом священно- и церковнослужителей были пожертвования прихожан, а материальная зависимость от них клириков при бедности крестьянства приводила к постоянным и неизбежным конфликтам.

По своему статусу и образованию духовенство по сравнению с крестьянством занимало более высокую социальную ступень, причисляя себя к обществу учителей, врачей, земских деятелей, относясь по роду занятий к чиновничеству. Но условия быта духовенства заставляли и крестьян и духовенство постоянно сравнивать условия крестьянского и священнослужительского существования, что приводило к никогда не разрешимым противоречиям. В отличие от положения служащего, финансово священнослужителя обеспечивали не государство или земство и даже не община в целом, а каждый крестьянин в отдельности. Поэтому в материальном плане духовенство не могло ориентироваться на другие структуры. Священники постоянно говорили и писали о своей бедности, а крестьяне (их прихожане), чьи жизненные потребности были иными, постоянно упрекали своих пастырей в жадности и скупости. Например, большую часть своего дохода клирикам приходилось тратить на образование детей, что для крестьянства не являлось насущной необходимостью. На обучение одного ребенка клирик вынужден был расходовать 150–250 руб. ежегодно, тогда как в семье было, как правило, 5–10 детей, и образование стремились дать не только мальчикам, но и девочкам. Рукоположение в сан было возможно только при наличии у ставленника образования; выпускники семинарий, ожидая подходящего места, работали учителями в школах церковного ведомства или чиновниками. Неустроенные дочери священнослужителей также становились учительницами в земских или церковно-приходских школах, поэтому больше половины всего дохода семей духовенства тратилось на образование.

Причины изменения отношения к духовенству зависели от перемен, происходивших в деревне. Наглядно это видно по процессам, характерным для промышленно развивавшихся районов, например для Московской губернии. В начале XX в. в России шел процесс развития индустриального общества, происходил рост рабочего класса, активно разворачивалась революционная пропаганда, что приводило к разрушению привычного крестьянского быта, а вместе с ним и традиционного мировоззрения. Наблюдался резкий упадок нравственности в деревне и городах: росло число незаконных сожительства, аборт, незаконнорожденных детей, процветало хулиганство, преступность, пьянство. Эти явления, очевидно, были несовместимы с православной верой и христианской нравственностью. Отношение крестьян к Церкви становилось все более негативным, в нем начали преобладать не только экономические, но и идеологические мотивы. Публицистика и художественная литература часто с невероятными преувеличениями описывали все отрицательные черты церковного быта, на страницах изданий появлялись фантастические по своему безобразию типы церковных деятелей. Либеральная и революционная пресса начала активную кампанию по дискредитации Церкви, ее влияние распространилось на деревню и охватило крестьянское общество. В данной ситуации пастырь становился фигурой очень уязвимой, поскольку, имея духовную власть, сам зависел от своих прихожан. Основными поводами для новых конфликтов оказывались материальные разногласия, когда крестьяне жаловались на неисполнение священниками своих обязанностей. Воспользовавшись ничтожным поводом, прихожанин мог подать донос на приходского священника, диакона или псаломщика. На основании таких обращений, зачастую анонимных, начиналось консисторское расследование, при котором клирик должен был доказывать несправедливость возводимых на него обвинений. Даже при полной абсурдности доноса и его недоказуемости сам факт расследования и подозрения бросал тень на репутацию священника. Если в XV-XVII вв. духовная власть очень внимательно относилась к

доносам на клириков и карала их по факту жалобы даже без суда, то в начале XX в. более половины прошений с жалобами на священнослужителей, оказываясь необоснованными со стороны прихожан, оставались после расследования за недоказанностью обвинения без последствий. Церковная власть внимательно подходила к расследованию жалоб, пыталась вразумлять клириков при маловажных проступках, дабы не допустить совершения ими больших провинностей, старалась не только проверить истинность обвинения, но и найти причину предосудительного поступка. Безусловно, нельзя сказать, что все обвинения были лживыми, однако очевиден и тот факт, что доносы стали распространенной формой мести клирикам со стороны крестьян. Ведь по каждому заявлению назначалось следствие, и положение священника оказывалось критическим: практически любого священника прихожане могли заставить бедствовать или «уличить» в вымогательстве. Следствием данной ситуации было замирание приходской жизни, пастырь не был, как правило, учителем и обличителем народных пороков.

Единственно возможный выход из создавшегося положения духовенство – как клирики, так и высшие иерархи – видело в переходе на фиксированное государственное жалованье. Его размер был уже определен – все военное духовенство получало плату от государства и считалось хорошо обеспеченным. Причина введения жалованья состояла не только в том, что прихожане по своей бедности не имели возможности прокормить священнослужителя, но и в том, чтобы сделать клир финансово независимым от крестьян, чтобы не вставал вопрос оплаты Таинств и треб. Однако в начале XX в., вследствие внутренних и внешних проблем, Российская империя не смогла реализовать данную программу.

Возможно, действенным способом нормального материального существования Церкви могло быть ее отделение от государства, которое освободило бы духовенство от государственных обязанностей, но сохранило отношения покровительства к Православию как к вероисповеданию большей части населения страны и монарха, поскольку к началу

XX в. представления о Церкви все больше подменялись представлениями о государственном институте по выполнению духовных запросов. Для большинства крестьян вера была частью культуры, быта, обычаям: уходя в города, расставаясь с привычной обстановкой своей жизни, они расставались и с верой, которая для них ассоциировалась только с привычными формами традиции и образами приходского храма. Современники надеялись, что восстановление прихода может привести к возрождению церковной жизни, но вера в крестьян в сложившейся ситуации была минимальной. Часть общественности начала XX в., идеализируя прошлое России, стремилась возродить «Святую Русь», что было невозможно.

Революция принесла радикальные перемены: сменилась власть, идеология, само государство стало другим – в этой ситуации Церковь перестала определять жизнь общества и новой страны в целом. Наглядным подтверждением тому стала антирелигиозная политика советской власти, кампания по изъятию церковных ценностей, уничтожение почти всего епископата, закрытие духовных учебных заведений. К 1933 г. в Московской епархии осталось 87 действующих храмов, тогда как в начале XX в. их было около 1500 (вместе с кладбищенскими и монастырскими), что составляло 6 % от дореволюционного числа. Политика советской власти по отношению к Церкви вызывала протест части населения страны, но гораздо большее число граждан было равнодушно к вере, а многие заняли открыто антирелигиозную позицию, поддерживая своим участием деятельность союза «воинствующих безбожников». Причины трагедии 1920–30-х гг. кроются еще и в положении Церкви в Российской империи, когда во второй половине XIX в. в общественной жизни страны произошли различные реформы: отмена крепостного права, создание земств, преобразования в сфере суда и армии, – и только в Церкви вопрос о реформах был поднят лишь в начале XX в., но в новой политической ситуации прежние проблемы были уже практически неразрешимы.

Список сокращений, принятых в тексте

ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

Источники

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 550. Оп. 1. Д. 513–515 (Дневник митр. Арсения [Стадницкого]).

ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 316 (Протоколы заседаний Отдела о церковной дисциплине. 1 сентября 1917 – 17 сентября 1918 гг.).

ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 577 (Протоколы и материалы Предсоборного Совета). ДАТЫ

ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 578 (Журналы и протоколы заседаний отделов Предсоборного Совета).

Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 203 (Фонд Московской Духовной Консистории):

Оп. 477. Д. 27. Прошение прихожан с. Всесвятского Московского уезда, о воспреещении их односельцу крестьянину Егору Иванову Салову участвовать в их приходских выборах церковных старост. Март-апрель 1907 г.

Оп. 477. Д. 28. Прошение прихожан Георгиевской на Глинках в с. Игнатееве церкви Богородского уезда Карповской волости об устранении крестьянина Антона Еремина от должности учетчика над церковным старостой. Февраль-июнь 1907 г.

Оп. 478. Д. 1. О назначении на должность, увольнении с должности, переводе на другое место. 1907 г.

Оп. 478. Д. 100. О снятии сана со священника Петропавловской церкви Рузского уезда.

Оп. 480. Д. 1. О рассмотрении прошений разных лиц на должность.

Оп. 480. Д. 6. Об увольнении за штат священника Троицкой села Круглина церкви Дмитровского уезда Ильи Садикова и о замещении его места. 1910 г.

Оп. 480. Д. 7. Об увольнении за штат священника Спасской г. Дмитрова церкви Николая Соловьева и о замещении его места. 1910 г.

Оп. 480. Д. 8. О перемещении священника Богородицерождественского погоста Якотского церкви

Дмитровского уезда Александра Русинова на службу в Рязанскую епархию и о замещении его места. 1909–1910 гг.

Оп. 480. Д. 9. О замещении священнической вакансии при Николаевской села Лунина церкви Звенигородского уезда. 1910 г.

Оп. 480. Д. 11. О замещении священнической вакансии при Богородицерождественской села Ивановского-Богородского церкви Звенигородского уезда. 1910 г.

Оп. 480. Д. 12. О замещении священнической вакансии при Успенской села Петровского церкви Звенигородского уезда. 1910 г.

Оп. 480. Д. 14. Об увольнении за штат священника Гребневской села Оденцова церкви Звенигородского уезда Симеона Парусникова за штат и о замещении его места. 1909–1910 гг.

Оп. 480. Д. 15. О замещении священнической вакансии при Спасской [церкви] села Ильинского-Толбузина Клинского уезда. 1908–1910 гг.

Оп. 480. Д. 16. О замещении священнической вакансии при Вознесенской в Теряевой слободе церкви Клинского уезда. 1910 г.

Оп. 480. Д. 17. О замещении священнической вакансии при Богородицерождественской погоста Зеленцина церкви Клинского уезда. 1910 г.

Оп. 480. Д. 18. О замещении священнической вакансии при Михаило-Архангельской села Вертлинского церкви Клинского уезда. 1910 г.

Оп. 480. Д. 19. О замещении священнической вакансии при Одигитриевской села Воронина церкви Клинского уезда. 1909–1910 гг.

Оп. 480. Д. 21. О замещении священнической вакансии при Грузинской села Горбасьева церкви Клинского уезда. 1909–1910 гг.

Оп. 480. Д. 22. О назначении заштатного священника Петра Соколова для исправления священнических обязанностей при Преображенской села Доршева церкви Клинского уезда и об освобождении его от сего назначения. 1910 г.

Оп. 480. Д. 23. Об отрешении священника Преображенской села Доршева церкви Клинского уезда Николая Воскресенского и о замещении его места. 1910 г.

Оп. 480. Д. 24. О замещении священнической вакансии при Успенской села Малинина церкви Коломенского уезда. 1910 г.

Оп. 480. Д. 25. О замещении священнической вакансии при Знаменской села Ильинского церкви Коломенского уезда. 1910 г.

Оп. 480. Д. 26. О замещении священнической вакансии при Велико-Васильевской села Лыкова церкви Коломенского уезда. 1910 г.

Оп. 480. Д. 27. О замещении священнической вакансии при Федоро-Стратилатовской села Колычева церкви Коломенского уезда. Июнь 1910 г.

Оп. 480. Д. 30. Об увольнении за штат священника Михаило-Архангельской села Карпова церкви Коломенского уезда Василия Маркова и о замещении его места. 23 октября 1909 – 2 сентября 1910 гг.

Оп. 480. Д. 55. О замещении священнической вакансии при Спасской села Ильинского-Толбузина [церкви] Клинского уезда.

Оп. 480. Д. 221. Дело с бумагами разного содержания и с прошениями на непраздные и подлежащие закрытию места. 1910 г.

Оп. 480. Д. 584. Дело о снятии сана со священника Алексея Златоустова Воскресенской церкви села Кондрева Коломенского уезда. 25 апреля 1909 – 16 июня 1910 гг.

Оп. 480. Д. 622. Прошения священников, вдов и сирот о назначении пособия, оставшиеся без уведомления. Август 1909 – август 1910 гг.

Оп. 480. Д. 623. С прошениями диаконов, их вдов и сирот о назначении пособия, оставленные без удовлетворения. 28 июля 1909 – 3 августа 1910 гг.

Оп. 480. Д. 633. О пенсионерах.

Оп. 481. Д. 16. О рассмотрении прошений разных священнослужителей. О назначении на вакантное место и определении диакона Кудрявцева на священническую вакансию села Анискина. 2 октября 1910–27 июля 1911гг.

Оп. 481. Д. 17. О замещении священнической вакансии при Воскресенской с. Родинок церкви Богородского уезда. 6 октября 1910 – 19 сентября 1911 гг.

Оп. 481. Д. 18. О замещении священнической вакансии при Николаевской с. Полтева церкви Богородского уезда. 25 апреля 1911 – 28 июня 1911гг.

Оп. 481. Д. 19. О замещении священнической вакансии при Сергиевской с. Комягино церкви Богородского уезда. 2 июня 1911 – 14 июня 1911гг.

Оп. 481. Д. 20. О замещении священнической вакансии при Богородице-Рождественской у реки Рудни церкви Богородского уезда. 31 января 1911 – 24 октября 1911 г.

Оп. 481. Д. 21. О замещении священнической вакансии при Успенской села Салтыкова церкви Бронницкого уезда. 31 января 1911–21 февраля 1911 г.

Оп. 481. Д. 22. О замещении священнической вакансии при Космодемьяновской церкви села Алешкино Бронницкого уезда. 15 февраля 1911–4 марта 1911 г.

Оп. 481. Д. 23. О замещении священнической вакансии при Троицкой села Заворова церкви Бронницкого уезда. 8 марта 1911 – 17 июня 1911г.

Оп. 481. Д. 24. О замещении священнической вакансии при Троицкой села Колобеева церкви Бронницкого уезда. 30 апреля 1911 – 28 июня 1911 г.

Оп. 481. Д. 26. О замещении священнической вакансии при Успенской села Борисова церкви Дмитровского уезда. 23 сентября 1911 – 12 октября 1911 г.

Оп. 481. Д. 27. О замещении священнической вакансии при Покровской села Колычева церкви Звенигородского уезда. 23 октября 1910–22 сентября 1911 гг.

Оп. 481. Д. 30. О замещении священнической вакансии при Покровской села Покровского-Засекино церкви Звенигородского уезда. 9 февраля 1911–24 сентября 1911г.

Оп. 481. Д. 31. Дело о замещении священнической вакансии при Троицкой села Мушкина церкви Звенигородского уезда. 11 марта 1911 – 14 июня 1911 г.

Оп. 481. Д. 35. О замещении священнической вакансии при Одигитриевской села Городищ церкви Клинского уезда. 22 ноября 1908 – 3 июня 1911 гг.

Оп. 481. Д. 36. О замещении священнической вакансии при Вознесенской погоста Николотешиловского церкви Клинского уезда. 25 октября 1910 – 27 июня 1911 гг.

Оп. 481. Д. 37. Об увольнении за штат священника Покровской села Покровского под Рогачевом церкви Клинского уезда Павла Страхова и о замещении его места. 3 января 1911 – 2 июня 1911 г.

Оп. 481. Д. 38. О замещении священнической вакансии при Гузинской села Горбасьева церкви Клинского уезда. 14 февраля 1911 – 9 июня 1911 г.

Оп. 481. Д. 39. О замещении священнической вакансии при Успенской села Обухова церкви Клинского уезда.

Оп. 481. Д. 42. О замещении священнической вакансии при Покровской погоста Юрьевец церкви Коломенского уезда. 10 сентября 1909–15 июня 1911 гг.

Оп. 481. Д. 44. О замещении священнической вакансии при Христо-Рождественской села Мартыновского церкви Коломенского уезда. 26 мая 1911 – 4 августа 1911 г.

Оп. 481. Д. 46. О замещении священнической вакансии при Благовещенской села Шеметова церкви Коломенского уезда. 8 июля 1911 – 31 апреля 1911 г.

Оп. 484. Д. 11. Жалоба жены на пьянство и побои мужа-псаломщика (г. Волоколамск, Покровская церковь).

Оп. 484. Д. 282. О предоставлении благочинными Московской епархии сведений о количестве церквей. 1913 г.

Оп. 486. Д. 179. О представлении ведомостей учета белого духовенства в церквях Московской епархии за 1915 г.

Оп. 486. Д. 180. О представлении сведений для епархиального отчета за 1915 г.

Оп. 547. Д. 19. Отчет епископа Трифона о результатах осмотра им церквей Бронницкого уезда.

Оп. 547. Д. 36. Дело о награждении лиц духовного звания за усердную службу.

Оп. 607. Д. 2.0 нетрезвости св[ященника] села Троицкого-Зотова Бронницкого уезда Николая Виноградова. 1901 г.

Оп. 607. Д. 9. По обвинению в вымогательстве и других незаконных действиях священника села Мушкина Звенигородского уезда Александра Постникова. 1901 г.

Оп. 607. Д. 11. Дело о неисправности по службе св[ященника] с. Рогачева Дмитровского уезда Николая Климентова. 1901 г.

Оп. 607. Д. 14. Жалоба крестьянина Андреева на священника села Княжева Можайского уезда Сергея Афонского. 1901 г.

Оп. 609. Д. 9. По жалобе крестьянина Григория Дементьева на священника села Северного Коломенского уезда Василия Счастьева. 1903 г.

Оп. 609. Д. 40. По жалобе землевладельца Сабинского на диакона села Рождествена Рузского уезда Александра Патокина.

Оп. 610. Д. 11. По доносу крестьянина Панина на священника села Старой Сытни Серпуховского уезда Константина Чекалова. 1904 г.

Оп. 610. Д. 18. Дело по жалобе прихожан церкви села Тарбеева Дмитровского уезда на священника Петра Мячикова. 1904–1905 гг.

Оп. 610. Д. 43. Дело по прошению прихожан села Рыбалова Бронницкого уезда об отводе от них священника Николая Уклонского за нетрезвость и немиролюбие. 7 сентября 1904 – 30 мая 1905 гг.

Оп. 610. Д. 44. По жалобе крестьянина Молчанова на священника села Язвица Волоколамского уезда Сергия Добролюбова. 2 октября 1904–4 июля 1905 гг.

Оп. 611. Д. 17. Дело по жалобе крестьянина Берлюкова на священника села Дятлова Подольского уезда Алексея Беляева. 25 апреля 1905 – 16 января 1908 гг.

Оп. 611. Д. 26. По жалобе крестьянина Комарова на священника Успенской церкви села Вышнегорода Верейского уезда Георгия Воздвиженского. 23 июня 1905 – 14 июня 1906 гг.

Оп. 611. Д. 33. О диаконе села Сляднева Рузского уезда Димитрия Друганова. 18 июля 1905 г.

Оп. 611. Д. 51. О священнике села Середнякова Московского уезда Алексее Терковском, учинившем в метрической выписи по воинской повинности, о рождении, крещении журнала ложную отметку о смерти.

Оп. 611. Д. 54. По жалобе крестьянина Егора Ермолаева на священника села Верзилива Серпуховского уезда Николая Беляева. 30 сентября 1905–7 октября 1905 г.

Оп. 611. Д. 57. По жалобе крестьянина Орлова на священника села Мышкина Можайского уезда Петра Востокова. 11 октября 1905 – 18 декабря 1906 гг.

Оп. 612. Д. 21. По жалобе крестьянки Балалайкиной на диакона Сретенской города Серпухова церкви Ивана Соколова. 1906 г.

Оп. 614. Д. 10. По доносу крестьянина Нионова на священника с. Захарова Клинского уезда Алексея Лихарева. 31 марта 1908 – 3 июня 1908 г.

Оп. 614. Д. 14. По жалобе крестьян деревни Ширина на священника села Сокольникова Можайского уезда Сергея Афанасьевского. 22 апреля 1908–12 марта 1909 гг.

Оп. 614. Д. 18. О неблагоповедении священника с. Битягова Подольского уезда Алексея Погожева. 10 мая 1908 – 16 октября 1908 г.

Оп. 615. Д. 22. По прошению прихожан церкви села Грив Дмитриевского уезда об отводе от них священника Петра Мячикова. 1908 г.

Оп. 616. Д. 10. О неблагоповедении священника села Воскресенского Бронницкого уезда Сергея Успенского. 25 февраля 1910 – 9 ноября 1911гг.

Оп. 616. Д. 42. О неблагоповедении священника Троицкой деревни Каменки церкви Богородского уезда Василия Крылова. 1910 г.

Оп. 616. Д. 20. По жалобе прихожан села Всехсвятского Московского уезда на местного священника Сергея Лебедева. 1 июня 1910 – 8 января 1911 гг.

Оп. 617. Д. 2. По жалобе прихожан села Сапрунова Серпуховского уезда на священника Александра Раевского. 1911 г.

Оп. 617. Д. 11. Дело о священнике села Старой Ситни Серпуховского уезда Константине Чекалове, обвиненном в вымогательстве за погребение крестьянки Польшинкиной. 24 февраля 1911 – 12 декабря 1911 г.

Оп. 617. Д. 22. По жалобе церковного старосты Московской Богородицкой в Марьиной Роще церкви Т. Несчастнова на местного священника К. Озерецкого.

Оп. 617. Д. 23. По жалобе Пелагеи Гюттель на священника Христо-Рождественской церкви Дмитрия Малинина. 1914 г.

Оп. 617. Д. 24. О неблаговедении диакона села Дмитровского-Андреевского Звенигородского уезда Дмитрия Лебедева. 1911 г.

Оп. 617. Д. 25. По жалобе прихожан Успенской церкви села Вышегорода Верейского уезда на местного священника Алексия Златоустова. 1911 г.

Оп. 744. Д. 1430. Указы Святейшего Синода и Высочайшие объявления за 1905 год.

Оп. 744. Д. 2600. Клировые ведомости Богородского уезда. 1910 г.

Оп. 744. Д. 2601. Клировые ведомости об уволенных.

Оп. 744. Д. 2863. Ведомости денежных сумм и капиталов Московского уезда. 1905 г.

Оп. 748. Д. 88. Отчет по Московской епархии за 1904 год.

Оп. 748. Д. 107. Отчет о состоянии Московской епархии за 1910 год.

Официально-документальные материалы

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 гг. СПб., 1909.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1910 г. СПб., 1913.

Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. СПб., 1916.

Деяния священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Т. 3.

Деяния священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1999. Т. 7.

Деяния священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2000. Т. 9.

Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. 1; СПб., 1907. Т. 2–4.

Историческая переписка о судьбах Православной Церкви. М., 1912.

Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Т. 1–2.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. Т. 1–3. Прибавления.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1898. Т. 8.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. СПб., 1908. Т. 25.

Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году : Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / Сост. М.А. Бабкин. 2-е изд. М., 2007.

Русская Православная Церковь 988–1988: Материалы. М., 1988.

Свод Законов Российской империи. СПб., 1875. Т. IX.

Свод Законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 1.4. 1.

Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. СПб., 1906.

Стенографический отчет Государственной Думы Третьего созыва. Сессия 1.

Устав духовной консистории. СПб., 1871.

Устав духовной консистории. СПб., 1912.

Публикации по вопросам церковной реформы и приходского духовенства до 1917 г.

Барсов Н.И. Типы духовенства в народной беллетристике // Исторические, критические и полемические опыты Николая Барсова. СПб., 1879.

Бензин В.М. Приходская благотворительность на Руси после 1864 г. // Трудовая помощь. 1907. № 2–3.

Благовидов В.Ф. К работам общественной мысли по вопросу о церковной реформе. Казань, 1905.

Богатство и доходы духовенства / Сост. В. Кильчевский. СПб., 1908.

Витте С.Ю. Записки по крестьянскому делу. СПб., 1904.

Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы веры и Церкви. М., 1905.

Голубинский Е.Е. К вопросу о церковной реформе. М., 1906.

Голубинский Е.Е. О реформе в быте русской Церкви. М., 1913.

Дмитриевский А.А. Недостатки современного церковного и религиозного воспитания и причины, их породившие. Киев, 1901.

Евдоким (Мещерский), еп. Государство и Православная Церковь // Христианин. 1907. Февраль.

Елагин Н.В. Белое духовенство и его интересы. СПб., 1881.

Золотарев Л.А. Супружеские измены, их значение и причины. М., 1895.

Икскулу А.А. Отношение государства к религии. Очерк барона А.А. Ик-скулу. СПб., 1903.

Киреев А.А. Итоги работы Предсоборного Присутствия. СПб., 1907.

Кузнецов Н.Д. Преобразования в Русской Церкви. М., 1906.

Кузнецов Н.Д. Церковь, Духовенство и Общество. М., 1905.

К церковному Собору : Сборник. СПб., 1906.

Лебедев Н. Духовно-нравственная жизнь в деревне // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1911. № 1.

Мельгунов С. Церковь и государство в России в переходное время : Сборник статей (1907–1908). М., 1909. Вып. 2.

Перед церковным Собором. М., 1906.

Переписка С.Ю. Витте и К.П. Победоносцева (1895–1905 гг.)
// Красный архив. 1928. Т. 5 (30).

Преображенский И.В. Церковная реформа : Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе. СПб., 1905.

Розанов В.В. Религия и культура. М., 1990.

Розанов В.В. Русская Церковь. СПб., 1909.

Розанов В.В. Старая и молодая Россия : Статья и очерки 1909 г. М., 2004.

Сахаров С.П. О Предсоборном Присутствии. Юрьев, 1910.

Свенцицкий В.К. вопросу о церковной реформе // Вопросы жизни. 1905. №4–5.

Семенов С. Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915.

Суетов А.О. Предсоборное Присутствие // Ученые записки Императорского Юрьевского Университета. 1912. № 1.

Тихомиров Л.А. Запросы жизни и наше церковное управление. М., 1903.

Тихомиров Л.А. Личность, общество и Церковь. М., 1904.

Тихомиров Л. А. Современное положение приходского вопроса // *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. М., 1999.

Феодор (Поздеевский), архиеп. Смысл христианского подвига. Сергиев Посад, 1995.

Церковные реформы : Сборник статей периодической печати за 1905 год. СПб., 1905.

Церковная реформа: Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросам о реформе / Сост. *И.В. Преображенский*. СПб., 1908.

Церковь и демократия. М., 1996.

Дневники, воспоминания

Аграрное движение в 1905 г. // Красный архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). *Арсений (Стадницкий), митр.* Дневник. М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. Т. 1 : 1880–1901.

Бочкарева М. Якша: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы: В записи Исаака Фон Левина. М., 2001.

Вениамин (Федченков), митр. Божьи люди. М., 1997.

Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994.

Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1–3.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1997. Т. 2.

Воробьев В. Перед рассветом. Воспоминания. Л., 1925.

Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е гг. М., 1989.

В церковных кругах перед революцией (Из писем Антония Волынского митрополиту Флавиану) // Красный архив. 1928. Т. 5–6 (30–31).

Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование императора Николая II в изображении современника. М., 2000.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1–2.

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания, изложенные Т. Манухиной. М., 1994.

Жевахов Н.Д. Воспоминания. М., 1993. Т. 2.

Из дневников Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 1 (38), 4–5 (41–42); 1933; Т. 6 (61); 1935; Т. 5 (72), 6 (73); 1936. Т. 1 (74), 2 (75).

К истории манифеста 6 августа 1905 года // Красный архив. 1926. Т. 1 (14).

Революция в деревне в 1917 г. Воспоминания крестьян. М., 1927.

Розанов Н.П. Второе сословие. Мои воспоминания о жизни московского духовенства в последнее пятидесятилетие перед

революцией // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 6.

Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И.Толстого. 31 октября 1905 г. 24 апреля 1906 г. М., 1997.

Периодическая печать

Голос минувшего. [Москва] 1917.
Московские церковные ведомости. [Москва] 1903–1914.
Московский еженедельник. [Москва] 1906.
Русское богатство. [Москва] 1907.
Русское знамя. [СПб.] 1906.
Христианская мысль. 1916.
Церковные ведомости. [СПб.] 1903–1914.
Церковный вестник. [СПб.] 1903–1914.

Литература

Андреев Г.Л. Христианская периодическая печать на русском языке. 1801–1917 годы. Нью-Йорк, 1997. Т. 1–3.

Андреева Ю. С. Деятельность православного духовенства по воспитанию трезвого образа жизни среди населения Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Челябинск, 2006. Вып. 4. С. 66–73.

Антология социальной работы. М., 1994.

Анфимов А.М. Динамика землевладения в России, 1906–1914 гг. М., 1989.

Анфимов А.М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 65.

Анфимов А.М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX века (1901–1912 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 489–505.

Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М., 1962.

Бабкин М.А. Духовенство русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007.

Баранова О.Г. Рождественско-святочная обрядность русского населения Вятского края (XIX–XX вв.) // Малые города России: Культура, традиции. М.; СПб., 1994.

Басин И. Пастырь на рубеже эпохи // Православная община. 1996. №3. С. 75–91.

Белозеров Н.А. Проблема корпоративного сознания приходского духовенства (по материалам Русского Севера) // Религия и Церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Киров, 1991.

Белоусов А.Ф. Образ семинариста в русской культуре и его литературная история (от комических интермедий XVIII в. до романа Надежды Хвощитской «Баритон» // Традиции в фольклоре и литературе. СПб., 2000.

Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004.

Бердинских В.А. Приходское духовенство в развитии краеведения в XIX веке // Вопросы истории. 1988. № 10.

Бердяев Н. Судьба России. М., 1990.

Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 3–43.

Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни : Очерки по церковной этнографии М., 2005.

Боханов А.Н. Император Николай П. М., 1998.

Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века : Новые материалы, методы, результаты. М., 1996.

Вайштейн А.Л. Народное хозяйство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960.

Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991.

Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985.

Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). М., 1995.

Гинее В.Н. Борьба за крестьянство и кризис неонародничества. 1902–1914 гг. Л., 1983.

Гловков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005.

Голубцов С, протодиак. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999.

Гордон А.В. Крестьянство Востока: Исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.

Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

Дамаскин (Орловский), игум. Житие священномученика Сергия (Кедрова). Тверь, 2002.

Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1996.

Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть : Материалы конференции. М.; Тамбов, 1996.

Дубровский СМ. Российская община в литературе XIX и начала XX в. М., 1961.

Дубровский СМ. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.

Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 5 (XIX век). С. 13–392.

Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991.

Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб., 2003.

Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохов Е.В. Особенности психологии крестьянства: Прошлые и настоящие. М., 1983.

Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.

Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

Зырянов П.Н. Церковь в период трех российских революций // Русское Православие: вехи истории. М., 1989.

Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний). Калуга, 1994.

История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. СПб., 1997. Т. 1. 1917–1970.

Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990.

Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988.

Кандидов Б.П. Церковь и самодержавие. М., 1937.

Каптерев Н.Ф. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874.

Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2.

Карташев А.В. Церковь, История, Россия. М., 1996.

Касьянова К. О. О русском национальном характере. М., 1994.

Ключарева А.В. Пастырское служение православного духовенства в России в конце XIX – начале XX в. (по материалам Тульской епархии) // Известия Тульского государственного университета. Сер. Теология. Вып. 2. С. 34–44.

Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. // Россия сельская ХГХ-XX века. М., 2004.

Конюченко А.И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начала XX века). Челябинск, 2006.

Котков В.М. Военное духовенство России. СПб., 2004. Т. 1–2.

Красников Н. П. Социально-политическая позиция Православной Церкви в 1905–1916 гг. // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 30–31.

Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг.: Сб. док. М., 1965.

Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М., 1999.

Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской Православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008.

Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX в. // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–43.

Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.

Лососий Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.

Манохина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914). М., 1991.

Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960. Сб. IV.

Мелехова Г.Н. Традиционные этноконфессиональные и общественно-политические воззрения северорусских крестьян (XIX-XX вв.) // Православная церковь и государство в исторической судьбе России : Материалы IV Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского». Нижний Новгород, 2008. С. 198–227.

Мельгунов С.П. Как создавалась в России государственная Церковь. М., 1917.

Мельков А.С. Жизненный путь и научное наследие протоиерея А.В. Горского. М., 2006.

Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): Материалы международной конференции, Москва, 14–15 июня 1994 г. М., 1994.

Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории : Тезисы докладов и сообщений. Ростов-на-Дону, 21–25 сентября 1978 г. М., 1978.

Милое Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

Миненко Н.А. Русское население Урала и Западной Сибири и Православная Церковь (XVIII-XIX вв.) // Религия и церковь в Сибири : Сборник научных статей и документальных материалов. Тюмень, 1995.

Миненко Н.А. Традиционная культура русских крестьян Сибири и Урала. Тюмень, 1995.

Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в XVIII-XIX веках. Челябинск, 1997.

Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. 1998. № 1.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода XVIII – начала XX в.: 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1.

Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб., 2002.

Модернизация в России и конфликт ценностей / Отв. ред. С.Я. Матвеева. М., 1994.

Морозан В. Экономическое положение Русской Православной Церкви в конце XIX – начале XX в. // Нестор. 2000. № 1. С. 311–330.

Муравьев А.Н. Записка о состоянии Православной Церкви в России // Русский архив. М., 1883. Кн. 3.

Мухин И.Н. Приходское духовенство в пореформенной России (по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии). М., 2006.

Население России в XX в.: Исторические очерки. М., 2000. Т. 1.

Настольная книга священнослужителя. М., 2001. Т. 4.

Нечаев П.И. Практическое руководство для священнослужителей или систематическое изложение полного круга их обязанностей и прав. СПб., 1912.

Николин А., свящ. Церковь и государство: История правовых отношений. М., 1997.

О духовенстве / Сост., ред. игум. Иларион (Алфеев). Клин, 2001.

Ореханов Г., диак. Генезис русского церковного реформаторства (1905–1906 гг.) // Богословский сборник: Изд-во ПСТГУ. М., 1999. Вып. 4. С.294–302.

Ореханов Г., свящ. Дневник митрополита Арсения (Стадницкого) – новый источник по русской церковной истории (1905–1916) // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ : Материалы 2000 г. М., 2001.

Ореханов Г., свящ. Витте contra Победоносцев: дискуссия о церковной реформе весной и летом 1905 года // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 11. С. 48–70.

Ореханов Г., свящ. На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. М. : ПСТБИ, 2002.

Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994.

Павлов А. Т. Было ли в России в начале XX века религиозно-философское возрождение? // Вопросы философии. 2004. № 9. С. 163–169.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Полищук И. С. Православие и мир русской деревни : Апологетический очерк. Тверь, 2008.

Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора: Государство и Церковь в эпоху Александра III. М., 1996.

Польский М., прот. Новые мученики Российские : Первое собрание материалов. Джорданвилль, 1949.

Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

Пословицы русского народа: Сборник / Сост. В.И. Даль. М., 1989. Т. 1–2.

Поспеловский Д.В. Некоторые вопросы отношений Церкви, государства и общества в дореволюционной России // Грани. [Франкфурт-на-Майне] 1983. № 128.

Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 42–54.

Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках. Этнографические исследования и материалы. М., 2002.

Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001.

Православное Богослужение : Практическое руководство для клириков и мирян. СПб., 2004.

Прокофьев А.В. Приходская реформа в царствование Александра II // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ : Материалы 1998 г. М., 1999.

Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль : Материалы Всероссийской научной конференции 14–15 ноября 1995. М., 1997.

Реформы или революции? Россия: 1861–1917. СПб., 1992.

Римский СВ. Российская Церковь в эпоху реформ (Церковные реформы в России 1860–1870 годов). М., 1999.

Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004.

Розов А.И. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003.

Россия сельская. XIX – начало XX века. М., 2004.

Русская история: проблемы менталитета : Тезисы докладов научной конференции. 4–6 октября 1994 г. М., 1994.

Русская Православная Церковь 988–1988 : Материалы. М., 1988.

Русская Православная Церковь 988–1988 : Очерки. М., 1988.

Сапсай Н. Предсоборное Присутствие 1906 г. М., 1959.

Сикевич З.В. Национальное самосознание русских : Социологический очерк. М., 1996.

Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Ч. 1.

Смолич И.К. Предсоборное Присутствие 1906 г.: К предыстории Московского Поместного Собора 1917–1918 гг. // История Русской Церкви. М., 1997. Кн. VIII. Ч. 2. С. 693–719.

Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978.

Современные концепции аграрного развития: Теоретический семинар // Отечественная история. 1993. № 6.

Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи : Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону, 1980.

Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках. М., 2002.

Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в Русской Церкви XVIII-XIX вв. // Православная энциклопедия. М., 2000.

Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. М., 1997.

Титлинов Б. Церковь во время революции. Пг., 1924.

Тихомиров Т., свящ. На приходе. М., 2002.

Урланис Б.Ц. История одного поколения. М., 1968.

Федоров В.А. Культура и быт пореформенной средневожской деревни по материалам Этнографического бюро В.Н. Тенишева // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С.92–100.

Федоров В.А. Материалы Этнографического бюро В.Н. Тенишева как источник по истории культуры и быта русского

крестьянства в конце XIX – начале XX в. // Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории : Межвузовский сборник научных статей. Вологда, 1999. С. 115–121.

Федоров В.А. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 1994. № 4. С. 3–21.

Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003.

Фирсов С.Л. Некоторые аспекты церковно-государственных отношений в России начала XX столетия // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традициях. СПб., 1996. С. 51–61.

Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие Самодержавия в России. СПб., 1996.

Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.

Фирсов С.Л. Финансовое положение Русской Церкви в последнее предреволюционное десятилетие // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 145–160.

Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.

Фриз Г.Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2. С. 107–118.

Цыпин В., прот. История Православной Церкви 1917–1997. М., 1997.

Чаянов А. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

Шмелев Г.И. Русская Православная Церковь, ее деятельность и экономика до и после 1917 г. // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 36–51.

Штепа А.В. Социальное служение Русской Православной Церкви в Калужской епархии (вторая половина XIX – начало XX века). Калуга, 2007. Gunther S. Das Landeskoncil der Orthodoxen Kirche in Russland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotential. Gottingen, 1995.

Литература по церковному праву

Бердников И.С. Краткий курс церковного права Православной Церкви. Казань, 1903. Вып. 1.

Никодим (Милаш), еп. Православное церковное право. СПб., 1897.

Николин А., свящ. Церковь и государство: История правовых отношений. М., 1997.

Остроумов М. Очерки православного церковного права. Харьков, 1893.

Павлов А. С. Курс церковного права. Св.-Тр. Серп Лавра, 1902.

Победоносцев К.П. Курс гражданского права. СПб., 1896. Ч. 1–2.

Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898.

Соколов Н.К. Из лекций по церковному праву. М., 1874. Вып. 1.

Суворов Н.С. Курс церковного права. Ярославль, 1889. Т. 1–2.

Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 1913.

Цыпин В., прот. Каноны и церковная жизнь // Православное богословие на пороге третьего тысячелетия. Москва, 7–9 февраля 2000 г.: Материалы конференции. М., 2000.

Цыпин В., прот. Курс церковного права. Клин, 2002.

Справочные материалы

Анфимов А.М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах: Опыт подтверждения и опровержения // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. Вып. 1.4.1.

Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973.

Генеалогическая информация в государственных архивах России: Справочное пособие. М., 1999 (Электронная книга. СИФ ОЦНТИ, № 178–97, ФАП № 28).

Дубинский А.Ю. Вифанская духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1881–1900 : Генеалогический справочник. М., 2002.

Дубинский А.Ю. Московская духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 годов : Генеалогический справочник. М., 1998.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь, февраль. Тверь, 2005.

За Христа пострадавшие : Биографический справочник. М. : ПСТБИ, 1997. Кн. 1 :А-К.

Государственность России: Словарь-справочник. Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV – февраль 1917 года). М., 1996–2001. Кн. 1–4.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : Статистические очерки. М., 1956.

Россия. 1913 г.: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

Россия : Энциклопедический словарь. Л., 1991.

Отечественная история с древнейших времен до 1917 : Энциклопедия. М., 1994–2000. Т. 1–3.

Диссертации, авторефераты

Андреев В.М. Либерально-обновленческое движение в русском Православии начала XX в. и его идеология / Дисс. ... к. филос. н. Л., 1971.

Андреева Ю.С. Деятельность Русской Православной Церкви по духовному воспитанию населения Оренбургской епархии во второй половине XIX– начале XX вв. / Автореф. дисс. ... к. и. н. Челябинск, 2006.

Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века / Автореф. дисс. ... д. и. н. Челябинск, 2006.

Никифорова О.В. Религиозность сельского православного населения Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX в. / Автореф. дисс. ... к. и. н. Челябинск, 2006.

Ореханов Г., свящ. Эволюция идеи Собора и генезис представлений церковных реформаторов о структуре, месте и роли этого органа в церковной жизни в период 1905–1906 гг. / Автореф. дисс. ... к. богословия. М., 1997.

Пашинцев Д.А. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX века. / Дисс.... к. и. н. М., 1995.

Фирсов С.Л. Православная Церковь и Российское государство в 1906–1917 гг. / Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1997.

Приложение

Таблица 1

О сборах и пожертвованиях, поступивших в монастыри, соборы и церкви, и о похищениях из них по Московской епархии в 1903 г.⁴⁵¹

	Сумма	%
Кружечного и кошелькового сбора	648 432,48р.	20,151
Чистой свечной прибыли	678 419,75р.	21,083
За отданные внаем дома, земли и лавки	1 141 130,31р.	35,462
На призрение бедного духовенства	18 914,56р.	0,588
В пользу Гроба Господня	475 400,63р.	14,774
На восстановление православного христианства на Кавказе	207 871,32р.	6,46
На содержание церквей и школ в западных губерниях	24 838,68р.	0,772
На улучшение быта православных паломников в Палестине	2 451,03р.	0,076
На распространение православия между язычниками в империи	2 539,77р.	0,079
В пользу монастырских соборов и церквей	5 234,89р.	0,163
В пользу монашествующих и причтов	137,50р.	0,004
В пользу раненых и больных воинов	2 840,49р.	0,088
В пользу богаделен	4 547,00р.	0,141
В пользу церковно-приходских школ	5 164,63р.	0,16
Итого	3 217 923,04р.	
Похищено ⁴⁵²	2 086,87р.	0,065

Таблица 2

О сборах и пожертвованиях, поступивших в монастыри, соборы и церкви, и о похищениях из них по Московской епархии

в 1904 г.⁴⁵³

	Сумма	%
Кружечного и кошелькового сбора	667 737,29р.	20,218
Чистой свечной прибыли	723 733,49р.	21,913
За отданные внаем дома, земли и лавки	1 170 530,92 р.-	35,441
На призрение бедного духовенства	19 269,03р.	0,583
В пользу Гроба Господня	452 122,28р.	13,689
На восстановление православного христианства на Кавказе	207 901,92р.	6,295
На содержание церквей и школ в западных губерниях	24 393,67р.	0,739
На улучшение быта православных паломников в Палестине	2 472,71р.	0,075
На распространение православия между язычниками в империи	2 455,45р.	0,074
В пользу монастырских соборов и церквей	5 503,14р.	0,167
В пользу монашествующих и причтов	133,66р.	0,004
В пользу раненых и больных воинов	2 737,68р.	0,083
В пользу богаделен	18 790,44р.	0,569
В пользу церковно-приходских школ	4 984,81р.	0,151
Итого	3 302 766,49р.	
Похищено ⁴⁵⁴	2 363,56р.	0,072

Примечания

¹ - См. : Свод законов Российской Империи. СПб., 1857. Т. ГХ. С. 1560, 1579, 1581.

² - См. : Римский СВ. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870 годов). М., 1999. С. 98.

³ - Там же. С. 369.

⁴ - Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времен реформ Петра. СПб., 2003.

⁵ - Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках. М., 2002.

⁶ - Римский СВ. Российская Церковь в эпоху реформ. М., 1999.

⁷ - Прокофьев А.В. Приходская реформа в царствование Александра II // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ : Материалы. М., 1999.

⁸ - Смолич И.К. Предсоборное Присутствие 1906 г.: К предыстории Московского Поместного Собора 1917/1918 гг. // История Русской Церкви. М., 1997. Кн. VIII. Ч. 2. С. 693–719.

⁹ - Смолич И.К. История Русской Православной Церкви (1700–1917) : В 2 ч. М., 1997.

¹⁰ - Смолич И.К. История Русской Православной Церкви (1700–1917). М., 1997. Ч. 1. С. 150.

¹¹ - Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004.

¹² - Баранова О.Г. Рождественско-святочная обрядность русского населения Вятского края (XIX-XX вв.) // Малые города России: Культура, традиции. М.; СПб., 1994; Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века : Новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.) : Материалы международной конференции. М., 1996; Миненко Н.А. Русское население Урала и Западной

Сибири и Православная Церковь (ХУШ-ХГХ) // Религия и церковь в Сибири : Сборник научных статей и документальных материалов. Тюмень, 1995; Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в ХУШ-ХГХ веках. Челябинск, 1997.

¹³ - Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). М., 2002; Он же. Рабочие и Православная Церковь в России в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997.

¹⁴ - Ореханов Г., свящ. На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. М. : ПСТБИ, 2002.

¹⁵ - Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004.

¹⁶ - Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003.

¹⁷ - Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

¹⁸ - Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994.; Она же. Россия: Община и государственность // Цивилизация и культура. Россия и Восток: Цивилизационные отношения. М., 1995. Вып. 2. С. 138–155; Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994; Яковенко И.Г. Прошлое и настоящее России: Имперский идеал и национальный интерес // Политические исследования. 1997. № 4. С. 88–96; Он же. Россия. Интеллигенция. Революция // Свободная мысль. 1992. № 11. С. 31–42.

¹⁹ - Православная жизнь русских крестьян ХГХ-XX веков: Итоги Этнографических исследований. М., 2001; Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX веках : Этнографические исследования и материалы. М., 2002.

²⁰ - См. : Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX веках : Этнографические исследования и материалы. М., 2002. С. 6.

²¹ - Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству Православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб.,

1910; за 1908 г., СПб., 1911; за 1909 г., СПб., 1912; за 1910 г. СПб., 1913; за 1914 г. СПб., 1916.

²² - Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. Т. 1–4.

²³ - См. : Церковная реформа : Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросам о реформе / Сост. И.В. Преображенский. СПб., 1908. С. 354.

²⁴ - Государственная Дума. Созыв 3-й : Стенографический отчет. Ч. 1–3. СПб., 1908; Государственная Дума. Созыв 3-й. Сессия 2-я : Стенографические отчеты 1908–1909 г. Ч. 1–4. СПб., 1908–1909; Государственная Дума. Созыв 3-й. Сессия 3-я : Стенографические отчеты. Ч. 1–4. СПб., 1910; Государственная Дума. Созыв 3-й. Сессия 5-я : Стенографические отчеты. Ч. 1–4. СПб., 1911–1912.

²⁵ - Ореханов Г., свящ. Дневник митрополита Арсения (Стадницкого) – новый источник по русской церковной истории (1905–1916) // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ : Материалы : 2000 г. М. : Изд-во ПСТБИ, 2001.

²⁶ - Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. Т. 1 : 1880–1901. М. : Изд-во ПСТГУ, 2006.

²⁷ - Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания, изложенные Т. Манухиной. М., 1994.

²⁸ - Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994.

²⁹ - Вениамин (Федченков), митр. Божьи люди. М., 1997.

³⁰ - См. : Московские церковные ведомости. 1905–1907.

³¹ - Розанов В.В. Религия и культура. М., 1990; Он же. Русская Церковь. СПб., 1909; Он же. Старая и молодая Россия : Статья и очерки 1909 г. М., 2004.

³² - Папков А.А. Древнерусский приход // Богословский вестник. 1897. Т. 1–2.

³³ - Папков А.А. Упадок православного прихода (XVII–XIX вв.): Историческая справка. М., 1899.

³⁴ - Папков А.А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900.

³⁵ - Папков А.А. Необходимость обновления православного церковно-приходского строя. СПб., 1903.

³⁶ - Тихомиров Л. А. Современное положение приходского вопроса // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999. С. 394–395.

³⁷ - Заозерский Н.А. Что есть православный приход и чем он должен быть. Сергиев Посад, 1912; Он же. Замечания к проекту православного приходского управления // Богословский вестник. 1902. Т. 4.

³⁸ - Заозерский Н.А. Что есть православный приход... С. 5.

³⁹ - Кузнецов Н.Д. Церковь, духовенство и общество. М., 1905; Он же. Преобразования в Русской Церкви: Рассмотрение вопроса по официальным документам и в связи с потребностями жизни. М., 1906; Он же. Доклад 4-му отделу Предсоборного Присутствия по вопросу о приходе // Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906–1907. Т. 4.

⁴⁰ - См. : Журналы и протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906–1907. Т. 1–4. С. 117–156.

⁴¹ - Н.Д. Кузнецов являлся одним из докладчиков отдела.

⁴² - Бердников И.С. Сепаратный проект положения о православном русском приходе. СПб., 1906.

⁴³ - См. : Бердников И.С. Что нужно для обновления Православного Русского Прихода? СПб., 1907; Он же. О протестантском и православном приходе // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1907. № 51–52; 1908. № 2–4; Он же. Как пользовались Уставом православных приходов Финляндии наши обновители прихода в своих целях // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 5–9, 13–16.

⁴⁴ - Бердников И. С. Что нужно для обновления православного русского прихода. СПб., 1907. С. 5.

⁴⁵ - Там же.

⁴⁶ - Тихомиров Л.А. Современное положение приходского вопроса. М., 1907

⁴⁷ - Тихомиров Л.А. Современное положение приходского вопроса // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999. С. 394

⁴⁸ - «Да будет воля Твоя»: Житие и труды свщмч. Серафима (Чичагова). М., 2003.

⁴⁹ - Годовой отчет о деятельности приходских советов в Орловской епархии 1906 г. Орел, 1907. Митр. Серафим в 1906–1908 гг. был епископом Орловским и Севским.

⁵⁰ - См.: «Да будет воля Твоя»...

⁵¹ - См. : Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. С.718–720.

⁵² - См.: Цыпин В., прот. Курс церковного права. Клин, 2002. С. 417.

⁵³ - Более подробно об этом см.: Православное Богослужение : Практическое руководство для клириков и мирян. СПб., 2004. С. 196.

⁵⁴ - Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. СПб., 1885. Т. 1.С. 362.

⁵⁵ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 478. Д. 1. Л. 66, 68, 80, 150; Оп. 480. Д. 221. Л. 33, 96, 124, 156, 236.

⁵⁶ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 484. Д. 282. Л. 77.

⁵⁷ - Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси: Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. СПб., 2003. С. 70.

⁵⁸ - См. : Там же.

⁵⁹ - ПСЗ. 2. Т. 44. Отд. 1. № 44138.

⁶⁰ - См. : Знаменский П.В. Указ. соч. С. 143; Каптерев Н.Ф. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874. С. 33.

⁶¹ - ПСЗ. 1. Т. 16. № 12060; Т. 17. № 12379.

⁶² - См. : Свод законов (изд. 1832 г.). Т. 9. Раздел 2. Ст. 173–175, 178–239 (о белом духовенстве, его правах и обязанностях). В последующих изданиях (1857, 1876, 1892) нумерация несколько изменена, так как некоторые статьи были опущены, а

новые добавлены. 9-й том содержит основные законоположения относительно гражданских прав белого духовенства. Другие тома посвящены вопросам частного права.

⁶³ - См.: Устав духовных консисторий (1883). СПб., 1912. Ст. 148–277.

⁶⁴ - См. : Смолич И.К. История Русской Православной Церкви (1700–1917): В 2 ч. М., 1997. Кн. 8. С. 123.

⁶⁵ - Эти основные права изложены в 9-м томе ПСЗ, остальные рассеяны по нескольким томам Свода законов.

⁶⁶ - ПСЗ. 2. 42. №44110.

⁶⁷ - Там же. № 44138; 46. № 49361, 49382; Извлечения... за 1869 г. С. 224–227, 241–243.

⁶⁸ - Римский СВ. Указ. соч. С. 506–509.

⁶⁹ - ПСЗ. 2. Т. 44. №44138.

⁷⁰ - См. : Извлечения... за 1871 год. С. 210–212.

⁷¹ - См. : Ивановский В. Учебник государственного права. 4-е изд. Казань, 1913. С. 310–313; Пассивное и активное избирательное право приходского духовенства основывалось на законе о выборах от 20 февраля 1906 и 3 июня 1907 г. (Свод законов. 1. Учреждение Государственной Думы. Ст. 4, 25, 31; Положение о выборах. Ст. 28, 32, 33). Положением об учреждении Государственного совета от 1906 г. (Свод законов. 1. Ст. 13) духовенство получало право на 6 представителей в Государственном совете, которые назначались Синодом по 3 от епископата и от белого духовенства. Этими законами белое духовенство и епископы действительно привлекались к участию в государственных и внутриполитических делах.

⁷² - См. : Обзор деятельности Государственной Думы Третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. 2. С. 49.

⁷³ - См. : Там же. С. 311.

⁷⁴ - См. : Свод законов. 2. Т. 9. Ст. 37.

⁷⁵ - См.: Павлов А.С. Курс Церковного права. СПб., 2002. С. 151.

⁷⁶ - Тихомиров Т., священник. На приходе. М., 2002. С. 45.

⁷⁷ - См.: Павлов А.С. Курс Церковного права. СПб., 2002. С. 139–155.

⁷⁸ - См. : Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси... СПб., 2003. С. 382.

⁷⁹ - См. : Волынец А. Государственная Дума и духовенство // Церковные ведомости. 1908. № 48. 29 ноября.

⁸⁰ - См. -.Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси... СПб., 2003. С. 401–411.

⁸¹ - См. : Левитов П. О наградах и наказаниях для духовенства // Церковный вестник. 1909. № 29. С. 885.

⁸² - Жевахов Н.Д. Воспоминания. М., 1993. Т. 2. С. 283–284.

⁸³ - См.: Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX веках : Этнографические исследования и материалы. М., 2002. С. 174.

⁸⁴ - Победоносцев К.П. Церковь и государство : Московский сборник // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 264.

⁸⁵ - Московские церковные ведомости. 1906. № 31. 6 августа. С. 312–316.

⁸⁶ - ПСЗ. 1. Т. 4. № 2352; Знаменский П.В. Приходское духовенство... М., 2003, С. 213–214.

⁸⁷ - См.: Знаменский П.В. Приходское духовенство... С. 258–259.

⁸⁸ - См.: Там же. С. 390–391.

⁸⁹ - Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М., 1994, С. 94.

⁹⁰ - См.: Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 2. С. 453.

⁹¹ - См.: Там же. С. 607.

⁹² - Жевахов Н.Д. Воспоминания. М., 1993. Т. 2. С. 300.

⁹³ - См. : Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний). Калуга, 1994. С. 43.

⁹⁴ - См.: Там же. С. 60–61

⁹⁵ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 748. Д. 107. Л. 43–50; Оп. 748. Д. 88. Л. 26 об. – 27 об.

- ⁹⁶ - Там же. Оп. 481. Д. 30. Л. 1–1 об.
- ⁹⁷ - Там же. Д. 35. Л. 3.
- ⁹⁸ - См.: Церковные ведомости. 1908. № 49. 6 декабря. С. 2405.
- ⁹⁹ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 763. Д. 123. Л. 99.
- ¹⁰⁰ - Там же. Л. 154–154 об., 302–302 об.
- ¹⁰¹ - Там же. Л. 172.
- ¹⁰² - Там же. Л. 3.
- ¹⁰³ - Там же. Л. 105.
- ¹⁰⁴ - Там же. Л. 207.
- ¹⁰⁵ - Там же. Оп. 480. Д. 24. Л. 21.
- ¹⁰⁶ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 480. Д. 15. Л. 5
- ¹⁰⁷ - Там же. Д. 11. Л. 4.
- ¹⁰⁸ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 763. Д. 123. Л. 139.
- ¹⁰⁹ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 484. Д. 282. Л. 21–22 об.
- ¹¹⁰ - Там же. Оп. 480. Д. 10. Л. 1–1 об.
- ¹¹¹ - Там же. Оп. 481. Д. 39. Л. 6.
- ¹¹² - Там же. Д. 42. Л. 4.
- ¹¹³ - Вениамин (Федченков), митр. Божьи люди. М., 1997. С. 198.
- ¹¹⁴ - См.: Знаменский П.В. Приходское духовенство... С. 403–404.
- ¹¹⁵ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 480. Д. 14. Л. 11–12.
- ¹¹⁶ - См.: Цыпин В., прот. Курс Церковного права. Клин, 2002. С. 196.
- ¹¹⁷ - См.: Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь. Тверь, 2005. С. 96.
- ¹¹⁸ - См.: Там же. С. 126.
- ¹¹⁹ - См.: Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Московская епархия. Январь-май. Тверь, 2002. С. 64.
- ¹²⁰ - См.: Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь. Тверь, 2005. С. 92.
- ¹²¹ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 481. Д. 24. Л. 19. Л. 22.
- ¹²² - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 481. Д. 17. Л. 2–3, 18–19 об., 26–28.

¹²³ - См. : Дамаскин (Орловский), игум. Житие священномученика Сергия (Кедрова). Тверь, 2002. // <http://fond.centro.ru/book/booklet/booklet3.htm>. (28.10.2009.)

¹²⁴ - См.: Знаменский П.В. Приходское духовенство... С. 94–97.

¹²⁵ - См.: Там же. С. 461–187.

¹²⁶ - Мельков А. С. Жизненный путь и научное наследие протоиерея А.В. Горского. М., 2006. С. 112–116.

¹²⁷ - См.: Московские церковные ведомости. 1906. № 51–52. 24 декабря. С. 291–299.

¹²⁸ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 481. Д. 36. Л. 4.

¹²⁹ - Там же. Л. 16–16 об. Л. 18.

¹³⁰ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 481. Д. 37. Л. 1.

¹³¹ - Там же. Л. 10.

¹³² - Там же. Оп. 478. Д. 1. Л. 62.

¹³³ - Там же. Л. 142–142 об.

¹³⁴ - Там же. Оп. 480. Д. 17.

¹³⁵ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 481. Д. 20. Л. 1–1 об.

¹³⁶ - Там же. Л. 3–3 об., 8.

¹³⁷ - Там же. Оп. 478. Д. 1. Л. 104–104 об.

¹³⁸ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 480. Д. 30. Л. 1, 6.

¹³⁹ - Там же. Оп. 763. Д. 123. Л. 98.

¹⁴⁰ - Там же. Оп. 480. Д. 35. Л. 5, 6.

¹⁴¹ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 481. Д. 39. Л. 6.

¹⁴² - Там же. Д. 42. Л. 4.

¹⁴³ - Там же. Оп. 480. Д. 35. Л. 10.

¹⁴⁴ - Необычные для нашего времени речи // Московские церковные ведомости. 1906. № 31. 6 августа. С. 313.

¹⁴⁵ - См. : Пашинцев Д.А. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX века / Дисс. ... к. ист. н. М., 1995. С. 68.

¹⁴⁶ - Русская мысль. Кн. III. М., 1903. С. 205.

¹⁴⁷ - См. : Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С.

120.

¹⁴⁸ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 480. Д. 19. Л. 2.

¹⁴⁹ - ПСЗ. 22. № 22581; 30. № 33701; 31. № 34890, 35315; Стенографический отчет Государственной Думы 3 созыва. Сессия 2. Заседание 34. С. 2091; Сессия 5. Добавление № 119; 4 созыва. Сессия 4. Заседание 27. Добавление. С. 2379. К началу 1913 г. жалованьем были обеспечены в целом 31 218 приходов (Отчет обер-прокурора... за 1911–1912 годы... С. 174–188).

¹⁵⁰ - Церковный вестник. 1910. № 29. 22 июля. С. 891.

¹⁵¹ - Церковные ведомости. 1905. № 35.

¹⁵² - Деяние Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. М., 1994. Т. 3. С. 190.

¹⁵³ - Там же. С. 191.

¹⁵⁴ - См. : Там же. С. 212.

¹⁵⁵ - См. : Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI-XVII веках. М., 2002. С. 167–168.

¹⁵⁶ - См.: Знаменский П.В. Приходское духовенство. С. 118.

¹⁵⁷ - См.: Московские церковные ведомости. 1906. № 24. 18 июня. С. 146–147.

¹⁵⁸ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 480. Д. 55. Л. 8–9

¹⁵⁹ - См.: Московские церковные ведомости. 1906. № 43; 1907. № 3.

¹⁶⁰ - См. : Начало трудного пути (Продолжение воспоминаний сельского священника) // Московские церковные ведомости. 1907. № 2 14 января. С. 46–51.

¹⁶¹ - См.: Московские церковные ведомости. 1903. № 2. 12 января. С. 20.

¹⁶² - См.: Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 587.

¹⁶³ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 480. Д. 15. Л. 8–9.

¹⁶⁴ - Там же. Д. 22. Л. 4.

¹⁶⁵ - Там же. Оп. 763. Д. 123. Л. 3.

¹⁶⁶ - Там же. Оп. 480. Д. 24. Л. 21.

¹⁶⁷ - Там же. Оп. 484. Д. 282. Л. 34–34.

- 168 - Знаменский П.В. Приходское духовенство. С. 104.
- 169 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 480. Д. 584. Л. 5–6.
- 170 - Там же. Л. 12.
- 171 - См.: Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX веках : Этнографические исследования и материалы. М., 2002. С. 168.
- 172 - Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 605.
- 173 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 401. Д. 14. Л. 2.
- 174 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 407. Д. 8. Л. 12.
- 175 - Там же. Оп. 409. Д. 4. Л. 11.
- 176 - Никольский Н., свящ. Горькая истина // Церковный вестник. [СПб.]. 1910. № 33. 19 августа. С. 1016.
- 177 - Лебедев В., свящ. Насущные вопросы жизни сельского духовенства // Московские церковные ведомости. 1906. № 37. 17 сентября. С. 454.
- 178 - Знаменский П.В. Приходское духовенство. С. 60.
- 179 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 474. Д. 15. Л. 18–19.
- 180 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 474. Д. 15. Л. 134–134 об.
- 181 - Там же. Л. 24–24 об.
- 182 - Там же. Оп. 480. Д. 221. Л. 56–57.
- 183 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 478. Д. 1. Л. 15–16.
- 184 - Там же. Оп. 480. Д. 221. Л. 113–113 об.
- 185 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 480. Д. 221. Л. 154–154 об.
- 186 - Там же. Оп. 481. Д. 19. Л. 5.
- 187 - Там же. Д. 21. Л. 2.
- 188 - Там же. Д. 23. Л. 9.
- 189 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 480. Д. 221. Л. 23–24.
- 190 - Там же. Л. 60–60 об.
- 191 - Там же. Л. 81–81 об.
- 192 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 480. Д. 221. Л. 224–224 об.
- 193 - Там же. Оп. 481. Д. 18. Л. 22.
- 194 - Там же. Д. 31. Л. 7.
- 195 - Там же. Оп. 478. Д. 1. Л. 130.

- ¹⁹⁶ - Там же. Оп. 481. Д. 39. Л. 30.
- ¹⁹⁷ - Там же. Оп. 763. Д. 123. Л. 131.
- ¹⁹⁸ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 484. Д. 29. Л. 128–129.
- ¹⁹⁹ - Там же. Оп. 480. Д. 221. Л. 54–54 об.
- ²⁰⁰ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 484. Д. 29. Л. 150–150 об.
- ²⁰¹ - Там же. Оп. 480. Д. 622. Л. 1–2.
- ²⁰² - Там же. Д. 623. Л. 42, 44 об.
- ²⁰³ - ПСЗ. Изд. 1. Т. 38. С. 172–176.
- ²⁰⁴ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 748. Д. 107. Л. 11–14.
- ²⁰⁵ - Церковные ведомости. 1908. № 9. 1 марта. Хроника (Прибавления). С. 438.
- ²⁰⁶ - Московские церковные ведомости. 1904. № 4. 25 января. Оф. отд.
- ²⁰⁷ - Глава написана в соавторстве с А. Костенецким.
- ²⁰⁸ - Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1885 г. С. 219.
- ²⁰⁹ - См. : О ходе дела по учреждению эмеритальной кассы // Московские епархиальные ведомости. 1872. № 45. Неоф. отд. С. 478–480.
- ²¹⁰ - См. : Отчет учредительного комитета эмеритальной кассы духовенства Московской епархии о приходе, расходе и остатке капиталов эмеритальной кассы за 1871–1884 гг. // Московские церковные ведомости. 1884. № 18. Оф. отд. С. 67.
- ²¹¹ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 529. Д. 2. Л. 20–22 (Выписка из настольного докладного реестра Московской Духовной Консистории по 3 столу экспедиции от апреля 19 дня 1874 г. №618).
- ²¹² - Отчет учредительного комитета эмеритальной кассы духовенства Московской епархии о приходе, расходе и остатке капиталов эмеритальной кассы за 1871–1884 гг. // Московские церковные ведомости. 1884. № 18. Оф. отд. С. 68.
- ²¹³ - См. : Костенецкий А.В. Материальное (пенсионное) обеспечение священнослужителей и причтов Русской Церкви

последней четверти XIX – начала XX в.: Эмеритальная касса духовенства Московской епархии (рукопись).

²¹⁴ - ЦИАМ. Ф. 450. Оп. 9. Д. 134. Л. 652–667 (Проект устава учрежденной в память высокопреосвященного митрополита Филарета Эмеритальной кассы духовенства Московской епархии. Общие положения : Ст. 1–10. Л. 653–654; Гл. I. С. 11–27. Л. 654–656; Гл. II. С. 28–46. Л. 656–658; Гл. III. С. 47–60. Л. 658–659; Гл. IV. С. 61–93. Л. 660–663; Гл. V. С. 94–102. Л. 663–664; Прил. 1. Л. 665; Прил. 2. Л. 666–667.

²¹⁵ - ЦИАМ. Ф. 450. Оп. 9. Д. 134. Л. 652–667. Гл. I (О денежных средствах эмеритальной кассы). С. 11–27. Л. 11–27.

²¹⁶ - Там же. Гл. II (Об открытии действий Эмеритальной кассы и о расчетах). С. 28–46. Л. 656–658.

²¹⁷ - ЦИАМ. Ф. 450. Оп. 9. Д. 134. Л. 652–667. Гл. III (О правах на получение пенсий). С. 47–60. Л. 658–659.

²¹⁸ - См. : Московские церковные ведомости. 1896. № 40. 6 октября. Оф. отд. С. 99.

²¹⁹ - Диякон Н. К-въ // Московские церковные ведомости. 1900. № 13. Оф. отд. С. 161–163.

²²⁰ - См. : Московские епархиальные ведомости. 1907. № 7. Оф. отд.

²²¹ - См.: Московские епархиальные ведомости. 1907. № 8. Оф. отд.

²²² - См.: Московские епархиальные ведомости. 1907. № 51–52. Оф. отд.

²²³ - См.: Московские церковные ведомости. 1907. № 50. Оф. отд. С. 361.

²²⁴ - См. : Московские церковные ведомости. 1907. № 50. Оф. отд. С. 364.

²²⁵ - См. : Отчет эмеритальной кассы духовенства Московской епархии за 1895 г. // Московские церковные ведомости. 1896. № 22. Оф. отд. С. 44–45.

²²⁶ - ЦИАМ. Ф. 450. Оп. 9. Д. 134. Л. 20 (Устав вспомогательной кассы присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников. § 12–13. С. 5).

²²⁷ - См. : Ведомость № 9 «О белом духовенстве» // Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. С. 24.

²²⁸ - См. : Отчет эмеритальной кассы духовенства Московской епархии за 1914 г. // Московские церковные ведомости. 1916. № 23–24. Оф. отд. С. 225.

²²⁹ - Ср. : Отчет эмеритальной кассы духовенства Московской епархии за 1914 г. // Московские церковные ведомости. 1916. № 14–15. Оф. отд. С. 126; Приложение к отчету эмеритальной кассы... // Там же. С. 133.

²³⁰ - См. : Отчет эмеритальной кассы духовенства Московской епархии за 1904 г. и приложение № 3 // Московские церковные ведомости. 1906. Оф. отд. №1. С. 3–4; №2. С. 7–8.

²³¹ - См. : Отчет эмеритальной кассы духовенства Московской епархии за 1914 г. и приложения № 3, 4 // Московские церковные ведомости. 1916. Оф. отд. № 14–15. С. 126–135; № 23–24. С. 218–225.

²³² - См. : Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 гг. С. 120.

²³³ - См.: Отчет эмеритальной кассы духовенства Московской епархии за 1914 г. // Московские церковные ведомости. 1916. № 14–15. Оф. отд. С. 126–135.

²³⁴ - См.: Там же. № 16. Оф. отд. С. 141–145.

²³⁵ - См.: Там же. № 17. Оф. отд. С. 153–159.

²³⁶ - См. : Ведомость № 17 (О приходе церковных денежных сумм и капиталов за 1914 г.), № 18 (О расходе церковных денежных сумм и капиталов за 1914 г.) // Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. С. 42–43, 46–47.

²³⁷ - Подробнее см. гл. III, § 5 настоящего издания. (???)

²³⁸ - См.: Отчет эмеритальной кассы духовенства Московской епархии за 1895 г. // Московские церковные ведомости. 1896. Оф. отд. № 22. С. 44; № 23. С. 48.

²³⁹ - В списке пенсионеров кассы 10-го разряда 4 человека, но в ведомости расходов значится выплата % пенсии за год в

размере 4 руб. некой вдове псаломщика Александре Успенской.

²⁴⁰ - См. : О назначении пенсий и единовременных пособий // Московские церковные ведомости. 1896. № 13–14. Оф. отд. С. 28–29.

²⁴¹ - Все данные, приведенные в таблице и далее, по 1904 г., см. в «Отчете эмеритальной кассы духовенства Московской епархии за 1904 г.» и «Приложении» к нему (Московские церковные ведомости. 1906. Оф. отд. № 1. С. 3–4; № 2. С. 7–8).

²⁴² - Все данные по 1914 г. см. в «Отчете эмеритальной кассы духовенства Московской епархии за 1914 г.» и «Приложении» к нему (Московские церковные ведомости. 1916. Оф. отд. № 14–15. С. 126–135; № 16. С. 141–145; № 17. С. 153–159; № 18–19. С. 169–171; № 23–24. С. 218–225).

²⁴³ - С 1912 г. пособия стали выплачиваться также достигшим совершеннолетия дочерям священников, если они не смогли выйти замуж и сохранить таким образом свое «место». Однако число таких выплат весьма незначительно (в 1914 г.—1 чел.).

²⁴⁴ - Московские церковные ведомости. 1889. № 49. Неоф. отд. С. 657–658.

²⁴⁵ - Зыкин Д. Горькая судьба мозга нации // <http://www.rusk.ru/st.php?idar=324897> (28.10.2009).

²⁴⁶ - См.: Россия. 1913 г.: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. Уровень жизни населения (потребление, заработная плата, цены). Табл. 12 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Stat/36.php. (28.10.2009).

²⁴⁷ - См. : Там же. Табл. 16.

²⁴⁸ - См.: Там же. Табл. 15.

²⁴⁹ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 407. Д. 8. Л. 65.

²⁵⁰ - Там же. Л.69об.–70.

²⁵¹ - Там же. Л. 65.

²⁵² - Там же. Л. 70.

²⁵³ - Там же. Л. 72.

²⁵⁴ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 409. Д. 4. Л. 44.

- 255 - Там же. Л. 48.
- 256 - Там же. Л. 48 об.
- 257 - Там же. Л. 51.
- 258 - Бронзов А. Еще к вопросу о духовенстве // Церковный вестник. [СПб.]. 1909. № 13–14. 27 марта. С. 416.»
- 259 - Церковный вестник. 1904. № 27. 1 июля. С. 856.
- 260 - Об обеспечении духовенства // Церковный вестник. [СПб.] 1910. № 2. 14 января. С. 36.
- 261 - Церковный вестник. [СПб.] 1910. № 2. 14 января. С. 36.
- 262 - Церковный вестник. 1910. № 24. 17 июня. С. 731.
- 263 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 607. Д. 9. Л. 1–33.
- 264 - Церковный вестник. 1909. № 13–14. 27 марта. С. 416.
- 265 - Вениамин (Федченков), митр. Божьи люди. М., 1997. С. 198.
- 266 - Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. М., 1997. С. 439.
- 267 - См. : Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. Т. 1–3. Прибавления.
- 268 - См.: Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 2. С. 15.
- 269 - Там же. С. 132.
- 270 - Там же. Т. 1. С. 497–198.
- 271 - См. : Там же. Т. 2. С. 185.
- 272 - Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 2. С. 218.
- 273 - Там же. С. 16.
- 274 - Там же. С. 735.
- 275 - Там же. С. 387.
- 276 - Там же. С. 519.
- 277 - См.: Там же. С. 820, 916.
- 278 - Там же. С. 449.
- 279 - Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 2. С. 585, 614.
- 280 - Там же. Т. 1. С. 75–76.

- 281 - Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 2. С. 845.
- 282 - См.: Там же. М., 2004. Т. 2. С. 597.
- 283 - См.: Там же. С. 739.
- 284 - См. : Там же. С. 589.
- 285 - Там же. С. 752.
- 286 - См.: Там же. С. 886.
- 287 - См.: Приказ по военному ведомству № 141 1899 г. и № 347 1901 г.
- 288 - См.: Толстой И.И. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. М., 1997. С. 111.
- 289 - Например, в начале XX в. в Санкт-Петербурге килограмм хлеба стоил 5 коп., мяса – 30 коп., осетрины – 8 коп., 100 г шоколада – 5 коп., метр сукна – 3 руб., хорошая кожаная обувь – 7 руб. В провинции цены были еще ниже (См. : Кожинов В. Россия. Век XX (1901–1939). М., 2002. С. 55).
- 290 - Фирсов С.Л. Русская Церковь... С. 208; Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 1. С. 75–76.
- 291 - Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 1. С. 41.
- 292 - Там же. С. 89.
- 293 - Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 1. С. 500.
- 294 - См.: Там же. С. 872.
- 295 - См.: Там же. Т. 2. С. 97.
- 296 - См.: Там же. С. 518.
- 297 - См.: Там же. С. 169.
- 298 - Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 1. С. 50.
- 299 - Там же. С. 50.
- 300 - Там же. С. 75–76.
- 301 - Фирсов С.Л. Русская Церковь... С. 208.

³⁰² - Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 1. С. 98.

³⁰³ - Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Она же. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян ХГХ в. М., 1986; Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII-XX веках: Этнографические исследования и материалы / Сост. О.В. Кириченко, Х.В. Поплавская. М., 2002; Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков. М., 2001; Мелехова Г.Н. Традиционные этноконфессиональные и общественно-политические воззрения северорусских крестьян (ХГХ-XX вв.) // Православная Церковь и государство в исторической судьбе России. Нижний Новгород, 2008. С. 198–227.

³⁰⁴ - Громыко М.М. Отношение к храму и священнику // Православная жизнь русских крестьян ХГХ-XX веков. М., 2001. С. 88–89.

³⁰⁵ - Громыко М.М. Отношение к храму и священнику. С. 88–89.

³⁰⁶ - Громыко М.М. Мир русской деревни. С. 116.

³⁰⁷ - Громыко М.М. Отношение к храму и священнику. С. 88.

³⁰⁸ - Мелехова Г.Н. Традиционные этноконфессиональные и общественно-политические воззрения северорусских крестьян... С. 202.

³⁰⁹ - Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 76.

³¹⁰ - Церковные ведомости. 1898. № 1. Приложение. С. 5.

³¹¹ - Московские церковные ведомости. 1905. № 35. 4 сентября. С. 372.

³¹² - Протоколы Отдела о церковной дисциплине. Цит. по кн. : Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 480.

³¹³ - Макарий (Невский), митр. За что мы наказываемся. Како потемне злато и помрачится сребро доброе? // Церковь и демократия. М., 1996. С. 60–61.

³¹⁴ - Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Т. 1. С. 172.

³¹⁵ - Смиренский П. свящ. Мысли сельского священника о всенародном пении в храме // Московские церковные ведомости. 1905. № 14. С. 161–162.

³¹⁶ - С.С., свящ. Пастырское служение // Московские церковные ведомости. 1905. № 35. 4 сентября. С. 372.

³¹⁷ - Куппетский М. Церковно-религиозная жизнь в России // Церковные ведомости. 1898. № 1. Приложение. С. 99.

³¹⁸ - Московские церковные ведомости. 1908. № 15–16. 12 апреля. С. 396.

³¹⁹ - Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви в 1917 – 1918 гг. М., 1999. Т. 7. С. 120 (Деяние 88. 19 февраля [4 марта] 1918 г.).

³²⁰ - Протоколы Отдела о церковной дисциплине Священного Собора Православной Российской Церкви. Цит. по : Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 477.

³²¹ - Волынец А. Государственная Дума и Духовенство // Церковные ведомости. 1908. № 4. 26 января. С. 177.

³²² - Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: Пособие для студентов. СПб., 1903 (Allpravo.Ru – 2004).
<http://www.allpravo.ru/library/doc76p/instrum3732/item3906.html>
(26.10.2009).

³²³ - См.: Нива. 1901. № 13. 31 марта. С. 259.

³²⁴ - Московские церковные ведомости. 1907. № 26. 1 июля. С. 827.

³²⁵ - См.: Нива. 1901. № 13. 31 марта. С. 258.

³²⁶ - См. : Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 гг. СПб., 1911. С. 401–403.

³²⁷ - Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. М., 1997. С. 451.

³²⁸ - Там же. С. 178.

³²⁹ - Там же. С. 264.

³³⁰ - Родионов И.А. Наше преступление. М., 1997. С. 3.

³³¹ - См. : Там же. С. 14–16.

³³² - Волынец А. Государственная Дума и Духовенство // Церковные ведомости. 1908. № 50. 13 декабря. С. 2442.

³³³ - Макарий (Невский), митр. За что мы наказываемся... С. 60–61.

³³⁴ - Никон (Рождественский), архиеп. Гипноз всеобщего обучения // Церковь и демократия. М., 1996. С. 91–92.

³³⁵ - Лудмер Я. Бабы стоны (из заметок мирового судьи) // Юридический вестник. 1884. Ноябрь. С. 446.

³³⁶ - См.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 574–576.

³³⁷ - См. : Андреева Ю.С. Деятельность Русской православной Церкви по духовному воспитанию населения Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX в. / Автореф. дисс. ... к. ист. н. Челябинск, 2006. С. 21; Она же. Деятельность православного духовенства по воспитанию трезвого образа жизни среди населения Оренбургской епархии во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Челябинск, 2006. Вып. 4. С. 66–73.

³³⁸ - См. : Андреева Ю.С. Деятельность Русской православной Церкви... С. 57.

³³⁹ - См.: Там же. С. 182.

³⁴⁰ - Там же. С. 418.

³⁴¹ - Андреева Ю.С. Деятельность Русской православной Церкви... С. 532.

³⁴² - См. : Ключарева А.В. Пастырское служение православного духовенства в России в конце ХГХ – начале XX в. (по материалам Тульской епархии) // Известия Тульского государственного университета. Сер. Теология. Вып. 2. Тула, 2006. С. 40–11.

³⁴³ - См. : Андреев Г.Л. Христианская периодическая печать на русском языке. 1801–1917 гг. Нью-Йорк, 1997. Т. 1. С. 1, 160; Т. 2. С. 29.

³⁴⁴ - Фоменко К., прот. Хулиганство // Киевские епархиальные ведомости. 1913. № 40. Неоф. ч. С. 1028.

³⁴⁵ - РГИА. Ф. 797. Оп. 77. [1907, II отд. 3 стол]. Д. 230. Л. 1 об., цит. по : Алексеев А.В. Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX – начала XX века: историко-конфессиональный (православный) взгляд / Автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 2008. <http://www.bogoslov.ru/text/311827.html> (02.10.09).

³⁴⁶ - См.: Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 350.

³⁴⁷ - Розанов В. Старая и молодая Россия : Статьи и очерки 1909 г. М., 2004. С. 7.

³⁴⁸ - Золотарев Л.А. Супружеские измены, их значение и причины. М., 1895. С. 5, 21.

³⁴⁹ - См. : Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 177.

³⁵⁰ - См.: Урланис Б.Ц. История одного поколения. М., 1968. С. 77.

³⁵¹ - См.: Миронов Б.Н. Социальная история России. М., 2003. Т. 1. С. 176.

³⁵² - См.: Урланис Б.Ц. Указ. соч. С. 88.

³⁵³ - См. : Миронов Б.Н. Социальная история России... СПб., 1999. Т. 1. С. 181.

³⁵⁴ - Необычные для нашего времени речи // Московские церковные ведомости. 1906. № 31. 6 августа. С. 317.

³⁵⁵ - Церковный вестник. 1904. № 18. 29 апреля. С. 548.

³⁵⁶ - См.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913): Статистические очерки. М., 1956. С. 293.

³⁵⁷ - См.: Колосов Н., свящ. Заведомая неправда // Московские церковные ведомости. 1907. № 2. 14 января. С. 39–46.

³⁵⁸ - См.: Тришников Н. В доме пастыря // Народная весть. 1906. № 12.

³⁵⁹ - Кондорушкин С. В сетях дьявола // Русское богатство. 1907. № 1.

³⁶⁰ - См.: Карикатурный тип // Московские церковные ведомости. 1907. № 19.

³⁶¹ - Подъячев С. К тихому пристанищу // Русское богатство. 1905 – 1906; Наживин И. В монастыре // Образование. 1907. Апрель; Гусаков А. В монастыре // Вестник Европы. 1905. Май; К источнику исцелений // Русское богатство. 1906; Булыгин. Дядя // Образование. 1907; Дмитриев. Пчелы жужжат // Русское богатство. 1906. Октябрь.

³⁶² - Розанов В.В. Русская Церковь. СПб., 1909. С. 16.

³⁶³ - С, свящ. Из дневника сельского священника // Московские церковные ведомости. 1908. № 15–16. 12 апреля. С. 383.

³⁶⁴ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 481. Д. 39. Л. 28.

³⁶⁵ - Обзор церковной жизни // Московские церковные ведомости. 1907. № 13. 1 апреля. С. 393.

³⁶⁶ - Церковные ведомости. 1906. № 19. С. 611.

³⁶⁷ - Московские церковные ведомости. 1907. № 28. 15 июля. С. 883.

³⁶⁸ - ГАРФ.Ф. 3431. Оп. 1.Д. 316. Л. 25.

³⁶⁹ - Следует отметить, что проблема непричастности большей части рабочих к церковной жизни существовала не только в России. За границей вопрос безверия пролетариата появился раньше – в середине XIX в. Эрих Хобсбаум, изучавший изменение общественных взглядов в Европе XIX в., писал: «Идеология нового рабочего класса и социалистических движений XIX века с самого начала была секуляристской... Преобладание секуляризма в новых рабочих и социалистических движениях основывается на преобладании религиозного безразличия нового пролетариата» (Хобсбаум Э. Век революций. 1789–1849. Ростов-на-Дону, 1999. С. 304). Католическая Церковь не замалчивала эту проблему: Папа Лев XIII отметил, что «Церковь потеряла рабочий класс»; более точно следует сказать, что «рабочий класс изначально формировался и вне Церкви и как антицерковный». Причин этому, по мнению самого католического духовенства, существовало несколько: безразличие к религиозным нуждам

рабочих фабрикантов, невозможность для городского духовенства справиться с увеличением потока прихожан, активная социалистическая пропаганда (Филиппов Б.А. История нового времени : Курс лекций. М., 2002. Ч. 2. С. 131).

³⁷⁰ - См. : Современные концепции аграрного развития : Теоретический семинар // Отечественная история. 1993. № 6. С. 93.

³⁷¹ - Мысли об оживлении прихода // Московские церковные ведомости. 1907. 11 февраля. № 6. С. 155.

³⁷² - Церковный вестник. 1904. № 14. 1 апреля. С. 426.

³⁷³ - Отчет обер-прокурора Святейшего Синода за 1905–1907 годы. СПб., 1908. С. 120.

³⁷⁴ - См. : Московские церковные ведомости. 1908. № 4. 26 января. С. 98.

³⁷⁵ - См.: Церковный вестник. 1909. № 10. 5 марта. С. 310.

³⁷⁶ - См. : Насилие над священником // Московские церковные ведомости. 1907. № 3. 21 января. С. 81.

³⁷⁷ - См. : Жертвы революции // Московские церковные ведомости. 1907. № 3. 21 января. С. 80.

³⁷⁸ - См. : Известия и заметки // Московские церковные ведомости. 1907. 18 февраля. № 7. С. 205–216.

³⁷⁹ - См. : Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 222–223.

³⁸⁰ - См. : Восторгов И., прот. Возрастающее религиозное одичание // Московские церковные ведомости. 1907. № 30. 29 июля.

³⁸¹ - См. : Гловков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005. С. 541.

³⁸² - Московские церковные ведомости. 1905. № 38. 18 сентября. С. 511–512.

³⁸³ - Церковный вестник. 1904. № 8. 19 февраля. С. 233.

³⁸⁴ - См.: Лурье СВ. Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994. С. 193.

³⁸⁵ - Т.Г. Леонтьева в этой связи даже называет молодежь «носителем «контркультуры» в деревне» (Леонтьева Т.Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX

в. (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 96).

³⁸⁶ - См. : Зориков А.Н. Криминогенная обстановка как результат и фактор социальной мобильности в России в начале XX в. // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 7.

³⁸⁷ - См. : Деяния Священного Собора Православной Русской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Т. 9. Деяние 153.

³⁸⁸ - Там же.

³⁸⁹ - Там же.

³⁹⁰ - Стефанович П.Ю. Указ. соч. С. 235.

³⁹¹ - См.: Там же. С. 249.

³⁹² - Знаменский П.В. Указ. соч. С. 157.

³⁹³ - Там же. С. 160.

³⁹⁴ - Церковный вестник. 1904. № 17. 22 апреля. С. 512.

³⁹⁵ - См. : Знаменский П.В. Указ. соч. С. 77–78.

³⁹⁶ - Московские церковные ведомости. 1906. № 42. 22 октября. С. 596–597.

³⁹⁷ - Розанов В.В. Вопросы русского труда // Розанов В.В. Старая и молодая Россия : Статьи и очерки 1909 г. М., 2004. С. 105.

³⁹⁸ - Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух веков. М., 1994. С. 122.

³⁹⁹ - Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух веков. М., 1994. С. 135.

⁴⁰⁰ - Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 2. С. 61.

⁴⁰¹ - Там же. С. 446.

⁴⁰² - Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 2. С. 333.

⁴⁰³ - Московские церковные ведомости. 1906. № 42. 22 октября. С. 592.

⁴⁰⁴ - Победоносцев К.П. Московский сборник // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 353.

⁴⁰⁵ - Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух веков. С. 112.

⁴⁰⁶ - Феодор (Поздеевский), архиеп. Смысл христианского подвига. Сергиев Посад, 1995. С. 60.

⁴⁰⁷ - Никифорова О.В. Религиозность сельского православного населения Оренбургской епархии во второй половине ХГХ – начале ХХ в. / Автореф. дисс. ... к. ист. н. Челябинск, 2006. С. 21.

⁴⁰⁸ - Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух веков. С. 77.

⁴⁰⁹ - Победоносцев К. П. Московский сборник // Победоносцев К.П. Сочинения. М., 1996. С. 400.

⁴¹⁰ - Церковный вестник. 1904. № 5. 29 января. С. 131.

⁴¹¹ - О бегстве детей духовенства из духовного звания // Церковный вестник. 1909. № 40. 1 октября. С. 1239.

⁴¹² - Из периодической печати // Церковные ведомости. 1908. № 12. 22 марта. Прибавления. С. 596.

⁴¹³ - Там же.

⁴¹⁴ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 481. Д. 35. Л. 7–7 об.

⁴¹⁵ - См.: Стефанович П. С. Указ. соч. С. 268.

⁴¹⁶ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 617. Д. 22. Л. 11 об.

⁴¹⁷ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 615. Д. 42. Л. 1–6.

⁴¹⁸ - Там же. Оп. 480. Д. 18. Л. 4.

⁴¹⁹ - Отзывы епархиальных архиереев... М., 2004. Т. 2. С. 185.

⁴²⁰ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 614. Д. 10.

⁴²¹ - Там же. Оп. 617. Д. 11. Л. 4–5, 13–13 об.

⁴²² - Там же. Л. 4 об. – 5.

⁴²³ - Там же. Оп. 610. Д. 11. Л. 23–26.

⁴²⁴ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 614. Д. 14. Л. 7–12.

⁴²⁵ - Там же. Оп. 610. Д. 18. Л. 11–12, 20, 69.

⁴²⁶ - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 614. Д. 18.

⁴²⁷ - Там же. Оп. 617. Д. 24. Л. 1.

⁴²⁸ - Там же. Л. 11–13.

- 429 - Там же. Оп. 610. Д. 43. Л. 4, 8–9, 55.
- 430 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 611. Д. 17. Л. 1–2, 12–12 об., 19, 20,
24.
- 431 - Там же. Д. 26. Л. 1–1 об.
- 432 - Там же. Л. 6 об.
- 433 - Там же. Оп. 616. Д. 42.
- 434 - Там же. Д. 10. Л. 1.
- 435 - ЦИАМ. Ф. 203. Д. 10. Л. 7–7 об.
- 436 - Там же. Оп. 612. Д. 21.
- 437 - Там же. Оп. 617. Д. 25. Л. 1, 3.
- 438 - Там же. Л. 5–10.
- 439 - См. : Волынец А. Государственная Дума и духовенство
// Церковные ведомости. 1908. № 46. 15 ноября. С. 2250.
- 440 - Церковные ведомости. 1908. № 46. 15 ноября. С. 2249–
2253.
- 441 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 609. Д. 9. Л. 9 об.
- 442 - Там же. Оп. 616. Д. 20. Л. 30–31.
- 443 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 763. Д. 123. Л. 35.
- 444 - Там же. Оп. 609. Д. 40.
- 445 - Там же. Оп. 480. Д. 25. Л. 17.
- 446 - Там же. Л. 19, 20.
- 447 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 617. Д. 2. Л. 2, 21–22 об.
- 448 - Там же. Оп. 607. Д. 11.
- 449 - Там же. Д. 2.
- 450 - Записка Думского духовенства // Христианская мысль.
1916. № 1. С. 146.
- 451 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 407. Д. 8. Л. 12.
- 452 - 25 случаев похищений.
- 453 - ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 409. Д. 4. Л. 11.
- 454 - 37 случаев похищений.